

Российский
государственный
гуманитарный
университет

Историко-
архивный
институт

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТ- ВЕННАЯ ВОЙНА В ОЦЕНКЕ МОЛОДЫХ

Сборник статей
студентов,
аспирантов,
молодых ученых

Москва 1997

ББК 63.3(0) 62
В 27

Ответственный редактор
доктор исторических наук, профессор *Н.А. Кирсанов*

Великая Отечественная война в оценке молодых: Сб. статей студентов, аспирантов, молодых ученых. М.: Рос. гос. гуманитарн. ун-т. 1997 г. 163 с.

ISBN 5-7281-0130-5

В данный сборник вошли статьи, подготовленные молодыми преподавателями, аспирантами и студентами-дипломниками – участниками научных конференций, состоявшихся в Историко-архивном институте Российского государственного гуманитарного университета в связи с 50-летием победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Написанные на основе архивных, в большинстве своем неизвестных материалов, статьи отражают современные взгляды на проблемы истории Великой Отечественной войны, знакомят читателя с малоисследованными фактами.

Для всех интересующихся историей нашей страны.

В 0503020600-002 96-6
ОТ(03)-97

ББК 63.3(0) 62

© Коллектив авторов, 1997
© Российский государственный
гуманитарный университет, 1997

Содержание

- 5-11 *Харитонова А.Г.*
Пакт 23 августа 1939 года: альтернативы и реальность
- 12-24 *Марков А.Д.*
Военно-политические аспекты присоединения к СССР Западной Украины и Западной Белоруссии
- 25-34 *Грибакин А.С.*
Советские войска в боях с финской армией
- 35-45 *Ксенофонтова Н.В.*
Советско-финляндская война в освещении советской пропаганды (1939–1940 гг.)
- 46-52 *Голотик С.И.*
Из истории Центрального справочного бюро о военнопленных Союза обществ Красного Креста и Красного Полумесяца СССР (1939–1941 гг.)
- 53-66 *Печенкин А.А.*
Миф о превентивной войне
- 67-80 *Демичев М.О.*
Государственный Комитет Обороны: организация, положение и роль в системе государственных органов в период Великой Отечественной войны
- 81-89 *Кожевникова Г.В.*
Некоторые вопросы организации и деятельности высших органов управления Вооруженными Силами СССР в период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.)
- 90-99 *Юров С.Ю.*
Москвичи в октябре 1941 года
- 100-110 *Мясников А.В.*
Участие 5-й армии в Ржевско-Вяземской операции (январь–апрель 1942 г.)

- 111-119 *Кондратьева Е.В.*
Боевой путь гвардейской подводной лодки «Л-3»
- 120-126 *Широкопад И.И.*
Советская периодическая печать
в годы Великой Отечественной войны
- 127-134 *Дробязко С.И.*
Советские граждане в рядах вермахта.
К вопросу о численности
- 135-145 *Гущина А.В.*
Деятельность Совета по делам Русской
православной церкви при СНК СССР в 1943–1945 гг.
- 146-154 *Кузнецова А.Б.*
Депортация ингушского народа в 1943–1944 гг.
- 155-163 *Зубренков С.В.*
Националистическое подполье и войска НКВД
на территории Литвы в 1944–1945 гг.

П акт 23 августа 1939 года: альтернативы и реальность

1939 г. обозначил трагический перелом во всемирной истории - человечество вступило в страшную, разрушительную войну, продолжавшуюся шесть лет.

В мировой историографии уже десятки лет идут острые дискуссии о предыстории второй мировой войны, о том, почему и как, спустя лишь 20 лет после первой мировой войны, началась следующая война, еще более жестокая и опустошительная. Было ли развитие событий в это двадцатилетие фатальным? Что привело к трагической развязке? Какие конкретно страны, политические партии и лидеры несут ответственность за развитие мирового конфликта? Эти вопросы находятся в центре внимания историков разных стран.

Российские историки начали переосмысливать межвоенную историю относительно недавно. Наибольший интерес вызывают события непосредственного кануна войны, связанные с заключением 23 августа 1939 г. Договора о ненападении между СССР и Германией, часто называемого пактом Молотова-Риббентропа. В последние годы по этому вопросу опубликован ряд интересных исследований¹, а также документальных сборников².

На рубеже 1920-1930-х годов ситуация в мире, как известно, значительно дестабилизировалась. Этому способствовали поразившая капиталистический мир так называемая великая депрессия, сталинский террор, начало реализации германским фашизмом программы мирового господства.

Полностью несостоятельной оказалась предвоенная политика «умиротворения агрессора». В ее основе лежала идея обеспечения безопасности Англии, Франции и других западных стран за счет Советского Союза. Эта политика включала в себя и фактор идеологический, выражавшийся в неприятии социализма, что создавало психологический барьер, мешавший многим политическим лидерам Западной Европы договориться с Советским Союзом во имя всеобщей безопасности.

Серьезным препятствием для объединения антифашистских сил была утвердившаяся в СССР система сталинизма и сталинский подход к мировым событиям. Заняв сначала антинацистскую позицию, в конце 30-х годов советское руководство пересмотрело свою политику в отношении фашистской Германии. Это было результатом отрицательного отношения руководителей СССР как к Мюнхенскому соглашению, так и к западным демократиям.

Этой политике была альтернатива - система коллективной безопасности, идея которой основывалась на равенстве всех участников и на совместных действиях против потенциальных агрессоров. Активными ее сторонниками были М. Литвинов в Москве, Л. Барту - в Париже, Титулеску - в Бухаресте, король Александр - в Белграде и деятели других государств. Они исходили из возможности подписания Восточного регионального пакта и серии двусторонних пактов. Результатом осуществления этой идеи было, например, заключение советско-французского и советско-чехословацкого договоров, вступление СССР в Лигу Наций.

Но вскоре положение стало меняться в неблагоприятном для мира направлении. Во-первых, Англия продолжала следовать своей традиционной политике игры на противоречиях, не подписывая к чему-либо обязывающих соглашений. Во-вторых, во Франции П. Лаваль, сменивший Л. Барту на посту министра иностранных дел, начал проводить политику «умиротворения».

Тем временем гитлеровская машина наращивала обороты. После занятия Рейнской демилитаризованной зоны последовал аншлюс (присоединение) Австрии. О подготовке аншлюса было известно в Москве. 26 февраля 1938 г. поверенный в делах СССР в Берлине Г.А. Астахов сообщал М.М. Литвинову,

что Гитлер «будет действовать быстро и решительно» и ни у кого из его окружения нет иллюзий относительно того, что Австрия обречена, а следующей будет Чехословакия³. Когда же аншлюс стал фактом, советский нарком по поручению правительства сделал 17 марта заявление для представителей печати о позиции СССР в связи с событиями в Австрии. Советское правительство выразило готовность участвовать в коллективных действиях по предотвращению дальнейшего развития агрессии и с этой целью предложило обсудить в Лиге Наций и вне ее практические меры⁴.

В Праге заявление Литвинова от 17 марта было расценено как значительная поддержка Чехословакии⁵. Полпред в Лондоне И.М. Майский телеграфировал: «Чемберлен относится отрицательно. Его правительство постарается похоронить советскую... инициативу»⁶. Французское правительство поначалу приветствовало советское предложение, но вскоре потеряло к нему интерес.

В США заявление Литвинова опубликовали газеты «Нью-Йорк Таймс» и «Геральд трибюн». Ноту Советского правительства по поводу захвата Австрии 24 марта обсуждал госдепартамент. «Все внимание сосредоточивалось на том, в какой форме лучше отвергнуть советские предложения. После долгих разговоров было решено ограничиться краткой вербальной нотой»⁷.

Вслед за этими событиями произошло вмешательство фашистской Германии в испанские дела, а затем наступила очередь Чехословакии. В работах историков, посвященных данной проблематике, достаточно четко прослеживается точка зрения, что предвоенный год кризиса начался 29 сентября 1938 г., когда в Мюнхене главы правительств Германии, Италии, Англии и Франции подписали соглашение о передаче фашистскому рейху «мирным путем» Судетской области Чехословакии. Без сомнения, это была постыдная сделка, которая не только нанесла смертельный удар независимой Чехословакии, но и явилась кульминационным пунктом политики «умиротворения».

Мюнхен полностью изменил военно-стратегическую обстановку в Европе. Англия и Франция ценой уступки Гитлеру Чехословакии значительно ухудшили свои политические,

экономические и военно-стратегические позиции в Западной Европе. Что же касается Советского Союза, то международная обстановка, сложившаяся после Мюнхена, поставила его в опасное положение дипломатической изоляции. Перед советским руководством встала неотложная задача определить внешнеполитическую стратегию СССР в сложных условиях нестабильного международного положения.

Советское руководство, в частности Сталин и его ближайшее окружение, понимало, что СССР не готов к большой войне. Главная цель советской дипломатии состояла в том, чтобы оттянуть начало войны, выиграть время для укрепления обороноспособности страны, а в случае возникновения военного конфликта в Европе избежать в нем прямого участия. Эти намерения вполне естественны для любого государства, заботящегося о своей безопасности.

В этих условиях укрепление отношений с Англией и Францией, а также с другими странами западного мира отвечало целям СССР. Но у Сталина и его апологетов были серьезные сомнения, усилившиеся после Мюнхена, в надежности этих стран в качестве партнеров на международной арене.

Существовал, помимо этого, и еще один вариант - нормализация отношений с Германией и тем самым устранение или ослабление угрозы фашистской агрессии против СССР. Несмотря на открытую вражду двух режимов друг к другу, возможность сближения СССР с Германией не исключали и западноевропейские политики.

Трудно точно установить, когда Берлин и Москва сделали первые шаги к установлению взаимопонимания. Некоторые исследователи относят одну из первых попыток к октябрю 1938 г., когда германский посол в Москве фон Шуленбург известил МИД, что «намерен в ближайшем будущем обратиться к Председателю СНК Молотову в попытке достичь урегулирования вопросов, осложняющих германо-советские отношения»⁸. Посол едва ли мог самостоятельно проявить такую инициативу ввиду крайне враждебного отношения Гитлера к Москве, скорее всего он получил указания из Берлина.

Многие историки считают, что в СССР поворот в сторону установления контактов с Германией обозначился на XVIII съезде ВКП(б). Именно тогда, в марте 1939 г., в Москве с

большой осторожностью было сказано о возможности изменения позиции СССР в отношении Германии. В этот период произошли события, круто повернувшие военно-политическую ситуацию в Европе. 15 марта гитлеровские войска оккупировали Чехословакию. Опасность германской агрессии нависла и над другими странами Европы. Вскоре стало ясно, что следующий удар Германия нанесет Польше - союзнику Франции. В этих условиях в политических кругах Лондона и Парижа укреплялось мнение о целесообразности установления более тесных контактов с СССР.

Об англо-франко-советских переговорах написано много. Как известно, в ходе переговоров в Москве партнеры испытывали друг к другу вполне обоснованное недоверие и в тайне друг от друга пытались договориться с Германией. Так, в течение мая-июня 1939 г. Москва и Берлин вели взаимный зондаж. Однако в конце июня контакты практически прекратились. В новую фазу советско-германские переговоры вступили в конце июля. Проходили они на фоне германских приготовлений к агрессии против Польши. 7 августа в Москве было получено сообщение: «Развертывание немецких войск против Польши и концентрация необходимых средств будут закончены между 15 и 20 августа, и начиная с 20 августа следует считаться с началом военной акции против Польши»⁹.

В это время из Лондона поступило сообщение, что 6 августа адмирал Дракс с членами английской военной миссии отправился в СССР на пароходе. Однако никаких полномочий на заключение военной конвенции он не имел. Вскоре в Москве были получены сведения о тайных контактах Великобритании и Германии с целью созыва новой конференции, подобной той, что некогда была в Мюнхене.

Сгущались тучи и на Дальнем Востоке, где японцы сосредоточили войска для генерального наступления против СССР.

21 августа состоялось последнее заседание советских, английских и французских военных представителей. Советская сторона больше не видела в них смысла. А через день в Кремле начались советско-германские переговоры, закончившиеся подписанием договора о ненападении и секретного протокола к нему, разграничившего сферы интересов СССР и Германии в Восточной Европе.

Заключение договора о ненападении между СССР и Германией свидетельствовало о том, что если раньше СССР в основном ориентировался на демократические страны Запада, пытаясь вместе с ними осуществлять политику коллективной безопасности, то после Мюнхена Сталин и его окружение перестали доверять Англии и Франции. Политические и моральные мотивы, которые могли бы помешать сближению СССР с Германией, советские лидеры отбросили. Они пошли на установление «дружественных отношений» с государством, которое не скрывало своих агрессивных намерений в отношении многих стран. Заключив с СССР 23 августа 1939 г. договор о ненападении, Гитлер обеспечил себе свободу действий - через неделю Германия напала на Польшу. Готовясь к агрессии, она была заинтересована в совместных действиях с войсками Красной Армии, как нам представляется, по двум причинам. Во-первых, Гитлер стремился продемонстрировать миру германо-советское сближение в действии. Во-вторых, не последнюю роль играло стремление заставить СССР нести совместную ответственность за столь грубое нарушение Германией норм международного права. Вероятно, по этим причинам немецкая сторона настойчиво подталкивала советское руководство ускорить начало военных действий против Польши. Уже 3 сентября Гитлер, принимая верительные грамоты вновь назначенного советского полпреда в Берлине А.А. Шкварцева, поднял этот вопрос.

По моим подсчетам, основанным на опубликованных документах, в период с 3 по 23 сентября 1939 г. министр иностранных дел Германии И. Риббентроп отправил своему послу в Москве Шуленбургу восемь срочных секретных телеграмм и соответственно с 5 по 25 сентября получил от него тринадцать телеграмм, непосредственно касавшихся участия советских войск в боевых действиях на территории Польши, а затем подготовки договора о дружбе и границе, подписанного 28 сентября. Подписание этого нового договора с приложениями в виде секретного дополнительного протокола и конфиденциального протокола означало, что советское руководство окончательно встало на путь сотрудничества с гитлеровской Германией по широкому кругу вопросов, включая военные. Об этом свидетельствовала и договоренность, по

которой советская сторона обязалась предоставить немцам на побережье Баренцева моря порт или место для военно-морской базы, куда могли заходить германские рейдеры, действовавшие на морских коммуникациях в Атлантике против Англии и ее союзников.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Волков С.В., Емельянов Ю.В. До и после секретных протоколов: Советско-германские соглашения 1939 года. М., 1990; Дашичев В.И. Пакт Гитлера-Сталина: Мифы и реальность // Ежегодник германской истории. 1988. М., 1991. С.181–189; Кульков Е.М. Советский Союз в военно-политических планах нацистской Германии // Предвоенный кризис 1939 года в документах. М., 1992. С.116–132; Розанов Г.Л. Сталин-Гитлер: Документальный очерк советско-германских дипломатических отношений, 1939–1941 гг. М., 1991.
- ² СССР-Германия, 1939–1941: Документы и материалы о советско-германских отношениях: В 2 т. Вильнюс, 1989; Год Кризиса, 1938–1939: Документы и материалы. М., 1990.
- ³ Севостьянов Г.Н. Европейский кризис и позиция США, 1938–1939. М., 1992. С.9.
- ⁴ Известия. 1938. 17 марта.
- ⁵ Документы внешней политики СССР. М., 1977. Т.21. С.130.
- ⁶ Там же. С.135.
- ⁷ Севостьянов Г.Н. Указ. соч. С.10.
- ⁸ См.: Ширер У. Германо-советский пакт о ненападении 23 августа 1939 г. // От Мюнхена до Токийского залива: Взгляд с Запада. М., 1992. С.46.
- ⁹ 1939 год. Уроки истории. М., 1990. С.33

Военно-политические аспекты присоединения к СССР Западной Украины и Западной Белоруссии

Изучение военно-политических аспектов присоединения к Советскому Союзу восточнопольских земель в 1939 г., столь сильно повлиявшего на судьбы целого ряда государств и народов, до сих пор имеет неоценимое научное и общественно-политическое значение.

По-разному оценивают те события историки разных стран и разных убеждений, зачастую давая одностороннюю картину. И сейчас, когда становятся доступными огромные комплексы рассекречиваемых документов, таких, например, что хранятся в фондах 35084 и 35086 Российского государственного военного архива, ставших основой данной работы, необходимо тщательно и беспристрастно исследовать все спорные или почти неизвестные аспекты проблемы. К последним относятся боевые действия Красной Армии на польской территории в сентябре-октябре 1939 г.

Огромное количество публикаций по данной теме вышло в 1939-1940 гг. Авторы затрагивали историю западных земель Украины и Белоруссии, резким нападкам подвергали политику «буржуазно-помещичьей», «фашистской» Польши. Выходившая в послевоенные годы литература описывала, в основном, социалистические преобразования на Западной Украине и в Западной Белоруссии.

«Перестройка» обострила интерес к событиям 1939 г., но

историков волновали в основном проблемы, связанные с договором о ненападении между СССР и Германией. И хотя такие авторы, как В.А. Анфилов, В.М. Бережков, М.И. Семиряга, В.М. Фомин, А.С. Якушевский и другие, отчасти касались и некоторых моментов рассматриваемой проблемы, они все же не уделили большого внимания боевым действиям между польской и советской сторонами.

Западноукраинские и западнобелорусские земли, заселенные восточнославянскими племенами, в X-XI вв. входили в состав Киевской Руси. Причем уже в 981 г. князю Владимиру I пришлось вести борьбу с поляками за города Перемышль, Червень и др.¹ Западная граница Руси проходила несколько западней нынешних границ Украины и Белоруссии. Распавшаяся на отдельные княжества и ослабленная татаро-монгольским нашествием, Русь стала легкой добычей своих западных соседей. В XIII-XIV вв. юго-западные русские княжества вошли в состав Польши и Литвы, которые объединились в 1569 г. в единое государство - Речь Посполитую. В XIV-XVI вв. началось формирование белорусской и украинской народностей. Однако этот процесс не завершился даже в начале XX в., когда среди белорусов выделялись литвины, пинчуки, бужане, гомельцы и собственно белорусы², среди украинцев - полещуки, лемки, гуцулы, русины, не говоря уже о тех, кто причислял себя к русским или полякам.

В составе Речи Посполитой украинское и белорусское население подвергалось значительному экономическому, культурному и религиозному притеснению. Последнее выразилось в навязывании католической, а затем униатской религии в противовес православию, что впоследствии не могло не сказаться в отношениях с русским народом.

В ходе разделов Речи Посполитой белорусские и большей частью украинские земли вошли в состав Российской империи. Западная Украина (Галиция) стала частью Австрии.

Октябрьская революция 1917 г. в России, а также крушение стран Центрального блока коренным образом повлияли на судьбы украинского и белорусского народов. Их националистические круги вначале стремились к автономии, а затем и к полной независимости от России. Впрочем, белорусских националистов, провозгласивших 25 марта 1918 г.

независимую Белорусскую Народную Республику³, мало кто воспринимал всерьез. Украинские же сепаратисты в 1918-1919 гг. пользовались большим влиянием. 22 января 1919 г. Галицийская Рада - центральный орган Западно-Украинской народной республики (со столицей в Тарнополе) во главе с Петрушкевичем и Директория во главе с Петлюрой, незадолго до этого овладевшего Киевом, провозгласили единую Украинскую народную республику⁴, которая просуществовала недолго.

18 марта 1921 г. в Риге был подписан мирный договор, последовавший за поражением Красной Армии в советско-польской войне 1920 г. В соответствии с ним Западная Украина и Западная Белоруссия де-юре вошли в состав Польши, хотя польское население в данных землях составляло по разным источникам от 10 до 33%. Белорусов в Западной Белоруссии было 63,7%⁵, а население Западной Украины (по данным переписи 1931 г.) на 62,17% состояло из украинцев, которых в Польше называли русинами⁶.

На восточных землях польское правительство продолжило политику колонизации, отдавая лучшие земли военным колонистам-осадникам, удушая национальные школы, книгоиздание. Так, к 1937 г. в Польше не осталось ни одной белорусской школы⁷. Украинские и белорусские легальные националистические организации требовали от польского государства автономии (причем Украинское национально-демократическое объединение относилось к украинским землям Лемковщину, район Белостока, т. е. Подляшье, Хелмщину и Полесье) и послаблений в области культуры и образования, но не могли добиться успеха, в то время как боевые подпольные Украинская войсковая организация (УВО) и Организация украинских националистов (ОУН) делали ставку на террор. Влияние коммунистов, довольно высокое в 20-е годы, постепенно падало, причем не из-за террора со стороны ОУН и польского правительства, а из-за известий о голоде на Украине в 1933 г., репрессий конца 30-х годов, в том числе среди членов запрещенных Коминтерном компартий Польши, Западной Украины и Западной Белоруссии.

Национализм польских властей распространялся не только на белоруссов и украинцев. Гонениям подвергались чехи,

евреи, литовцы, немцы, русские. Польша активно сотрудничала с фашистской Германией, приняв участие в расчленении Чехословакии. В то же время польское руководство не стало гитлеровской марионеткой, не дав использовать свою территорию для агрессии против Советского Союза⁸ и не согласившись на передачу Данцига в состав Германии.

Как теперь хорошо известно, 23 августа 1939 г., после провала англо-франко-советских переговоров, советская и германская стороны в дополнительном секретном протоколе к пакту о ненападении договорились о разделе сфер влияния в Польше по линиям рек Нарев-Висла-Сан. Позднее, 28 августа, эта линия была уточнена: она шла по рекам Писса-Нарев-Висла-Сан⁹.

1 сентября немецкие войска, превосходившие польские по артиллерии в 2,8 раза, а по танкам в 5,3, начали стремительное продвижение по польской территории¹⁰. Англия и Франция, хоть и объявили войну Германии, ограничились более чем незначительными боевыми действиями. Уже 6 сентября польское командование отдало приказ об отходе на оборонительную линию Нарев-Висла-Сан¹¹ и, как и правительство, покинуло Варшаву¹². В таких условиях СССР приступил к мобилизации и продвижению войск к польской границе. Причем немецкая сторона начиная с 3 сентября постоянно торопила Сталина с выступлением¹³.

К середине сентября немецкие войска вошли в Брест, Белосток, заняли часть западноукраинской территории, а 15 сентября в телеграмме Риббентроп информировал советское руководство, что если оно не выступит в ближайшее время, то в районе восточнее германской зоны влияния «могут возникнуть условия для формирования новых государств»¹⁴.

16 сентября были прекращены боевые действия на Халхин-Голе¹⁵, и теперь при наличии безопасного тыла было принято решение выступить на следующий день. Сталин вызвал немецкого посла Шуленбурга в 2.00 17 сентября и, объявив о принятом решении, попросил, чтобы немецкие самолеты с 17 сентября не летали восточней линии Белосток-Брест-Литовск-Лемберг (Львов)¹⁶.

Для ведения боевых действий на основе Белорусского и Украинского Особых военных округов были созданы фронты

- Белорусский во главе с М.П. Ковалевым и Украинский во главе с С.К. Тимошенко. Украинский фронт состоял из Житомирской, Винницкой и кавалерийской армейских групп. По мере продвижения на запад они меняли названия, а позднее были развернуты в 5, 6 и 12-ю армии¹⁷. В Белорусский фронт также вошли армейские группы, позднее развернутые в 3, 4 и 11-ю армии, а также конно-механизированная группа и 23-й отдельный стрелковый корпус¹⁸. Общая численность советских войск, задействованных в кампании, составляла 466 615 человек¹⁹, в то время как польское командование, бросившее все основные силы на борьбу с немцами, на восточной границе держало лишь 25 батальонов, сформированных в основном из резервистов²⁰.

Боевые действия были начаты 17 сентября в 5.00. Войска Красной Армии и части НКВД не встретили активного сопротивления на границе, за исключением отдельных участков. Так, 40 мин. отбивался гарнизон комендатуры в местечке Гусятин²¹, в районе Святец поляки оказали упорное сопротивление, а часть из них, не желая сдаваться, сгорела заживо в подоженных стражницах²².

За первый день кампании советские войска захватили города Ровно, Тарнополь²³, Барановичи, причем одноименный укрепленный район никем не оборонялся²⁴. Обосновывая вступление в Польшу, советское командование в приказах по армии от 16 сентября писало о начавшейся борьбе рабочего класса и крестьянства Польши против своих угнетателей и о необходимости спасти белорусских и украинских братьев «от угрозы разделения и избиения со стороны врагов»²⁵.

Несмотря на то что приказ о переходе границы, как доносили из воинских частей, был встречен «с неописуемым воодушевлением», вряд ли все красноармейцы понимали происходившее. Так, при прохождении через Тарнополь советские солдаты кричали, что они идут воевать с «фрицами»²⁶. Интересно, что поначалу так думали и многие поляки. Представители власти в Ровно, Тарнополе, Копышинце радостно встречали войска «союзников»²⁷. Позднее, когда стали ясны истинные причины нахождения Красной Армии на польской земле, отношение к ней в основном определялось националь-

ностью: враждебное - со стороны поляков и приветливое - со стороны белоруссов, украинцев, евреев.

17 сентября в Москве польскому послу Гржибовскому была передана нота правительства СССР, содержавшая ряд оскорбительных для Польши утверждений. Виновниками войны объявлялись польские «неразумные руководители», говорилось, что «польское государство и его правительство перестали существовать. Тем самым прекратили свое действие договоры, заключенные между СССР и Польшей»²⁸. В связи с этим советское руководство брало на себя защиту жизни и имущества населения Западной Украины и Западной Белоруссии.

Вечером 17 сентября вместе с рядом воинских частей покинуло страну польское правительство²⁹. Под утро 18 сентября границу пересек главнокомандующий польскими войсками Э. Рыдз-Смиглы вместе со своим штабом³⁰. В последнем приказе Рыдз-Смиглы призывал польских солдат не вступать в бой с Красной Армией за исключением тех случаев, когда советские войска будут пытаться их разоружить или помешать отходу в Румынию или Венгрию³¹. Советское командование в своих приказах требовало уничтожения польской армии, пленения ее военнослужащих.

Красная Армия продолжала успешное наступление, встречая сопротивление небольших групп осадников, офицеров и жандармов. Солдаты же, особенно белорусы и украинцы, сдавались без боя. 18 сентября войска Украинского фронта заняли Дубно, Луцк, Коломыю³². 19 сентября был занят древний Галич, в плен попало около 20 тыс. человек, пытавшихся уйти в Румынию³³.

Достаточно успешными были действия и Белорусского фронта. Авиации поручалось наносить удары по Свенцянам и Вильно и не бомбить занятые немцами пункты³⁴. Часть сил фронта двигалась по Варшавскому шоссе, а 3-я и 11-я армии должны были, заняв Вильнюс, выйти к литовской и латвийской границам. 11-я армия, овладев Ошмянами и Ивье, вечером 18 сентября атаковала восточную окраину Вильнюса³⁵. Заняв 18 сентября местечко Свенцяны³⁶, 3-я армия вышла утром 19 сентября к северной окраине Вильнюса³⁷. Но из-за нечеткого плана полностью окружить польские силы не

удалось и часть из них ушла в Литву³⁸. В ходе штурма основное сопротивление оказали офицеры, полицейские и студенты, солдаты сражались пассивно и быстро сдавались в плен, причем около 100 солдат перешло на сторону Красной Армии, помогая разоружить несдавшиеся части³⁹. В городе было захвачено около 10 000 пленных и множество трофеев⁴⁰. 19 сентября без боя был занят г. Лида, в качестве трофеев было захвачено 23 самолета⁴¹. К этому времени наметилось отставание основных сил Красной Армии от передовых частей. В 3-й армии оно достигало 40-50 км, причем происходило это из-за плохой организации марша, перебоев в питании, панических перестрелок, в связи с чем задача армии по выходу к литовской и латвийской границам и организации их охраны была выполнена лишь 25 сентября⁴².

В сентябре 1939 г. в восточнопольских землях украинцы, белорусы и евреи нередко организовывали повстанческие отряды, пытаясь захватить власть в ряде мест, нападая на отступавшие от немцев польские части. Так, были подняты восстания в деревнях Полесья, на время захвачена власть в Гродно. Непольское население превращало польские знамена, отрывая от них белые полосы, в красные, засыпало цветами колонны Красной Армии. Население охраняло мосты, указывало места, где поляки прятали оружие, участвовало в обезвреживании небольших польских частей. В то же время уже с 17 сентября польские офицеры начали создавать антисоветское подполье, переходя от сбора оружия и агитации к вооруженному сопротивлению. Так, 19 сентября, после прохождения передовых советских частей в местечке Сасув помещики и офицеры подняли восстание, при подавлении которого «было уничтожено до 250-ти человек и взято в плен 45 человек»⁴³. 20 сентября советские танки вышли на восточную окраину Львова, который осаждали немецкие войска⁴⁴. К ним были посланы парламентарии на танках с красными и белыми флагами. По красноармейцам был открыт огонь и с польских, и с немецких позиций. В завязавшейся перестрелке немцы потеряли три орудия, трех человек убитыми, 9 ранеными; красноармейцы - трех убитыми, четырех - ранеными, были подбиты две бронемашин⁴⁵. Подобные инциденты происходили и в других местах.

Советская сторона, несмотря на противодействие немцев, добилась отвода их войск от Львова. Затем состоялись переговоры с командованием 15-тысячного польского гарнизона (с генералом Лангнером). Получив отказ о выводе за границу, гарнизон был вынужден капитулировать⁴⁶.

22 сентября советские войска вошли в город, встречая незначительное сопротивление части гарнизона, стрелявшего по красноармейцам с баррикад, чердаков, из костелов и церквей⁴⁷.

В других районах страны Красная Армия натолкнулась на активное сопротивление. Так, две недели продолжались бои в Сарненском укрепрайоне⁴⁸. В одном из них под Боровичами советским войскам противостояли 3 тыс. поляков. Красноармейцы потеряли 30 человек убитыми, 60 ранеными, а также два танка, танкетку и орудие⁴⁹.

В ходе боев 20-21 сентября за город Гродно войска Белорусского фронта потеряли 47 человек убитыми, 156 ранеными, 16 танков и три бронемашины были сожжены или подбиты⁵⁰. Отчаянное сопротивление гарнизона города, состоявшего из различных воинских частей, полиции и местных националистических организаций было жестоко подавлено: много защитников погибло под танками на восточной окраине города, 29 офицеров были расстреляны⁵¹. Часть гарнизона избежала пленения, уйдя из Гродно⁵². 22 сентября немцы передали советским войскам Белосток и Брест-Литовск. С этого времени советские войска вели боевые действия на территории этнической Польши. Населенные пункты, занятые немцами, передавались красноармейцам без боя, но там, где еще были остатки польских сил, велись бои. Выход на разграничительную линию между советскими и немецкими войсками должен был завершиться 5 октября с подходом Красной Армии к Праге - восточной окраине Варшавы⁵³.

23 сентября советская механизированная группа без особого сопротивления заняла г. Августов, 24 сентября - г. Сувалки, на следующий день войска Белорусского фронта приступили к очистке Августовского леса от мелких польских «банд»⁵⁴.

Войскам Украинского фронта 24 сентября немцы передали г. Бориславль, а 26 сентября - Самбор⁵⁵. 25 сентября пос-

ле многочасового боя был занят г. Хелм (Холм), в плен попал 8 тыс. человек⁵⁶.

В Москве в это время начали осознавать, что захват Люблина, выход к Висле не могут не привести к мощному противостоянию поляков, продолжавших защищать от немцев Варшаву, Люблин и другие города. По предложению Сталина, сделанному 25 сентября, в Москву прибыл Риббентроп для обсуждения вопроса об изменении «сфер интересов»⁵⁷.

28 сентября в Москве был подписан Договор о дружбе и границе между СССР и Германией. В секретном дополнительном протоколе к нему отмечалось, что Люблинское и часть Варшавского воеводств в обмен на Литву переходят в сферу интересов Германии. Кроме того, Германии передавался район г. Сувалки. В совместном советско-германском заявлении по поводу заключения договора, создавшего «прочный фундамент для длительного мира»⁵⁸, содержался призыв к Англии и Франции заключить мирные соглашения с Германией.

подавлялись последние очаги сопротивления поляков. 27-28 сентября была ликвидирована группа генерала В. Андерса⁵⁹, который впоследствии был вынужден помогать советскому командованию, призывая польских солдат к сдаче в плен⁶⁰. 28 сентября Красная Армия вошла в Перемышль. 29-30 сентября войска 4-й армии вели бои против поляков с применением авиации в районе Влодавы⁶¹. С 30 сентября по 5 октября были пленены 4 группы поляков в районе Кржемень⁶². (5 октября немцы подавили последний очаг сопротивления поляков в районе Коцка.) Однако в лесах и на советской, и на немецкой территории еще долго действовали мелкие партизанские отряды. В октябре советские войска отошли к новой границе.

В ходе военной кампании против Польши к СССР была присоединена территория в 196 тыс. кв. км., с населением около 13 млн человек⁶³. (Часть этой территории в 1945 г. была возвращена Польше - г. Белосток, Перемышль.)

Было взято в плен, по советским данным, 452 536 поляков⁶⁴, причем в число пленных включались жандармы, полицейские, священники и все лица, оказывавшие сопротивление. Советские власти, неготовые к приему такого количест-

ва пленных, держали их в плохих условиях⁶⁵. В первые же дни кампании многие польские военнослужащие вообще не подвергались пленению.

Впоследствии часть военнопленных была отпущена, а в лагеря НКВД были переданы офицеры, полицейские, жандармы, осадники, а также рядовые, ранее проживавшие на территории, занятой Германией⁶⁶. Данных о других потерях поляков, противостоявших Красной Армии, нет. Потери советских войск составили: убитых и умерших на этапах санитарной эвакуации - 852 человека, пропавших без вести - 144, раненых, контуженых, обожженных - 2 002, заболевших - 381. Общие безвозвратные потери с учетом умерших от ран и болезней с применением коэффициента летальности (6%) составили 1 139 человек⁶⁷. Не все из них погибли в ходе боевых действий. Так, в 3-й армии из 80 убитых 39 погибли при панической стрельбе, неосторожном обращении с оружием, несчастных случаях и т. д.⁶⁸ К примеру, в районе Савичей 23 сентября в результате панической стрельбы было убито 5, ранено 15 бойцов, а нескольких красноармейцев поляки взяли в «плен»⁶⁹.

Вряд ли можно говорить о каком-либо положительном опыте для Красной Армии, которой противостоял плохо вооруженный деморализованный противник. Практически не было воздушных боев и танковых столкновений. Во время кампании выявился ряд недостатков. В некоторых отчетах о боевых действиях отмечалась плохая работа артиллерии, связи, тыла. Частыми были отставания пехоты от танковых частей, высокой была аварийность в авиации и на автотранспорте. Не удалось полностью отрезать пути отхода поляков в Венгрию, Румынию, Литву и Латвию. Впоследствии многие из них сражались на стороне союзников на многих фронтах второй мировой войны.

Оценивая события сентября-октября 1939 г. в целом, вряд ли мы должны по-прежнему использовать тезисы советской пропаганды об «освободительном» походе советских войск, ставивших своей целью защитить от Германии украинский и белорусский народы. Хорошо известно, какая трагедия постигла эти народы потом, что происходило в Западной Белоруссии и на Западной Украине в 1939-1941 гг. Не слу-

чайно, что земли, присоединенные к СССР в 1939-1940 гг., дали такое большое количество гитлеровских пособников. О какой защите украинского и белорусского населения могла идти речь, если германское руководство, практически разгромив польские силы, постоянно призывало Москву к вооруженному выступлению?

Таким образом, является фактом то, что СССР, внесший решающий вклад во вторую мировую войну, до 22 июня 1941 г. фактически являлся гитлеровским союзником. Как иначе можно объяснить помощь минской радиостанции в наводке немецких самолетов на польские цели, совместные «парады победы» в Гродно, Бресте, Пинске и других городах, создание учебного центра из представителей гестапо и НКВД для борьбы с польским подпольем⁷⁰, приказы советского командования в сентябре 1939 г. «об оказании помощи в деле уничтожения польских частей или банд» в случае подобных просьб с немецкой стороны⁷¹.

Однако нельзя отрицать и прогрессивный характер объединения украинского и белорусского народов, которое в других условиях могло просто не состояться.

Еще один вывод, который можно сделать из тех событий, состоит в том, что советская политика интернационализма с ленинским пренебрежением к вопросу о границах стала изменяться в сторону возвращения территорий, которыми когда-либо владели не только Российская империя, но и Киевская Русь.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Заичкин И.А., Почкаев И.Н. Русская история: популярный очерк. IX - середина XVIII в. М., 1992. С.45.

² История Беларуси: Вопросы и ответы / Сост. Г.Я. Голенченко, В.П. Осмоловского. Минск, 1993. С.75.

³ На круги своя. Хроника событий 1917-1922 гг. // Наука и жизнь. 1991. №12. С.4.

⁴ Трайнин И.П. Национальное и социальное освобождение Западной Украины и Западной Белоруссии. М., 1939. С.21.

⁵ Личета В.И. Основные моменты исторического развития Западной Украины и Западной Белоруссии. М., 1940. С.122.

⁶ Макарчук С.А. Этносоциальное развитие и национальные отно

- шения на западноукраинских землях в период империализма. Львов, 1983. С.148.
- 7 *Мацко А.Н., Кобяк С.В.* Воссоединение Западной Белоруссии с СССР - акт исторической справедливости. Львов, 1989. С.5.
- 8 Год кризиса, 1938-1939: Документы и материалы: В 2 т. М., 1990. Т.1. Д.120. С.194-195.
- 9 Там же. Т.II. Д.614. С.335.
- 10 Гриф секретности снят: Потери Вооруженных сил СССР в войнах и военных конфликтах: Статистические исследования / *В.М. Андроников и др.*; Под общ. ред. Г.Ф. Кривошеева. М., 1993. С.85-86.
- 11 Краткая история Польши древнейших времен до наших дней / Под ред. Ф.Г. Зуева и др. М., 1993. С.316.
- 12 *Емельянов Ю.В.* Большая игра. Ставки сепаратистов и судьбы народов. М., 1990. С.91.
- 13 Оглашению подлежит: СССР-Германия. 1939-1941: Документы и материалы. М., 1991. Д.39. С.90.
- 14 Там же. Д.48. С.100.
- 15 *Шуранов Н.П.* Политика кануна Великой Отечественной войны. Кемерово, 1992. С.72.
- 16 Оглашению подлежит... Д.50. С.103.
- 17 Путеводитель по Центральному государственному архиву Советской Армии: В 2 т. Миннеаполис, 1991. Т.1. С.380.
- 18 *Шуранов Н.П.* Указ. соч. С.83.
- 19 Гриф секретности снят... С.86.
- 20 Краткая история Польши... С. 317.
- 21 Российский государственный военный архив. Ф.35084. Д.22. Л.13. Далее: РГВА.
- 22 Там же. Д.194. Л.497.
- 23 Там же. Д.42. Л.46; Д.25. Л.3.
- 24 Там же. Ф.35086. Д.486. Л.7 об.; Д.489. Л.9.
- 25 Там же. Д.19. Л.3.
- 26 Там же. Д.525. Л.105.
- 27 *Емельянов Ю.В.* Указ. соч. С.100.
- 28 Оглашению подлежит... С.106-107.
- 29 Краткая история Польши... С.317.
- 30 *Емельянов Ю.В.* Указ. соч. С.98.
- 31 *Семиряга М.И.* Тайны сталинской дипломатии. М., 1992. С.91.
- 32 РГВА. Ф.35084. Д.40. Л.47; Д.194. Л.9.
- 33 Там же. Д.22. Л.15.
- 34 Там же. Ф.35086. Д.526. Л.114, 132.
- 35 Там же. Д.495. Л.4-5.
- 36 Там же. Д.526. Л.136.
- 37 Там же. Д.525. Л.140.
- 38 Там же. Д.486. Л.22.
- 39 Там же. Д.526. Л.141-142; Д.486. Л.22.
- 40 Там же. Д.664. Л.271.
- 41 Там же. Д.486. Л.28 об.
- 42 Там же. Д.526. Л.169.
- 43 Там же. Ф.35084. Д.194. Л.448.
- 44 Там же. Д.39. Л.10, 13.
- 45 Там же. Л.11.
- 46 *Семиряга М.И.* Указ. соч. С.94.
- 47 РГВА. Ф.35084. Д.39. Л.15.
- 48 *Семиряга М.И.* Указ. соч. С.95.
- 49 РГВА. Ф.35084. Д.24. Л.51.
- 50 Там же. Ф.35086. Д.486. Л.51.
- 51 Там же. Л.50-50 об.
- 52 Там же.
- 53 Там же. Д.19. Л.12.
- 54 Там же. Д.495. Л.6, 10.
- 55 Там же. Ф.35085. Д.194. Л.13, 43.
- 56 Там же. Л.23.

- 57 Оглашению не подлежит... Д.57.
С.114.
- 58 Там же. Д.62. С.122.
- 59 РГВА. Ф.35084. Д.22. Л.17.
- 60 Там же. Д.40. Л.38.
- 61 Там же. Ф.35086. Д.285. Л.102,
111.
- 62 Там же. Ф.35084. Д.40. Л.38.
- 63 Семиряга М.И. Указ. соч. С.100.
- 64 Гриф секретности снят... С.86.
- 65 РГВА. Ф.35084. Д.193. Л.110.
- 66 Там же. Л.39.
- 67 Гриф секретности снят... С.87.
- 68 РГВА. Ф.35086. Д.526. Л.311.
- 69 Там же. Л.166.
- 70 Семиряга М.И. Указ. соч. С.101.
- 71 РГВА. Ф.35086. Д.21. Л.44.

Советские войска в боях с финской армией

Когда 30 ноября 1939 г. советские войска перешли к боевым действиям против Финляндии, многим казалось, что дни этой страны как независимого государства сочтены. С советской стороны в войне участвовало около миллиона солдат, с финской - почти в три раза меньше при более слабом вооружении и весьма ограниченных материальных ресурсах.

Пять десятилетий в СССР делалось все, чтобы советско-финляндская война для одних стала бы «неизвестной войной», а для других - «забытой войной». Чаще всего официально ее называли даже не войной, а советско-финляндским конфликтом, в котором советские войска воевали не с народом Финляндии, защищавшим свою родину от агрессора, которым оказалась великая держава, а с некими «белофиннами» или с «финской белогвардейщиной».

Для боевых действий против Финляндии советское командование привлекло крупные силы - войска Ленинградского военного округа, Балтийский и Северный флоты, Ладожскую военную флотилию. К 30 ноября 1939 г. в четырех армиях ЛВО насчитывалось 240 тыс. чел., 1 915 орудий, 1 131 танков и 967 самолетов¹. Перед войсками стояли задачи с далеко идущими не только военными, но и политическими целями. 7-я армия при поддержке Балтийского флота наступала на Карельском перешейке в направлении Выборга, Хельсинки; 8-я армия, наступая севернее Ладожского озера на

Сортавалу, Лахти, должна была обойти «линию Маннергейма» с тыла и соединиться с войсками 7-й армии; 9-я армия наступала в общем направлении на Оулу, а 14-й при поддержке Северного флота предстояло овладеть Петсамо и отрезать Финляндии выход к Баренцову морю. Балтийский и Северный флоты поддерживали сухопутные войска с моря, блокировали побережье Финляндии, высаживали морские десанты.

В войне с СССР Финляндия использовала свои вооруженные силы. Они были отмобилизованы и насчитывали 337 тыс. чел., 500 орудий, 60 танков, 115 самолетов и 29 боевых кораблей². Главные силы финской армии были развернуты на Карельском перешейке. Там находился мощный оборонительный рубеж - «линия Маннергейма», названный так в честь главнокомандующего фельдмаршала К.Г. Маннергейма. Он создавался более двенадцати лет при участии немецких, английских, французских и бельгийских военных специалистов. Имея протяженность по фронту 135 км и общую глубину до 95 км, более двух тысяч деревоземляных и долговременных огневых сооружений, «линия Маннергейма», которая состояла из нескольких оборонительных полос, тянулась через весь перешеек от Финского залива до Ладожского озера. От границы до главной оборонительной полосы была оборудована полоса обеспечения из укрепленных позиций с линиями заграждений и препятствий. За ней следовала главная оборонительная полоса из 22 узлов сопротивления, представлявшая собой наиболее мощную позицию. Основу обороны составляли опорные пункты с тщательно продуманной системой флангового, косопрямельного и фронтального огня и развитой сетью противопехотных и противотанковых заграждений по переднему краю. Узлы сопротивления занимали тактически выгодные рубежи, межболотные и межозерные дефиле. Далее, в трех-пяти километрах от главной полосы, тянулась вторая оборонительная полоса, оборудованная по тем же принципам, что и первая, но с меньшим развитием полевого заполнения. За ней находились тыловая полоса и Выборгские укрепленные линии. Кроме того, берега Финского залива и острова также были укреплены долговременными и деревоземляными сооружениями³.

Начиная войну, советские войска не были готовы к боям по прорыву мощной обороны противника в лесисто-болотистой пересеченной местности в зимних условиях. И все же в начале войны их наступление на главном направлении в целом развивалось успешно. В первый день они форсировали р.Сестру, заняли Куоккалу, на другой день захватили Териоки, в последующем при поддержке Балтийского флота выбили финнов из форта Ино. К 12 декабря полоса обеспечения на Выборгском направлении была в основном преодолена. Успешно шло наступление и восточнее, на кякисальминском направлении. К 12 декабря части 7-й армии преодолели полосу обеспечения и вышли к главной полосе «линии Маннергейма». В ходе этих боев финским войскам удалось измотать советские части и выиграть время для развертывания главных сил армии «Перешеек», а также приобрести опыт боевых действий. Части же Красной Армии понесли в этих сражениях большие потери из-за недостаточно разработанной тактики ведения боев в лесисто-болотистой местности, от огня снайперов и от минных заграждений.

Одновременно в Финском заливе морские десанты, высаженные кораблями Балтфлота, захватили острова, которые финны заблаговременно оставили. Корабли Балтфлота систематически обстреливали береговые укрепленные районы, блокировали финское побережье. Советским кораблям и самолетам удалось уничтожить 20 транспортов противника, что имело значение для снабжения финской армии военными материалами.

С выходом к главной оборонительной полосе советское командование предприняло ее прорыв. К нему привлекались шесть стрелковых дивизий и один танковый корпус, наносившие главный удар по станции Кямьяря. Им противостояли две пехотные дивизии финнов, опиравшиеся на мощнейший узел укреплений в секторе Сумма, состоявший из трех опорных пунктов и опоясанный многочисленными линиями надолбов, эскарпов, проволочных заграждений и минными полями. Каждый опорный пункт состоял из одного-двух железобетонных пушечных и пулеметных дотов и нескольких дзотов, прикрытых четко продуманной системой флангового и косоприцельного огня, которая вводилась в действие строго

последовательно. Хорошая маскировка и учет рельефа местности еще более усиливали финскую оборону.

Утром 17 декабря советские войска перешли в наступление, однако плохая артподготовка и слабое взаимодействие между родами войск привели к его неудаче. Танки, наступавшие самостоятельно, прорвались в глубь укрепленного района, но финны массированным огнем отсекали пехоту и вынудили ее отойти на исходные позиции. Финны начали уничтожать прорвавшиеся танки. В последующие дни, 18 и 19 декабря, советское командование сделало новые попытки возобновить атаки, однако повторилось то же самое. Наступление было прекращено ввиду безрезультативности и больших потерь. Во второй половине декабря на других участках Карельского перешейка советские войска продвинулись лишь незначительно.

После этих боев финское командование решило, что части 7-й армии понесли большие потери и дезорганизованы. 23 декабря финские войска перешли в контрнаступление. Используя неприкрытые фланги, они поначалу смогли вклиниться в расположение 7-й армии. Советские войска отбили эти атаки, а затем мощным контрударом отбросили финнов на исходные рубежи. После этого финские войска на Карельском перешейке не пытались наступать.

Пока здесь на время воцарилось затишье, основные бои переместились на северные направления - труднодоступную и малонаселенную местность с густыми лесами, озерами и болотами. Положение войск отягощалось сильными морозами и глубокими снегами.

В полосе действия 8-й армии основной удар наносился на питкьяранском направлении, укрепленном четырехполосной линией от р.Уксун-йоки до оз.Янисъярви. Поначалу советские войска продвигались успешно. 4 декабря они заняли Сальми, 10 декабря - Питкьяранту, и к 12-14 декабря, преодолев первый укрепленный рубеж, вышли ко второй оборонительной полосе. Дальнейшее их продвижение натолкнулось на сильное сопротивление финнов, все попытки прорвать вторую полосу были неудачны. Советские войска перешли к обороне на достигнутых рубежах, имея неприкрытые фланги и незащищенные коммуникации.

Этим без промедления воспользовались финны. 27 декабря - 5 января несколькими фланговыми ударами, перерезав советские коммуникации восточнее Ловоярви и со стороны Питкяранты, они полностью окружили 18-ю стрелковую дивизию и 34-ю танковую бригаду, а к 11 января отрезали и 168-ю стрелковую дивизию. Финны быстро расчленили окруженных на отдельные блокированные гарнизоны. Еще севернее, на лоймольском направлении, была остановлена и перешла к обороне 56-я стрелковая дивизия.

Далее к северу, под Толвоярви, советские войска потерпели одно из самых тяжелых поражений. Наступавшая здесь 139-я стрелковая дивизия за неделю боев вышла к системе укреплений по оз. Аля-Толвоярви и Юля-Толвоярви с большими потерями, ее личный состав был крайне измотан. Когда 12 декабря финны стали охватывать дивизию с флангов, ее части начали отход, быстро превратившийся в паническое отступление. К 21 декабря дивизия была разбита, к финнам попали 60 танков и 30 орудий⁴. Во встречных боях потерпела поражение и шедшая ей на помощь 75-я стрелковая дивизия. Эту победу финны одержали немногочисленными силами, благодаря их разумному использованию в сложных зимних условиях.

Правее, на Иломантсинском направлении, 155-й стрелковой дивизии удалось к 12 декабря достигнуть оборонительного рубежа Картнен-ярви—Питин-ярви. Но не достигли успеха как попытки его прорвать, так и стремление финнов контратаковать части дивизии. В дальнейшем активные боевые действия здесь не велись.

Еще севернее серьезные потери понесли войска 9-й армии. Ее 54-я стрелковая дивизия в ходе наступления прорвала укрепленный рубеж в межозерном дефиле Алас-ярви—Сауна-ярви и, несмотря на понесенные потери, продолжала двигаться вперед. 10-14 декабря финны фланговыми ударами разобщили части дивизии на отдельные группы и к концу декабря полностью окружили ее.

Самые тяжелые поражения за всю войну советские войска потерпели еще севернее, на пуоланском направлении. Когда на помощь наступавшей здесь с большими потерями 163-й стрелковой дивизии в середине декабря стала выдвигаться

44-я стрелковая дивизия, финны решили разгромить их по частям. К 27 декабря им удалось перерезать коммуникации 163-й дивизии, а через три дня полностью сломить ее сопротивление. Разрозненные части дивизии беспорядочно отходили на север, бросая технику и вооружение. К финнам попало 11 танков, 27 орудий, 150 автомашин⁵, сотни пленных.

Затем финны сосредоточили силы против 44-й стрелковой дивизии. К 5 января они окружили ее и быстро расчленили на отдельные части. Прорваться из окружения удалось лишь небольшим группам красноармейцев. Финны захватили до 2 тыс. пленных, 42 танка, 10 броневых автомобилей, 87 орудий, 278 автомашин⁶. На этом участке активных боевых действий больше не велось.

Несколько южнее до конца войны продолжали сопротивляться блокированные отдельными гарнизонами части 54-й стрелковой дивизии, о которой упоминалось выше. Все попытки советского командования освободить ее успеха не имели, хотя и оттягивали на себя значительные силы финнов. Направленная сюда лыжная бригада полковника Долина была 11-15 февраля разбита.

Более успешно советские войска действовали на самом севере. Наступая на кемиярвском направлении, 122-я стрелковая дивизия выбила финнов с промежуточных рубежей и к середине декабря достигла оборонительной полосы у Йоутсиарви. Однако прорвать ее не удалось. В результате с конца декабря 122-я и вновь прибывшая 88-я стрелковая дивизии перешли к обороне.

Лишь войска 14-й армии, сражавшиеся на Крайнем Севере, полностью выполнили свою задачу. 1 декабря 104-я стрелковая дивизия при поддержке кораблей Северного флота внезапным ударом захватила Петсамо, а 3 декабря - полуострова Рыбачий и Средний. Не оказав серьезного сопротивления, финские войска отошли в южном направлении. Преследуя их, части 14-й армии успешно наступали. После 17 декабря они перешли к обороне на достигнутых рубежах. Весь январь и в начале февраля здесь не было активных действий. Однако в конце февраля бои разгорелись с новой силой. Они шли с переменным успехом за укрепленный рубеж по р.Сейийоки. Когда же 7 марта части 52-й

стрелковой дивизии заняли Наутси, сражение на Крайнем Севере прекратилось.

В полосе действия 8-й армии ожесточенные бои продолжались без успеха для советских войск. У ее окруженных частей быстро истощились боеприпасы и продовольствие, а доставка их по воздуху была нерегулярной, раненых не эвакуировали из-за невозможности это сделать. Оборона велась на открытых пятачках, простреливаемых из конца в конец. Изолированные гарнизоны гибли один за другим. Попытки освободить их успеха не имели. В ночь с 28 на 29 февраля остатки 18-й стрелковой дивизии и 34-й танковой бригады пошли на прорыв, оставив в Лемметти всю технику, материальную часть, свыше 200 раненых. Южная колонна, хотя и с потерями, сумела прорваться к своим, однако же северную, основную, колонну постигла трагическая участь. Она была полностью уничтожена у оз. Вуортан-ярви. Оставшиеся в Лемметти тяжелораненые были добиты финскими солдатами⁷.

Несмотря на такой исход боевых действий 18-й дивизии и 34-й бригады, действовавшие севернее войска 8-й армии в результате боев с 7 по 12 марта прорвали укрепленные позиции финнов и вели наступление по окружению 12-й и 22-й пехотных дивизий в районе Лоймолы. По соседству с ними успешно действовала вновь сформированная 15-я армия, войска которой в начале марта заняли ряд островов на Ладогe, освободили из окружения 168-ю стрелковую дивизию и преследовали панически отступавших финнов.

В боях на северных направлениях финские войска проявили высокие боевые качества. Они действовали небольшими подразделениями, полностью были оснащены лыжами, что обеспечивало их высокую подвижность на заснеженных пространствах, имели достаточно автоматического оружия. Ударами во фланг и тыл финны сумели задержать продвижение советских войск, а затем, остановив их на укрепленных рубежах, окружить и быстро расчленили на отдельные группы. Советские войска показали свою неподготовленность к боевым действиям на финском театре военных действий. Их части не имели лыж и автоматического оружия, плохо ориентировались на местности, атаковали скученно и без должного взаимодействия с артиллерией. Все это привело к тому, что

на северных направлениях советские войска потерпели ряд серьезных поражений. Финскому командованию удалось не допустить их прорыва в глубь Финляндии.

С середины февраля основные бои вновь развернулись на Карельском перешейке. После неудачной попытки прорыва «линии Маннергейма» в декабре советское командование предприняло меры, направленные на улучшение организации, подготовки и оснащения войск. 7 января был образован Северо-Западный фронт под командованием С.К. Тимошенко, объединивший все войска, действовавшие на Карельском перешейке. В его состав срочно перебрасывались части из других округов, в войска поступило теплое обмундирование и автоматическое оружие, велась активная подготовка к штурму укреплений.

Основное советское наступление на Карельском перешейке началось 11 февраля. Его целью был прорыв главной полосы «линии Маннергейма» с последующим выходом на линию Выборг-Антреа-Кякисальми. Главный удар 7-я армия наносила на выборгском направлении, вспомогательные - на Кякисальми и через Выборгский залив.

Для этой операции были привлечены 7-я и 13-я армии, а также авиация Северо-Западного фронта, Балтийский флот. В войсках имелись 21 стрелковая дивизия, 6 танковых бригад, 4 отдельных танковых батальона, 1 стрелково-пулеметная бригада, 20 артиллерийских полков, 4 артиллерийских дивизиона большой мощности, 1 кавалерийский полк, 15 авиационных полков⁸. Противостоявшие им финские войска в составе трех армейских корпусов были сведены в армию «Перешек».

11 февраля в 9.40 началась мощная артиллерийская подготовка советских войск. Она была проведена с большим искусством. Несколько раз советская артиллерия делала ложные переносы огня для дезориентирования противника и поражения его живой силы. Финская пехота, по обыкновению скопившаяся в траншеях переднего края, понесла большие потери. Огонь велся и по заграждениям с целью проделать в них проходы и расчистить путь танкам и пехоте. Артиллерия большой мощности уничтожала доты и железобетонные сооружения.

В 12.00, после переноса огня в глубину финской обороны, советские войска перешли в наступление. Финны упорно сопротивлялись, однако не смогли сдержать наступавших. На другой день финское командование пыталось организовать контрудар, чтобы вернуть потерянные позиции, но в его распоряжении не оказалось достаточных сил. Все это вынудило финские войска к 18 февраля оставить главную полосу. Правда, они сумели оторваться от противника и без помех заняли вторую полосу обороны.

Так было на главном, Выборгском, направлении. Менее удачно советские войска действовали на вспомогательных направлениях, особенно на Кякисальминском. Однако это не помешало им 28 февраля начать, а на другой день прорвать на всем ее протяжении вторую полосу обороны на главном направлении.

Ко 2 марта советские войска вышли к тыловой оборонительной полосе, которая была значительно слабее и главной и второй. Тем не менее она представляла собой выгодную позицию для обороны, имела систему затопления местности к востоку и юго-востоку от Выборга водами Сайменского канала. 3 марта части 10-го и 34-го стрелковых корпусов достигли пригородов Выборга и начали штурм города. Одновременно 4 марта советские войска форсировали по льду Выборгский залив и 11 марта перерезали дорогу Выборг-Хельсинки. Финны упорно сопротивлялись, однако за неделю боев их войска были измотаны, многие части утратили боеспособность. К утру 13 марта все главные здания, электростанция, водопровод, фабрики и центр Выборга были в руках советских войск. В этот день согласно мирному договору, подписанному накануне в Москве, боевые действия были прекращены.

Хотя война окончилась поражением Финляндии, советской стороне не удалось достичь своей первоначальной цели - превратить Финляндию в марионеточное государство или в советскую республику. Этому способствовали успешные действия финских войск. Только благодаря подавляющему техническому и численному превосходству Красная Армия смогла одержать победу.

Эта победа досталась советским войскам ценой больших потерь. Они потеряли 72 408 человек убитыми, 186 129 ра-

неными, 132 213 обмороженными, 4 240 контуженными, 17 520 пропавшими без вести и пленными⁹. Потери финских войск составили 19 576 человек убитыми, 43 557 ранеными, 4 101 пропавшими без вести и пленными¹⁰.

Такое соотношение потерь объясняется умелыми действиями командования и высокой подготовкой финских войск, просчетами советского руководства и низкой боеспособностью частей Красной Армии. Советско-финляндская война является наглядным уроком того, как следует защищать независимость своей родины.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Семиряга М.И. Советско-финляндская война. М., 1991. С.19.

² Там же. С.19.

³ Бои на Карельском перешейке. 1941. С.16.

⁴ Алтон Э. Зимняя война // От Мюнхена до Токийского залива. М., 1992. С.107.

⁵ РГВА. Ф.34980 с.Оп.14. Д.283. Л.32.

⁶ Там же. Оп.5 с. Д.292. Л.34.

⁷ Там же. Оп.8 с. Д.30. Л.39.

⁸ Там же. Оп.10 с. Д.7. Л.1-2.

⁹ Там же. Оп. 15. Д. 200, 203, 204, 206, 208, 211, 213, 215, 217, 219. Архив ГУК МО СССР. Инв. № 21, 22 (приводится по изданию «Гриф секретности снят». М., 1993. С.121).

¹⁰ Семиряга М.И. Указ. соч. С. 26.

Советско-финляндская война в освещении советской пропаганды (1939–1940 гг.)

До недавнего времени советско-финляндская война 1939–1940 гг., которую в Финляндии называют «зимней», была одним из «белых пятен» отечественной истории. В последние годы ее изучению посвятили свои исследования В.В. Похлебкин, Н.И. Барышников, М.И. Семиряга, В.Г. Федоров и другие историки. Мы попробуем выяснить, какие идеологические и психологические установки использовала официальная пропаганда для подготовки населения и Красной Армии к войне, как освещались военные действия и их результаты; насколько результативной была советская пропаганда и удалось ли ей обеспечить поддержку народом действий правительства.

Как известно, в соответствии с секретным дополнительным протоколом к договору о ненападении между СССР и Германией, подписанным 23 августа 1939 г., часть Польши, Финляндия, Эстония, Латвия и Бессарабия признавались «сферой влияния» СССР. Исходя из этого, советское правительство решило поставить вопрос о советско-финляндской границе на Карельском перешейке, где она проходила в 32 км от Ленинграда.

Указанная граница образовалась в 1811 г., когда Александр I подарил Великому княжеству Финляндскому Выборгскую губернию. 31 декабря 1917 г. Совет Народных Комис-

саров признал независимость Финляндии. Хотя подписанный 14 декабря 1920 г. в Тарту (Юрьев) советско-финляндский мирный договор подтвердил существующую границу, отношения между СССР и Финляндией в течение всего последующего времени были довольно прохладными. В Финляндии широко велась антисоветская пропаганда. В то же время Финляндия тесно сотрудничала со странами Запада - Англией, Францией, Германией.

Сложная внешнеполитическая обстановка, угроза надвигающейся войны, неуверенность в северном соседе заставили СССР искать пути к обеспечению безопасности своих северных районов. Военная подготовка СССР на северо-западе внушала опасения финляндскому правительству. Финляндия также возводила укрепления на Карельском перешейке (линия Маннергейма), не доверяя СССР и подозревая его в имперских устремлениях. В октябре 1939 г. СССР и Финляндия подошли к началу совместных переговоров в обстановке взаимного недоверия.

СССР предложил Финляндии сдать в аренду порт Ханко для устройства военно-морской базы, передать несколько островов в Финском заливе, часть полуостровов Рыбачий и Средний в обмен на двойную территорию в Советской Карелии. Эти предложения были отвергнуты финским правительством со ссылкой на нейтралитет и независимость Финляндии. Не придя к соглашению, делегация Финляндии 13 ноября 1939 г. прервала переговоры.

Советское правительство, неудовлетворенное ходом переговоров, взяло курс на решение вопроса военным путем. Дипломатические возможности были использованы не до конца. Сыграл свою роль и секретный протокол пакта о ненападении между СССР и Германией. Сталину оказался ближе язык орудий. Он рассчитывал на быструю победоносную войну, в которой Красная Армия покажет свою мощь.

В армии пропагандистская подготовка к войне с Финляндией началась еще в сентябре 1939 г., вскоре после подписания советско-германского договора о ненападении. Особенно усиленно она велась в частях Ленинградского военного округа. В одном из донесений политуправления ЛВО говорилось: «Носителям демобилизационных настроений и всем

бойцам дается разъяснение об особой роли и значении Ленинградского военного округа при отсутствии добрососедских отношений с Финляндией»¹.

В периодической печати сведения о напряженности в советско-финляндских отношениях начали появляться только в ноябре 1939 г., после доклада о внешней политике СССР наркома по иностранным делам В.М. Молотова на 5-й сессии Верховного Совета СССР 31 октября 1939 г. До этого помещались лишь краткие сообщения о положении в Финляндии, не сопровождавшиеся комментариями.

По мере развития событий их освещение стало приобретать иную окраску. 16 ноября во всех центральных газетах появилась передовая статья «Антисоветская кампания в Финляндии». 19 ноября «Правда» и «Красная звезда» вышли со статьей, уже открыто готовившей общественное мнение к вероятной войне. Она так и называлась «Правящие круги Финляндии провоцируют войну с СССР». 23 ноября опять же все центральные газеты напечатали статью «Разгул антисоветской кампании в Финляндии».

Очевидно, к середине ноября советское правительство определило, каким путем необходимо решать разногласия с Финляндией. Для формирования благоприятного общественного мнения стал создаваться образ страны, которая усиленно вооружается, желает развязать войну с СССР и угнетает свой народ.

План этой пропагандистской кампании разработал полномочный представитель СССР в Хельсинки В.К. Деревянский, который 17 ноября 1939 г. направил Молотову докладную записку. Деревянский рекомендовал создать напряженную обстановку на советско-финляндской границе, начать в печати антифинляндскую кампанию, организовывать митинги и демонстрации антифинляндской направленности, в качестве последнего шага пойти на денонсирование пакта о ненападении между СССР и Финляндией².

17 ноября 1939 г. центральная пресса напечатала сообщение штаба Ленинградского военного округа об артиллерийском обстреле советских войск с финляндской территории в 15.45 26 ноября в районе местечка Майнила. Сообщалось, что убито 4 и ранено 9 красноармейцев и командиров.

Пока нет прямых доказательств относительно того, кто инсценировал инцидент в Майниле. Но известно, что он был выгоден именно советскому правительству. Среди части военных в то время существовало мнение, «что выстрелы в Майниле были советской провокацией». Слухи об этом передавались из уст в уста под строжайшим секретом³. Все три дня после сообщения об обстреле советских войск со стороны Финляндии газеты пестрели гневными заголовками. 27 ноября «Советский народ возмущен наглой провокацией финляндской военщины», «Долой провокаторов войны!», «Дать отпор зарвавшимся налетчикам», «Ответить тройным ударом». 28 ноября - «Растет гнев советского народа», «Мы готовы дать суровый урок», «Проучить головорезов!», «Краснознаменный Балтийский флот готов проучить врага», «Плохо придется зачинщикам войны». 29 ноября - «Приходит конец терпению советского народа!», «Уничтожить гнусную банду», «Сотрем врагов с лица земли», «Взбесившиеся собаки будут уничтожены», «Приближается час расплаты», «На огонь отвечать огнем», «Будем бить врага беспощадно!».

В газетах публиковались резолюции митингов, письма и отклики населения в поддержку действий советского правительства. Например, 27 ноября «Красная звезда» поместила такое заявление: «Шутовские марионетки из финляндского правительства пытаются спровоцировать Советский Союз, они затевают гнусную авантюру. Жалкие моськи! Разве они не понимают, что будут раздавлены одним мощным ударом Красной Армии, если советский народ этого захочет!» Публикации такого рода были направлены на то, чтобы убедить читателей в агрессивности Финляндии, вызвать чувство праведного гнева и негодования.

23 ноября 1939 г. посланнику Финляндии в СССР Ирие-Коскинену была вручена нота Молотова об отзыве советских политических и хозяйственных представителей из Финляндии. Ответ финляндского правительства о согласии на отвод войск не был принят, так как формально он был получен после разрыва дипломатических отношений. Советское правительство не использовало последней возможности для мирного урегулирования конфликта.

30 ноября 1939 г. в 8.30 после тридцатиминутной артиллерийской подготовки советские войска перешли границу Финляндии. Начавшаяся война, вопреки надеждам на легкую и скорую победу, продолжалась 105 дней с 30 ноября 1939 г. по 12 марта 1940 г. Несмотря на огромное превосходство в численности личного состава, количестве и качестве оружия и боевой техники, Красная Армия несла огромные потери. Многие красноармейцы не имели теплого обмундирования, что в условиях необычайно суровой зимы вело к большим человеческим потерям. Командование Красной Армии не было осведомлено о внушительных укреплениях линии Маннергейма. Немаловажным фактором явилось и то, что Финляндия вела освободительную войну, ее воины имели хорошую тактическую и стрелковую подготовку, были тепло одеты и отлично знали местность. Начиная войну, советские руководители не приняли это во внимание.

30 января 1939 г. появилось сообщение о том, что советское правительство якобы из радиоперехвата узнало об «Обращении ЦК Компартии Финляндии к народу страны». 1 декабря также «из радиоперехвата» стало известно о создании в занятом советскими войсками местечке Териоки временного народного правительства Финляндской Демократической Республики во главе с секретарем Коминтерна О.В. Куусиненом. 2 декабря 1939 г. был подписан договор о взаимопомощи между СССР и ФДР, по которому СССР передавал ФДР районы Советской Карелии в обмен на финскую территорию на Карельском перешейке, ФДР сдавала в аренду СССР полуостров Ханко для строительства военно-морской базы, продавала несколько островов в Финском заливе, часть полуостровов Рыбачий и Средний.

Создание правительства ФДР, как нам представляется, было спланировано заранее. В Архиве внешней политики РФ, например, находятся проекты обращения ЦК КПФ, а также проект договора между СССР и ФДР, правленные рукой Молотова⁴.

Создание ФДР препятствовало попыткам мирного урегулирования военного конфликта, которые предпринимала Лига Наций. 4 декабря 1939 г. Молотов сообщил генеральному секретарю Лиги, что СССР не находится в состоянии

войны с Финляндией, так как с правительством ФДР заключен мирный договор. Такой ответ позволяет думать, что правительство СССР было озабочено не безопасностью Ленинграда, а другим. 14 декабря 1939 г. Совет Лиги Наций принял резолюцию об исключении СССР из Лиги как агрессора.

С началом войны изменилась направленность пропагандистской кампании в советских средствах массовой информации. Если вначале советское правительство было обеспокоено безопасностью северо-западной границы и Ленинграда, то после создания правительства ФДР пропагандистская кампания приобрела классовый характер. В сознание людей усиленно внедрялись ложные представления о настроениях трудящихся Финляндии, убеждение в том, что они одобряют действия СССР. Вовсю эксплуатировался новый идеологический посыл об освобождении Финляндии от угнетателей. В газетах печатались статьи с такими названиями: «Финляндия будет свободной», «Рука помощи протянута», «Слава Красной Армии - армии-освободительнице», «Белогвардейскому аду пришел конец!», «Окажем братскую помощь трудовому народу Финляндии», «Мы идем как друзья финского народа», «Население Финляндии с радостью встречает весть об образовании народного правительства Финляндии».

За несколько дней Красная Армия из защитницы своих границ превратилась в освободительницу трудящихся другого государства. При этом во всех статьях, резолюциях, выступлениях выражалась полная уверенность в скорой победе. «Нет никакого сомнения в том, говорилось в “Комсомольской правде”, что замечательное шествие Красной Армии и вооруженного финского народа быстро закончится разгромом бездарных генералов. Об этом шествии благодарный финский народ будет помнить века»⁵.

Но война затягивалась. Во второй половине декабря со страниц газет исчезают рубрики, посвященные героям боев с белофиннами. Увеличивается количество статей, описывающих тяжелое положение населения Финляндии, бедствия эвакуированных, репрессии против недовольных: «Маннергеймовские банды сжигают города и села», «Под гнетом финской плутократии», «Рассказы финских беженцев», «Расправы маннергеймовских банд над мирным населением», «Прину-

дательная эвакуация населения из Хельсинки», «Разгул белого террора в маннергеймовской Финляндии», «Массовые аресты и расстрелы мирных жителей в Белофинляндии».

В оперативных сводках штаба ЛВО все чаще стали встречаться слова «на фронте ничего существенного не произошло». Лишь один раз в сообщении штаба ЛВО «Трехнедельный итог боевых действий в Финляндии» была предпринята попытка объяснить причины неудавшегося наступления Красной Армии сложными природными условиями и наличием современных укреплений. Вопреки предыдущим заявлениям о скорой победе утверждалось, что Красная Армия знала об этих трудностях и не рассчитывала на молниеносную войну.

Резкие повороты в пропагандистской кампании, изменение первоначальных установок, затягивание войны, многочисленные жертвы не способствовали популярности советско-финляндской войны среди населения. Примитивность и бессистемность пропаганды вызывали недоумение и неуверенность. Пропаганда в войсках ЛВО основывалась на тех же установках, что и пропаганда среди населения. Воинам внушали ложные представления о положении в Финляндии, настраивая их на быструю победу и поддержку со стороны финского населения.

Неудачи на фронте подрывали моральный дух, отрицательно сказывались на боеспособности частей. «Где же слова наши, что хотели в 3 дня разбить финскую военщину, а на самом деле по несколько дней сидит наша пехота, ни на один вершок не продвигаясь с места», - возмущался красноармеец 28-го артполка А. Чабров. Разговор этот состоялся 15 декабря⁶. В январе 1940 г. в советских войсках возросло количество случаев членовредительства и дезертирства.

В Западной Европе ширилось движение за увеличение помощи Финляндии, рассматривались планы посылки в Финляндию экспедиционного корпуса. По этому поводу советская пресса, желая исказить истинное положение дел, писала: «Шведские офицеры, торговцы, русские белогвардейцы - вот кто помогает Маннергейму»⁷.

Правительство СССР стало предпринимать усилия для скорейшего завершения советско-финляндской войны, так

как ее продолжение могло повлечь за собой опасные для СССР последствия. Из неэффективных декабрьских действий по прорыву финской обороны были извлечены уроки. Изменились способы подготовки войск, тактика и организация управления войсками. 18 февраля главная полоса линии Маннергейма была прорвана.

С этого времени в военной прессе появляется все больше материалов о подвигах и успехах Красной Армии в войне с Финляндией. Рубрики «Герои боев с финской белогвардейщиной», «Герои боев с белофиннами» уже не исчезают с газетных полос.

Если в декабре-январе печать писала о терроре, царящем в Финляндии, то в середине февраля - начале марта внимание заострилось на истощении финских ресурсов, скором военном поражении Финляндии: «Голод и нищета в Белофинляндии», «Иностранная печать об успехах Красной Армии на Карельском перешейке», «Бегство шведских "добровольцев" из Белофинляндии», «Болгарская печать об успехах Красной Армии в Финляндии», «Белофинские ДОТы взлетают на воздух».

Несмотря на то что руководство СССР уже поняло всю авантюристичность создания правительства Финляндской Демократической Республики, пропаганда продолжала использовать утверждение о помощи финским трудящимся в борьбе с гнетом капиталистов и помещиков.

Подписание мирного договора между СССР и Финляндией 12 марта 1940 г. вызвало еще один резкий поворот в пропаганде. Народное правительство ФДР и освободительная миссия были забыты. Говорилось только о мудрой мирной политике советского правительства и замечательной победе Красной Армии, обеспечившей безопасность северозападных границ СССР: «Победа сталинской политики мира», «Несокрушимая грозная армия», «Ликвидирован опаснейший очаг войны», «Безопасность города Ленина обеспечена». «Демонстрация несокрушимой силы Советского Союза», «Советский народ целиком одобряет мирную политику своего правительства», «Бойцы, командиры и политработники единодушно приветствуют заключение мирного договора». В течение трех дней в газетах печатались отклики, речи, резолюции

митингов с одобрением внешней политики советского правительства.

Пропаганда, проводимая в рядах Красной Армии на втором этапе войны, отличалась от освещения советско-финляндской войны в средствах массовой информации. После неудачного декабрьского наступления органы пропаганды были вынуждены вернуться к первоначальному объяснению причин войны, стремились переориентировать сознание бойцов с освободительной миссии в Финляндии на защиту интересов СССР, его северо-западных границ. На это была направлена директива № 028 Главного политического управления РККА от 4 февраля 1940 г., в которой указывалось на ошибки в агитационно-пропагандистской работе.

После заключения мирного договора с Финляндией Главное политическое управление РККА определило для политических управлений 7, 8, 9, 13, 14, 15-й армий новые направления в агитационно-пропагандистской работе, для чего предусматривалось опубликовать в армейской печати текст самого договора и передовую из «Правды» от 13 марта «Мирный договор между СССР и Финляндской Республикой». Эти материалы составляли основу разъяснительной работы среди воинов. Отныне им внушалось, что главным итогом войны является обеспечение безопасности северо-западных границ СССР, ликвидация англо-французского плацдарма войны, безопасность Ленинграда, Мурманска и Мурманской железной дороги. Это, как полагалось, должно было убедить всех в торжестве мирной политики СССР⁸.

Итак, советско-финляндская война 1939-1940 гг. закончилась победой СССР, который приобрел значительную и стратегически важную территорию на северо-западе. Но это была не та победа, которой можно было бы гордиться. Она была одержана в захватнической войне, повлекшей за собой огромные человеческие жертвы. С советской стороны погибло 72 408 чел., пропало без вести 17 520, ранено и контужено 186 369, обморожено 13 213 чел. К концу советско-финляндской войны некомплект начсостава в Красной Армии составлял 21% по отношению к штатной численности. По финским официальным данным потери Финляндии насчитывали 25 тыс. убитыми и 45 тыс. ранеными⁹.

Чтобы стереть из памяти впечатление о первоначальных неудачах Красной Армии, советская пропаганда старалась поддержать убеждение в ее мощи и силе. Особое внимание уделялось взятию линии Маннергейма. В печати публиковались одобрительные отзывы иностранной прессы о действиях советских войск: «Американская печать о мощи Красной Армии», «Шведская печать о наступлении Красной Армии на Карельском перешейке», «Американский журналист о высоких качествах, проявленных Красной Армией в Финляндии». Эта агитация была предназначена для населения, так как военные знали о потерях в живой силе и в технике.

Окончательную оценку советско-финляндская война получила на 6-й сессии Верховного Совета СССР 29 марта 1940 г. в докладе В.М. Молотова о внешней политике советского правительства. Молотов определил цели этой войны с точки зрения советского правительства: «Вы знаете, что смысл этих событий заключался в обеспечении безопасности северо-западных границ Советского Союза и, прежде всего, в обеспечении безопасности Ленинграда»¹⁰.

На сессии было объявлено о самороспуске правительства ФДР. Это правительство, не получившее поддержки финского населения, оставалось только средством давления на правительство Финляндии. С окончанием советско-финляндской войны оно должно было уйти со сцены. Доклад В.М. Молотова о внешней политике стал итогом пропагандистской кампании. К концу апреля тема советско-финляндской войны была исчерпана. В дальнейшем о ней вспоминали лишь в связи с какими-либо торжествами.

Советско-финляндская война не имела широкой поддержки среди населения и в рядах Красной Армии. Официальная пропаганда не нашла убедительных доводов в пользу военных действий. Сомнения в справедливости войны появлялись в первую очередь в хорошо осведомленной среде военных. Сообщения об этом встречаются в политдонесениях из частей ЛВО: «Можно ли считать нашу войну с Финляндией справедливой по определению о справедливых войнах? Наша война к этому определению не подходит, ибо на нас не напали, напали мы первые»¹¹. За высказывания против правительства, против войны и руководства Красной Армии

судом военного трибунала было осуждено 843 военнослужащих¹².

Ошибки в пропагандистской кампании были очевидны. Основная из них - версия о создании правительства ФДР, повлекшая неоправданное изменение идеологических установок. Провалу пропагандистской кампании способствовало также разочарование, постигшее общественность в результате первого наступления частей ЛВО. Осознание того, что Красная Армия не смогла сразу справиться с войсками такого небольшого государства, как Финляндия, вызывало разочарование и недовольство. К. Симонов писал: «...Внутренне все мы пребывали все-таки в состоянии пережитого войной позора...»

Примитивная, нечеткая, построенная на нереальных предположениях и дезинформации, советская пропаганда не выполнила своих задач в период советско-финляндской войны.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ РГВА. Ф.9. Оп.36. Д.3557. Л.10.

² Донгаров А.Г. Война, которой могло не быть... // Вопр. истории. 1990. №5. С.37.

³ Степанов В., Орехов Д. Майнила, или загадка зимней войны // Стерх. 1991. №1. С.37.

⁴ Донгаров А.Г. Правительство Куусинена: эпизод советско-финляндской войны 1939-1940 гг. // Вестник МИД. 1989. №22. С.74.

⁵ Комсомольская правда. 1939 г. 2 декабря. № 275. С.1.

⁶ РГВА. Ф.9. Оп.36. Д.3804. Л.211.

⁷ Известия. 1940. 6 янв. № 5. С.4.

⁸ РГВА. Ф.9. Оп.40. Д.67. Л.193-199.

⁹ Носков А.М. Северный узел: о международной обстановке в 1939-1940 гг. // Военно-историч. ж-л. 1990. №7. С.9.

¹⁰ Известия. 1940 г. 30 марта. № 74. С.1.

¹¹ РГВА. Ф.34980. Оп.6. Д.56. Л. 93.

¹² Ващенко П.Ф. Если бы Финляндия и СССР... (о войне 1931-1940 гг.) // Военно-историч. ж-л. 1990. №1. С.34.

И

з истории Центрального справочного бюро о военнопленных Союза обществ Красного Креста и Красного Полумесяца СССР (1939–1941 гг.)

50-летний юбилей победы Советского Союза в Великой Отечественной войне не означает, что ее история уже написана и осмыслена. Одной из неисследованных тем является положение военнопленных, оказавшихся за колючей проволокой лагерей на начальном этапе второй мировой войны, роль краснокрестного движения, в первую очередь роль Советского Красного Креста, в облегчении участи последних.

23 сентября 1939 г. состоялось заседание президиума исполкома СОКК и КП СССР. На наш взгляд, любопытен такой факт: из шести руководящих работников исполкома трое были исполняющими обязанности: председатель П.Г. Глебов, зам. председателя Петрушевский, секретарь Щитников. Репрессии 30-х годов не обошли стороной и федерацию краснокрестных организаций СССР. Итогом заседания стало распоряжение №208 от 29 сентября о создании 1 октября Центрального справочного бюро (ЦСБ) о военнопленных на правах управления исполкома. Решению предшествовали консультации с наркоматами внутренних и иностранных дел СССР. Проект положения о ЦСБ с грифом «Совершенно секретно» еще 13 сентября был направлен заместителю председателя союзного правительства А.Я. Вышинскому¹. Следует сказать, что проект, согласованный с правительством, им утвержден не был. 19 сентября нарком внутренних

дел Л.П. Берия подписал приказ о создании Управления НКВД СССР по делам о военнопленных (УПВ). В последующие дни он утвердил ряд положений: о военнопленных, о лагерях, об УПВ. Первое из них констатировало, что «военнопленными признаются лица, принадлежащие к составу вооруженных сил государств, находящихся в состоянии войны с СССР, захваченные при военных действиях, а также граждане этих государств, интернированные на территории СССР»².

Согласно статье 31 цитируемого положения ЦСБ должно было получать от Управления необходимые сведения для составления списков военнопленных, подготовки справок по запросам международных и национальных организаций Красного Креста, проводить обмен списками, хранить и пересылать письма, ценности, предметы личного пользования военнопленных. Штат бюро определялся в 44 человека с месячным фондом зарплаты в 17 360 рублей. В организационном плане бюро состояло из следующих отделов: справочный, пересылки, секретариата. Справочный отдел занимался обработкой материалов, поступавших из УПВ, отдел пересылки пересылал корреспонденцию, посылки, хранил и пересылал документы и личные вещи, найденные у убитых на поле боя, оставшиеся после выхода на свободу или смерти военнопленных. Руководство ЦСБ временно возлагалось на начальника иностранного отдела исполкома И.А. Тессельмана. Ему предписывалось к 3 октября составить план работы на IV квартал 1939 г. и план укомплектования штатов бюро. Вскоре состоялись первые назначения на должности. В.Т. Ильин - руководитель справочного отдела, В.С. Багоцкий - переводчик, Е.В. Борисова - секретарь и т. д.

К началу ноября сложилась система лагерей польских военнопленных или, как их именовали, воинских чинов бывшей польской армии. УПВ докладывало: «Всего поступило военнопленных - 125 000 человек, отправлено в Западную Белоруссию и Западную Украину - 42 400 чел. Передано германским властям - 43 000 чел. Содержится в лагерях: а) офицерского состава - 8 500 чел.; б) полицейских и жандармов - 6 500 чел. Всего содержится офицеров, полицейских и жандармов в Старобельском, Козельском и Осташковском лаге-

рях 15 000 чел... содержится в лагерях Наркомчермета и в Ровнинском солдат и мл. комсостава 24 600 чел. Итого содержится во всех лагерях НКВД военнопленных 39 600 человек». Поляки пытались выяснить у лагерной администрации свое правовое положение. 15 октября полковник Т. Петражицкий, член правления Польского Красного Креста, обратился к начальнику Старобельского лагеря капитану госбезопасности А.Г. Бережкову с просьбой о разрешении обратиться в Советский Красный Крест. Просьба осталась без ответа. 13 января 1940 г. член главного военного суда бывшей польской армии Э. Спасский передал администрации того же лагеря заявление офицеров, которые пытались выяснить, являются ли они военнопленными. В случае положительного ответа в соответствии с международной конвенцией им полагалась переписка с семьями, опубликование списков военнопленных, дабы родственники могли узнать о месте их пребывания и т. д. Заявление было доложено 2 февраля наркому Берии. Ответа не последовало⁴.

Как известно, Советский Союз подписал международную конвенцию «Об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях» от 27 июля 1929 г., но отказался поставить подпись под конвенцией того же числа и года о содержании военнопленных. Мотивация такого шага ждет своего объяснения. Тем не менее автору удалось найти косвенные свидетельства об отказе. В протоколе совещания для проработки военно-политических вопросов, связанных с конференцией Лиги обществ Красного Креста в Токио в 1934 г., имеется фраза: «позиция, занятая по вопросу режима военнопленных, - это вопрос непосредственного соглашения между нашими и неприятельскими Красными Крестами»⁵.

Таким образом, Центральное справочное бюро оказалось в весьма двусмысленном положении: ведь не могло быть и речи о полноценной деятельности. Начиная с декабря 1939 г. в адрес бюро начали поступать запросы и письма о судьбах военнослужащих бывшей польской армии. В отдельные дни приходило до 500 корреспонденций. После регистрации сотрудники ЦСБ готовили списки разыскиваемых и направляли их в УПВ, Отдел виз и регистрацию управления рабоче-крестьянской милиции НКВД СССР. На каждого разыски-

ваемого заполнялась индивидуальная карточка. Центральное агентство по делам о военнопленных, интернированных и гражданских беженцев Международного комитета Красного Креста (МККК) стало добиваться получения списков, включавших фамилии всех польских военнослужащих, интернированных в СССР. Не получив ответа, Женевский комитет начал обращаться с многочисленными запросами в целях выяснения адресов военнопленных для родственников, проживавших за границей.

Молчание Советского Красного Креста вынудило Женеву рекомендовать упомянутым родственникам самим обращаться в Советский Красный Крест. С января 1940 г. по 25 апреля 1941 г. поступило более 6 000 запросов. В свою очередь до конца 1940 г. ЦСБ направило 1 071 запрос в Женеву и 839 - в Германское общество Красного Креста. Было получено ответов соответственно на 170 и 674 человека⁶. 14 марта 1940 г. МККК обратился с просьбой к немецкому командованию подтвердить или отвергнуть информацию Итальянского Красного Креста о закрытии Козельского лагеря. Письмо было переслано в МИД Германии. Одновременно поступила телеграмма из Женевы с сообщением о том, что, по некоторым сведениям, военнопленные лагерей НКВД вывезены в Германию. 6 апреля министерство Риббентропа сообщило, что лагеря Старобельска, Козельска, Осташково по-прежнему существуют⁷. Молчание ЦСБ объяснялось очень просто - только в августе 1940 г. УПВ НКВД СССР начало давать сведения по запросам Красного Креста. К весне 1941 г. поступила информация на 1 200 человек, в том числе на 156 человек с указанием адресов, а об остальных имелась отметка, что они в списках интернированных не значатся.

Аналогичную позицию занял наркомат иностранных дел. 4 февраля 1940 г. заместитель заведующего правовым отделом наркомата А. Павлов, отвечая на вопросы ЦСБ, писал: «В отношении корреспонденции лиц, находящихся в СССР и заключенных в лагеря после вступления частей РККА на территорию Западной Украины и Западной Белоруссии, а также захваченных нашими частями, действующими в Финляндии, то, поскольку СССР не находится в состоянии войны, мы не можем признать этих лиц военнопленными и к ним не мо-

жем применять статью 49 Всемирной почтовой конвенции. Необходимо строго следить за тем, чтобы на письмах указанных выше лиц, в случае пересылки писем от них за границу, не ставился штамп «Correspondance des prisonniers de guerre». Правовому отделу вторил заместитель заведующего консульским отделом НКВД Крючков: запросы военнопленных и интернированных о розыске родственников на территории западных областей Советского Союза, присылаемые МККК и национальными обществами Красного Креста, возвращать обратно с припиской «Исполком Союза обществ Красного Креста и Красного Полумесяца этими вопросами не занимается, обращаться в консульство или полпредство СССР в стране проживания»⁸. ЦСБ по поводу пересылки почтовых отправок обращалось в наркомат связи СССР. Начальник его первого управления Черных неоднократно давал разъяснения по этому вопросу. Лишь наркомат внутренних дел СССР и его Управление по делам военнопленных начиная с января 1940 г. хранили молчание. Не помогали и письма исполкома в адрес наркомата. Ведомство Берии было занято решением вопроса о судьбе польских военнопленных. 5 марта 1940 г. нарком вручил И.В. Сталину предложения, определявшие участь не только военнопленных, но и поляков - заключенных тюрем западных областей Белоруссии и Украины. В тот же день этот вопрос был обсужден на заседании Политбюро ЦК ВКП(б). Решение гласило: дела рассмотреть в особом порядке, с применением к ним высшей меры наказания - расстрела. 16 марта была запрещена переписка военнопленных во всех лагерях НКВД. Возобновилась она только осенью 1940 г.⁹

16 сентября начальник ЦСБ С.Г. Большаков на основании распоряжения председателя исполкома Глебова передал все делопроизводство бюро в иностранный отдел исполкома, т. е. ЦСБ утратило свою самостоятельность и превратилось в один из трех секторов вышеназванного отдела. По положению об отделе 1941 г. бюро по делам о военнопленных и интернированных ведало картотекой и списками по материалам, поступающим из УПВ НКВД, обменивалось списками с иностранными организациями Красного Креста по согласованию с наркоматами иностранных дел и обороны, выдавало

справки по запросам советских и иностранных граждан, пересылало письма и посылки и т. д.¹⁰

С началом Великой Отечественной войны вопрос о военнопленных вновь встал со всей остротой. 9 августа 1941 г. представители МККК посетили лагерь Хамерштейн в Восточной Пруссии, где имели возможность общаться с первыми советскими военнопленными.

19 сентября МККК предоставил информацию об этом посещении советскому послу в Турции Виноградову. Руководитель делегации МККК в нацистской Германии Марти неоднократно во время посещения лагерей видел русских пленных. Марти представил немецким властям свои замечания по поводу их содержания. Советское политическое и военное руководство заняло однозначную позицию по этому вопросу. Достаточно сослаться на приказ Ставки Верховного Главнокомандования № 270 от 16 августа 1941 г., где констатировалось: «...командиров и политработников ...сдающихся в плен врагу, считать злостными дезертирами, семьи которых подлежат аресту как семьи нарушивших присягу и предавших свою Родину дезертиров <...> если такой начальник или часть красноармейцев вместо организации отпора врагу предпочтут сдать его в плен - уничтожить их всеми средствами, как наземными, так и воздушными, а семьи сдавшихся в плен красноармейцев лишать государственного пособия и помощи»¹¹. 1 июля правительство утвердило положение о военнопленных немецко-фашистской армии и армии стран-сателлитов, воевавших против СССР. Военнопленным гарантировались жизнь и безопасность, питание, раненым и больным - медицинская помощь. Рядовые и унтер-офицеры, а с персонального согласия и офицеры, привлекались к труду¹².

Обобщим вышеизложенное. Государственный аппарат готовился к событиям осени 1939 г. - вступлению армии в западные области Украины и Белоруссии, принадлежащие Польше по итогам советско-польской войны 1920 г., боевым действиям в Финляндии. По указанию правительства Советского Союза было создано Центральное справочное бюро о военнопленных в структуре краснокрестного движения, поскольку эта общественная организация имела опыт разрешения данной проблемы в условиях первой мировой и граждан-

ской войн. Однако в отличие от того времени отсутствовало признание международного права. ЦСБ пришлось руководствоваться указаниями административно-политических органов управления (НКВД, НКВД), действия которых направляло и контролировало высшее политическое руководство СССР. Приоритет административного метода управления обусловил неэффективность деятельности Бюро на начальном этапе второй мировой войны.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Государственный архив Российской Федерации. Ф.9501. Оп.5. Д.61. Л.152, 153. Д.62. Л.11. Далее: ГАРФ.
- ² *Лебедева Н.С.* Катынь: Преступление против человечества. М., 1994. С.46, 48-49.
- ³ ГАРФ. Ф.9501. Оп.5. Д.63. Л.121-122; Д.61. Л.151: 27 октября заместитель председателя экономического совета правительства СССР Н.А. Булганин сообщил, что совет утвердил штатное расписание ЦСБ в количестве 13 человек с месячным фондом заработной платы 5 140 руб. См.: Д.61. Л.148.
- ⁴ *Лебедева Н.С.* Указ. соч. С.76-77, 110-111, 112.
- ⁵ ГАРФ. Ф.9501. Оп.5. Д.60. Л.75.
- ⁶ Там же. Д.61. Л.68.
- ⁷ *Семиряга М.И.* Преступление в Катюни // Советское государство и право. 1990. №12. С.111.
- ⁸ ГАРФ. Ф.9501. Оп.5. Д.62. Л.6-8. На 28 декабря 1939 г. на приемных пунктах и в Грязовецком лагере находилось 150 финских военнопленных. См.: *Лебедева Н.С.* Указ. соч. С.153.
- ⁹ *Лебедева Н.С.* Указ. соч. С.159, 161-162, 167.
- ¹⁰ ГАРФ. Ф.9501. Оп.5. Д.61. Л.99. Л.72.
- ¹¹ *Галицкий В.П.* Проблема военнопленных и отношение к ней советского государства // Советское государство и право. 1990. № 4. С.128.
- ¹² Великая Отечественная война 1941-1945: Энциклопедия. М., 1985. С.157.

М

иф о превентивной войне

В настоящее время большой резонанс вызывают публикации, по-новому освещающие, казалось бы, хорошо изученные явления прошлого. В числе других в центре общественного внимания оказалась давно разоблаченная версия о превентивном характере нападения гитлеровской Германии на Советский Союз, которая была впервые изложена в ноте германского министерства иностранных дел от 21 июня 1941 г. Гитлеровцы утверждали, что вторжение немецких войск на территорию СССР явилось вынужденным шагом, поскольку советские вооруженные силы были якобы сосредоточены и развернуты на границе в готовности к нападению. «Большевистская Москва готова нанести удар в спину национал-социалистской Германии, ведущей борьбу за существование. Правительство Германии, - говорилось в ноте, - не может безучастно относиться к серьезной угрозе на восточной границе. Поэтому фюрер отдал приказ германским вооруженным силам всеми силами и средствами отвести эту угрозу. Немецкий народ осознает, что в предстоящей борьбе он призван не только защитить Родину, но и спасти мировую цивилизацию от смертельной опасности большевизма и расчистить дорогу к подлинному расцвету в Европе»¹.

Как оценить документ, в котором германский фашизм предстает в роли спасителя мировой цивилизации и гаранта европейского процветания? Летом 1941 г. у германской стороны не нашлось убедительных доказательств агрессивных приготовлений СССР. Но это обстоятельство не смутило Гитлера. Уве-

ренный в легкой победе и достижении мирового господства, фюрер не слишком заботился об аргументах, зная, что у победителя никто не потребует доказательств его правоты. Однако война закончилась поражением фашизма и главарям «третьего рейха» пришлось ответить за свои преступления, в том числе и за подготовку агрессивной войны против Советского Союза.

За минувшие полвека версия о превентивной войне не нашла сколько-нибудь серьезного подтверждения. Лишь отдельные политики и публицисты пытались ее реанимировать. Самой крупной акцией такого рода стало издание на русском языке книг «Ледокол» и «День-М» бывшего офицера Главного разведуправления В.Б. Резуна, сбежавшего в 1978 г. в Англию. Взятый себе псевдоним «Суворов» В.Б. Резун стремится доказать, что именно Советский Союз был главным виновником и зачинщиком второй мировой войны. Он заявил, что совершенно сознательно отказался от использования архивных материалов как российских, так и немецких, а все внимание сосредоточил на изучении газетных публикаций, речей и мемуаров полководцев и политиков. Читатель сам вправе оценить степень научности такого отбора источников. Некоторые оппоненты Резуна сосредоточили огонь критики на личности автора «Ледокола», всячески подчеркивая аморальность его поступка. Нам представляется, было бы более полезно проанализировать фактическую сторону его книг, достоверность сообщаемых им сведений.

Для обоснования своей гипотезы о намерении И.В. Сталина напасть на Гитлера в июле 1941 г. Суворов широко использует аргументы военно-технического характера. Он утверждает, что созданные в 30-е годы советские самолеты, танки и пушки в силу своих конструктивных особенностей предназначались исключительно для захвата европейских государств, а не для обороны своей территории, что сам факт создания того или иного образца военной техники однозначно свидетельствовал о сугубо агрессивных действиях РККА. Квалифицированный разбор данной стороны суворовского творчества дают С. Григорьев и С. Исайкин², однако, на наш взгляд, здесь необходимы некоторые дополнения.

В качестве доказательства агрессивных устремлений советского руководства используется история создания тяжелого

четырехмоторного бомбардировщика ТБ-7 (Пе-8). Суворов объявил этот самолет неким чудо-оружием, способным наносить сокрушительные удары по глубоким тылам врага, оставаясь при этом совершенно неуязвимым для ПВО. По мнению Суворова, достаточно было построить всего одну (!) тысячу ТБ-7, чтобы, даже не начиная войны, поставить Германию на колени, пригрозить Гитлеру массированными бомбардировками его территории и этим заставить отказаться от развязывания войны. Значит, достаточно было Сталину подписать решение о производстве 1 000 тяжелых бомбардировщиков, и не было бы второй мировой войны, десятков миллионов жертв, разрушения тысяч городов. Действительно, в межвоенный период существовала теория итальянского генерала Дуэ, согласно которой можно разгромить противника с помощью массированных авианалетов на его территорию. Утопичность этой идеи была ясна большинству политиков и военных деятелей еще в 30-е годы. В период второй мировой войны американцы и англичане построили не одну, а пятьдесят тысяч тяжелых бомбардировщиков, ежемесячно обрушивали на Германию миллионы килограммов бомб, но так и не смогли разрушить ее военную промышленность, постоянно наращивавшую производство оружия. С учетом этих обстоятельств совершенно смехотворным выглядит утверждение Суворова, что отказ от строительства ТБ-7 - это самое трудное из всех решений, которое Сталин принимал в своей жизни и что «отказ от ТБ-7 - это вообще самое важное решение, которое кто-либо принимал в XX веке»³. Сильно сказано! «Почему никто из историков до сих пор не пытается высказать даже предположение о мотивах Сталина?» - вопрошает Суворов. Сам-то он уже высказался. По его мнению, коварный советский лидер не хотел мира, а жаждал войны, поэтому и не стал производить стратегических бомбардировщиков. Разумеется, Сталин руководствовался иными соображениями. Массовое производство тяжелых самолетов было бы очень дорогостоящим, потребовало бы больших затрат дефицитных материалов, цветных металлов, электроэнергии и трудовых ресурсов, что в свою очередь пагубно отразилось бы на развитии фронтовой авиации, которая была гораздо нужнее в любой войне - как в оборонительной, так и в наступательной. Свой взгляд на соотношение различных классов са-

молетов Сталин высказал на приеме в Кремле 5 мая 1941 г.: «Существует авиация двух родов. Авиация дальнего действия, это авиация налета по тылам, авиация для партизанских действий, авиация диверсии, но она не имеет большого значения. Решающее значение имеет авиация ближнего боя, которая недооценивалась, которая была в загоне. Речь идет об авиации, непосредственно взаимодействующей с артиллерией, с танками, с пехотой. Речь идет об авиации истребительной, штурмовой, пикирующей»⁴.

Накануне Великой Отечественной войны в СССР были спроектированы бронированный штурмовик Ил-2, пикирующий бомбардировщик Пе-2 и истребители Як-1, МиГ-3 и ЛаГГ-3, которые по своим боевым характеристикам могли конкурировать с аналогичными немецкими самолетами. Производство новых самолетов началось с большим опозданием, и к январю 1941 г. промышленность успела выпустить всего 64 «Яка», 20 «МиГов» и 2 Пе-2⁵. А Суворов вопреки фактам говорит, что к началу 1941 г. советские ВВС имели подавляющее количественное и качественное превосходство над германской авиацией⁶. Он утверждает, что основным советским самолетом грядущей войны должен был стать ближний бомбардировщик ББ-1 (Су-2), спроектированный под шифром «Иванов». В действительности такой самолет в Красной Армии был, но никто не делал на него основную ставку. К 20 декабря 1940 г. было выпущено всего 83 экземпляра Су-2, в первом полугодии 1941 г. планировалось построить еще 405 штук⁷. Как видно, реальные цифры не устраивают Суворова и он голословно утверждает, что Сталин якобы планировал выпустить 100-150 тыс. (!) таких самолетов⁸. Автор не поясняет происхождение этой фантастической цифры. За всю историю авиации ни один самолет не выпускался в таких огромных количествах, два нуля здесь явно лишние. Из-за своей невысокой скорости и слабого вооружения Су-2 являлся легкой добычей для «Мессершмиттов» и мог бы успешно действовать только при условии предварительного уничтожения немецкой авиации в первые дни войны. «Вот почему решение о выпуске минимум *ста тысяч* легких бомбардировщиков Су-2 было равносильно решению *начать войну внезапным ударом по аэродромам противника*» (выделено Суворовым. - А. П.)⁹. Суворов даже придумал

дату этого внезапного нападения Красной Армии на Германию - 6 июля 1941 г. В таком случае остается загадкой, какие самолеты должны были нанести этот внезапный удар, если к намеченному сроку советская авиапромышленность произвела Су-2 в двести (!) раз меньше выдуманной Суворовым цифры. Для реализации фантастического суворовского замысла потребовалось бы не одно десятилетие.

В соответствии с решением СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 7 декабря 1940 г. намечалось построить в 1941 г. 16 530 боевых самолетов, а в первом квартале 1942 г. - еще 6 720¹⁰. Следовательно, к весне 1942 г. в Красной Армии имелось бы свыше 23 тыс. современных истребителей, бомбардировщиков и штурмовиков, что сделало бы советскую авиацию сильнейшей в мире. Поэтому нападать на Германию в июле 1941 г., когда мы имели всего 2,7 тыс. новых самолетов, было бы преждевременно. Если бы Сталин имел агрессивные замыслы в отношении Германии, гораздо целесообразнее было бы начать войну после перевооружения армии.

Автор «Ледокола» не обошел своим вниманием и танковые войска. Основу советского танкового парка накануне войны составляли тихоходные танки непосредственного сопровождения пехоты - Т-26 и скоростные колесно-гусеничные - БТ, которых в 1940 г. было соответственно 9 тыс. и 7,3 тыс. штук. Кроме того, имелось еще 470 трехбашенных Т-28 и 60 неповоротливых пятибашенных машин Т-35. В апреле 1940 г. эти устаревшие машины были сняты с производства, но оставлены в войсках до полного износа с перспективой замены их в будущем танками КВ, Т-34 и Т-40¹¹. К началу 40-х годов закончилась эра легких танков, так как снаряд противотанковой пушки прошивал их насквозь. Ни высокая подвижность БТ, ни мастерство танкистов не спасали их от поражения. На полях второй мировой войны главную роль стали играть средние и тяжелые танки с противоснарядным бронированием и хорошим вооружением. Постройка в СССР скоростных колесно-гусеничных танков БТ, по мнению Суворова, свидетельствовала об агрессивных намерениях Сталина. Какие доказательства? «Танки БТ были совершенно беспомощны на плохих дорогах советской территории... БТ создавался для действий только на иностранных территориях, причем только таких, где были хо-

рошие дороги», - утверждает Суворов и в качестве пригодного для БТ театра военных действий называет Германию, Францию и Бельгию¹². Ему, видимо, неизвестно, что в течение почти 10 лет эти танки стояли на вооружении РККА и передвигались исключительно по советской территории, где хороших дорог не было. Они хорошо показали себя на заснеженных полях России, в песках Средней Азии и на степных просторах, где даже не знали слова «автострада». Поэтому нет никаких оснований утверждать, что БТ создавались для войны на хороших дорогах Европы. Суворов даже придумал, что в СССР строились специальные «автострадные» танки (А-20). На самом же деле буква «А» являлась индексом Харьковского завода. В военно-технических рассуждениях Суворова логика явно отсутствует. Ведь если строительство колесно-гусеничных танков, по его мнению, свидетельствовало о намерениях Сталина воевать на европейских автостоадах, то отказ в 1940 г. от этого типа танков и переход к сугубо гусеничным машинам следовало бы рассматривать как отказ от агрессивных планов и подготовку к оборонительной войне в условиях русского бездорожья. Однако Суворов предпочел не заметить этой перемены в советском танкостроении, поскольку она опровергает его «автострадную» теорию.

Понимая слабость своей аргументации, Суворов воздействует не на разум, а на чувства читателей. Для придания значимости наиболее фантастические утверждения он дает крупным шрифтом, а для советских танков и самолетов использует устрашающие определения: «самолет-шакал», «крылатый Чингисхан», «потрясающие агрессивные характеристики танка» и т. п. Поскольку реальные факты не подтверждают смелых суворовских гипотез, то тем хуже для фактов. Для обоснования собственных теорий автор не останавливается перед прямым обманом, увеличивая цифры в 10, 100 и даже в 200 раз. В нашей стране и в Германии выпущено достаточно книг по истории военной техники, и любой желающий может убедиться в беспочвенности суворовских заявлений об особой агрессивности советских танков, самолетов и артиллерии.

Не выдерживают критики и другие аргументы, использованные автором «Ледокола» для доказательства агрессивности Красной Армии. В их числе и совершенно фантастическое зая-

вление о наличии в СССР огромного числа отлично подготовленных парашютистов и десантной техники. Называется цифра более 1 000 000 десантников, говорится об огромном количестве военно-транспортных самолетов и грузовых десантных планеров¹³. Уж очень любит Суворов лишние нули. Парашютистов готовило оборонное общество ОСОАВИАХИМ, обучившее за 1940 г. 14 047 человек и имевшее задание подготовить в 1941 г. еще 11 750 парашютистов¹⁴. Таким образом, для создания миллионной армии десантников потребовалось бы около четырех десятилетий. Для переброски такого десанта по воздуху нужны были бы десятки тысяч транспортных самолетов и планеров, которых в СССР не было. На 20 декабря 1940 г. в Красной Армии имелось 20 транспортных самолетов, т. е. 2% потребного количества¹⁵. В первом полугодии 1941 г. планировалось построить 100 военно-транспортных самолетов «Дуглас», а во втором - еще 200 таких машин¹⁶. Для миллиона десантников - это капля в море.

Еще одна ложь Суворова заключается в том, что весной 1941 г. в Советском Союзе якобы начали массовое производство десантных планеров, чтобы летом использовать их для нападения на Германию. Но серийное производство этих планеров началось не весной, а в ноябре 1941 г. Следовательно, версия о подготовке к широкомасштабной десантной операции советских войск летом 1941 г. не выдерживает проверки фактами, как и все другие сенсационные заявления Суворова. Не было в СССР ни миллиона десантников, ни ста тысяч «самолетов-агрессоров», ни «автострадных танков», ни армад десантных планеров, ни полчищ крылатых танков. Таким образом, можно признать неудачной попытку Суворова, используя аргументы военно-технического характера, доказать намерение советского руководства напасть на Германию летом 1941 г.

Свою книгу «Ледокол» Суворов снабдил подзаголовком «Кто начал вторую мировую войну?» Немалые усилия приложил автор, чтобы вину за развязывание войны возложить на Советский Союз. Поскольку всему миру известно, что именно фашистская Германия 1 сентября 1939 г. напала на Польшу, а 22 июня 1941 г. - на СССР, и опровергнуть эти факты невозможно, Суворов предлагает считать зачинщиком войны не того, кто напал, а того, кто первым начал готовить нападе-

ние. «Почему бы не обратить внимание на то, кто первым начал мобилизацию, сосредоточение и оперативное развертывание, т. е. кто все-таки первым потянулся к пистолету?»¹⁷ - восклицает он. Он полагает, что первым это сделал СССР. Для ответа на поставленный вопрос необходимо проанализировать действия обеих сторон, а не только Советского Союза, как это делает Суворов.

Если верить автору «Ледокола», Гитлер и не думал воевать с Советским Союзом, и только военные приготовления Сталина, готовившего коварный удар в спину воюющей Германии, вынудили фюрера изменить свои планы и начать превентивную войну против СССР. В качестве даты начала второй мировой войны и вступления в нее СССР Суворов предлагает считать 19 августа 1939 г., когда, по его мнению, Политбюро ЦК ВКП(б) приняло бесповоротное решение втянуть европейские державы в войну, а затем, когда они истошат друг друга, бросить на чашу весов всю мощь Красной Армии и стать хозяином положения. Эти измышления о якобы принятом 19 августа 1939 г. решении Политбюро тогда же были опубликованы в западной печати. Пытаясь объяснить, как подобное сверхсекретное решение советского руководства могло оказаться на Западе, Суворов доходит до полного абсурда: «...Один или несколько членов Политбюро, напуганные планами Сталина, решили его остановить. Протестовать открыто они не могли. Был только один путь заставить Сталина отказаться от своих планов: опубликовать эти планы на Западе. Члены Политбюро, особенно те, которые контролировали Красную Армию, военную промышленность, военную разведку, НКВД, пропаганду, Коминтерн, вполне имели такую возможность»¹⁸. Указанные сферы курировали В.М. Молотов, К.Е. Ворошилов, А.А. Жданов, Г.М. Маленков и Л.П. Берия. Считать, что кто-то из них летом 1939 г., испугавшись будущей войны между Германией и «англо-французскими империалистами», мог попытаться сорвать замыслы вождя, как, впрочем, и свои собственные, значит совершенно не понимать менталитета этих людей и обстановки, сложившейся в советском руководстве. В это время Гитлер уже был готов напасть на Польшу и остановить его могли лишь совместные усилия Англии, Франции и СССР, но переговоры делегаций трех стран к тому времени зашли в тупик из-

за нежелания лидеров Запада обуздать фашистскую Германию. Действия англо-французских умиротворителей имели целью столкнуть СССР и Германию между собой, но вышло наоборот. Благодаря советско-германскому пакту о ненападении (23 августа 1939 г.) наша страна получила почти двухлетнюю отсрочку для укрепления своей обороны, хотя и не в полной мере воспользовалась этим. В 1939 г. Англия и Франция оказались в состоянии войны с Германией, т. е. их постигла та участь, которую они готовили Советскому Союзу. Народы Европы были вынуждены расплачиваться за антисоветскую политику правителей своих стран. Но стоит ли обвинять в этом Советский Союз?

Суворов утверждает, что в момент заключения пакта о ненападении Гитлер даже не подозревал, что коварный Сталин провел его. Только летом 1940 г. наивный фюрер понял, что его обманули: пока он одну за другой проглатывал европейские страны, кремлевский вождь точил топор, чтобы нанести внезапный удар в спину воюющей Германии. Да, в СССР была введена всеобщая воинская обязанность, формировались новые дивизии, расширялась сеть военно-учебных заведений, росла численность Красной Армии, начался процесс замены устаревшей военной техники на новую, но все эти действия ни в коей мере не свидетельствовали об агрессивных намерениях советского руководства - они были направлены на создание современных вооруженных сил, способных защитить страну от вторжения вермахта - сильнейшей армии мира. Ведь Германия все эти мероприятия к тому времени *уже провела*. Неужели Советский Союз не имел права на адекватные действия? Суворов внушает читателю мысль, что Советскому Союзу в это время якобы никто не угрожал и он сам своими военными приготовлениями спровоцировал Гитлера на нападение. Так ли это?

К началу второй мировой войны в СССР не было оперативного плана войны с Германией или ее союзниками. В акте о передаче наркомата обороны от Ворошилова к Тимошенко (май 1940 г.) этот факт четко зафиксирован¹⁹. Гитлер после разгрома Франции заявил фельдмаршалу В. Кейтелю о своем намерении уже осенью предпринять нападение на СССР, а 21 июля 1940 г. он обсудил с главнокомандующим сухопутными войсками фельдмаршалом Браухичем вопросы будущего похода

против Советского Союза. Началась разработка вариантов этой военной кампании. Военные убедили фюрера перенести срок нападения на весну 1941 г. «Чем скорее мы разобьем Россию, тем лучше, - заявил Гитлер 31 июля 1940 г. - Операция будет иметь смысл только в том случае, если мы одним стремительным ударом разгромим все государство целиком. Только захвата какой-то части территории недостаточно. Остановка действий зимой опасна. Поэтому лучше подождать, но принять твердое решение уничтожить Россию... Начало - май 1941 года. Продолжительность операции - пять месяцев. Было бы лучше начать уже в этом году, однако это не подходит, так как осуществить операцию надо одним ударом. Цель - уничтожение жизненной силы России»²⁰. Таким образом, твердое решение об уничтожении СССР Гитлер принял летом 1940 г., когда наша страна не представляла для Германии никакой угрозы, в противном случае фюрер не стал бы откладывать агрессию на 10 месяцев. О какой же «превентивной войне» можно после этого говорить?

После принятия Гитлером решения о нападении на Советский Союз были разработаны несколько вариантов восточного похода. Основные идеи плана были проверены в ходе штабной игры 29 ноября, 3 и 7 декабря 1940 г., проведенной под руководством генерала Ф. Паулюса: отрабатывалось вторжение германских войск на территорию СССР и их продвижение по Украине и Белоруссии. Результаты игр были учтены при окончательной доработке плана «Барбаросса», утвержденного Гитлером 18 декабря 1940 г. В докладе отдела иностранных армий Востока германского Генштаба 1 января 1941 г. отмечалось, что в Красной Армии наблюдаются качественные перемены, улучшается обучение рядового и офицерского состава, повышается дисциплина, больше внимания уделяется индивидуальной подготовке. «Все эти меры должны обеспечить постепенное совершенствование Красной Армии во всех областях службы. Однако в России плоды новых методов станут ощутимы лишь через несколько лет, если не десятилетий... Командиры всех степеней в ближайшее время не будут еще в состоянии оперативно командовать крупными современными соединениями и их элементами. И ныне и в ближайшем будущем они едва ли смогут проводить крупные наступательные операции, ис-

пользовать благоприятную обстановку для стремительных ударов, проявлять инициативу в рамках общей поставленной командованием задачи»²¹. В докладе говорилось, что к ведению современного наступательного боя русские подготовлены плохо, а в обороне могут достичь хороших результатов. Никаких данных о возможной агрессии СССР против Германии у немецкой разведки не имелось. Да их и не существовало. Гитлер готовил разгром Советского Союза не потому, что хотел предотвратить агрессию Сталина, а для того, чтобы установить свое господство во всей Европе. На совещании в Ставке вермахта 9 января 1941 г. он заявил: «Особенно важен для разгрома России вопрос времени. Хотя русские вооруженные силы и глиняный колосс без головы, однако точно предвидеть их дальнейшее развитие невозможно. Поскольку Россию в любом случае необходимо разгромить, то лучше это сделать сейчас, когда русская армия лишена руководителей и плохо подготовлена... Гигантские пространства России таят в себе неисчислимы богатства. Германия должна экономически и политически овладеть этими пространствами, но не присоединять их к себе. Тем самым она будет располагать всеми возможностями для ведения в будущем борьбы против континентов, тогда никто больше не сможет ее разгромить»²².

В первой половине января 1941 г. в советском Генштабе прошли две оперативно-стратегических игры на картах, в ходе которых анализировалось возможное развитие событий в случае нападения Германии на СССР. По условиям игр Красная Армия успешно отбила наступление агрессора и через несколько недель после начала боевых действий отбросила его за линию границы. Затем сражения развернулись на территории Польши и Восточной Пруссии. Такое развитие событий соответствовало советской военной доктрине и утвержденному 14 октября 1940 г. оперативному плану будущей войны.

В феврале 1941 г. началась нарастающая с каждой неделей переброска войск вермахта на Восток, к границам СССР. Миллионы солдат, тысячи танков и самолетов, десятки тысяч орудий сосредоточивались в опасной близости от Советского Союза. Не реагировать на эту смертельную угрозу было бы преступлением, и 11 марта Генштаб разработал новый вариант оперплана, предусмотрев увеличение численности советских

войск в приграничных округах. Но только в середине мая, т. е. на три месяца позже немцев, началась переброска 28 дивизий и четырех армейских управлений из внутренних военных округов в приграничные. Суворов назвал это «самым крупным в истории всех цивилизаций перемещением войск», забыв, вероятно, о еще более крупном перемещении германских дивизий, начатом на несколько месяцев раньше. В июне 1941 г. противник сосредоточил у советских границ в готовности к наступлению 5,5 млн солдат, что почти вдвое превышало численность войск приграничных округов (2,9 млн человек). Во всем Советском Союзе к этому времени в вооруженных силах служили 5,3 млн человек. Даже если бы собрать все советские части, находившиеся на Дальнем Востоке, в Сибири, Средней Азии, в Закавказье, на Урале, и переместить их к западным границам, то и в этом случае численное превосходство осталось бы за противником. Поэтому Суворов, избегая называть реальные цифры, запугивает читателя фантастическими картинами «сверхогромной тайной переброски войск». В мае-июне, когда концентрация сил вермахта у наших границ превзошла все мыслимые пределы, советское командование, хотя и с огромным опозданием, предприняло меры по укреплению обороны: создание второго стратегического эшелона, пополнение приграничных соединений до полного штата, частичная мобилизация под видом летних учебных сборов (всеобщая мобилизация началась лишь 23 июня) и передислокация дивизий из глубины страны к западной границе. Но даже эти сугубо оборонительные мероприятия вызвали осуждение автора «Ледокола». Видимо, он предпочел бы, чтобы советская сторона оставалась в бездействии, наблюдая, как на ее рубежах концентрируются силы агрессора.

Любой военный знает, что для успешного наступления желательно иметь численное превосходство над обороняющимся и создать соответствующую группировку войск. Германская сторона такое превосходство имела (5,5 млн против 2,9 млн человек) и создала наступательную группировку (149 дивизий в первом эшелоне, 14 во втором и 28 в резерве). С советской стороны картина была противоположной: в первом эшелоне находилось всего 56 дивизий, во втором - 52 и в резерве фронтов - 62 дивизии²³. При таком построении

войск нельзя было не только наступать, но и оказывать серьезное сопротивление вермахту, превосходившему Красную Армию по количественным и особенно по качественным параметрам. Несмотря на многочисленные ухищрения и явную ложь, Суворов не смог опровергнуть главного. Именно фашистская Германия развязала вторую мировую войну, первой провела всеобщую мобилизацию, сосредоточение и развертывание войск в соответствии с заранее разработанным детальным планом агрессии, т. е. «первой потянулась к пистолету», выражаясь словами самого Суворова.

Действия гитлеровского руководства по подготовке и осуществлению агрессии были всесторонне проанализированы на Нюрнбергском процессе, вина Германии полностью доказана. На этом фоне совершенно абсурдными выглядят попытки автора «Ледокола» переложить вину на СССР и усадить на скамью подсудимых советских генералов и политиков. Человек, взявшийся доказать, что Советский Союз был главным зачинщиком и виновником мировой войны, с поставленной задачей не справился. «Работа над книгой опустошила меня, - пишет Суворов. - У меня пустая душа, а мозг переполнен номерами дивизий. Носить в мозгу такую книгу я долго не мог. Ее НАДО было написать. Но для этого надо было бежать из страны. Для этого надо было стать предателем. Я им стал»²⁴. Как видим, для достижения своей цели автор пошел на все. Однако вместо обещанного серьезного исследования из-под его пера вышел рассчитанный на легкого читателя пропагандистский опус, в котором отсутствие фактов компенсируется избытком эмоций, а сенсационные открытия порождены богатой авторской фантазией. Издание книг Суворова миллионными тиражами взбудоражило читающую публику, но не стало событием в исторической науке. В последние годы опубликованы статьи, книги и сборники документов, поз-воляющие по-новому взглянуть на историю предвоенного периода. Получение серьезных научных результатов несовместимо с погоней за сенсациями, тенденциозным цитатничеством и сознательным игнорированием архивных материалов. Именно поэтому попытка Суворова реанимировать давно разоблаченную выдумку о превентивной войне потерпела провал.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Военно-историч. ж-л. 1991. №6. С.40.
- ² Григорьев С. О военно-технических аспектах книг В. Суворова // Готовил ли Сталин наступательную войну против Гитлера? М., 1995. С.13-23; Исайкин С.П. Арифметика ошибок // Там же. С.46-63.
- ³ Суворов В. День-М. Когда началась вторая мировая война? М., 1994. С.33.
- ⁴ Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории. Ф.558. Оп.1. Д.3808. Л.10, 11. Далее: РЦХИДНИ.
- ⁵ История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941-1945: В 6 т. М., 1963. Т.1. С.414.
- ⁶ Суворов В. День-М. С.103.
- ⁷ Известия ЦК КПСС. 1990. №2. С.195; Российский государственный военный архив. Ф.29. Оп.73. Д.30. Л.170. Далее: РГВА.
- ⁸ Суворов В. День-М. С.99.
- ⁹ Там же. С.103.
- ¹⁰ Известия ЦК КПСС. 1990. №2. С.195.
- ¹¹ РГВА. Ф.4. Оп.19. Д.90. Л.35; Оп.14. Д.2736. Л.15.
- ¹² Суворов В. Ледокол. М., 1993. С.29, 30.
- ¹³ Там же. С.113, 121-123.
- ¹⁴ Государственный архив Российской Федерации. Ф.8355. Оп.1. Д.208. Л.19. Далее: ГАРФ.
- ¹⁵ РГВА. Ф.29. Оп.73. Д.30. Л.179.
- ¹⁶ Известия ЦК КПСС. 1990. №2. С.195.
- ¹⁷ Суворов В. Ледокол. С.257.
- ¹⁸ Там же. С.51.
- ¹⁹ РГВА. Ф.4. Оп.19. Д.90. Л.1-2.
- ²⁰ Гальдер Ф. Военный дневник. М., 1969. Т.2. С.80, 81.
- ²¹ Дашичев В.И. Банкротство стратегии германского фашизма: Исторические очерки Документы и материалы: В 2 т. М., 1973. Т. 2. С. 90, 91.
- ²² Там же. С.93, 94.
- ²³ Военно-историч. ж-л. 1991. №6. С.42.
- ²⁴ Суворов В. Ледокол. С.6.

Государственный Комитет Оборона: организация, положение и роль в системе государственных органов в период Великой Отечественной войны

Одним из важнейших органов власти в годы Великой Отечественной войны был Государственный Комитет Оборона (ГКО). Это название часто встречается в исторических трудах. Историография этого учреждения содержит ценную, хотя и часто повторяющуюся информацию. Выделим работы А.А. Печенкина, А.В. Хрулева и А.М. Беликова¹. Имеются статьи, посвященные городским комитетам оборона², а П.Н. Кнышевский исследует деятельность ГКО по мобилизации трудовых ресурсов³. Необходимо упомянуть и не так давно вышедшую книгу Н.Я. Комарова, в которой приводятся несколько десятков постановлений ГКО и комментарии к ним⁴. Интересные, хотя и отрывочные сведения, можно найти в мемуарах государственных и военных деятелей этого периода. Но и здесь информация повторяется. Некоторые постановления ГКО опубликованы в журналах «Известия ЦК КПСС» и в «Военно-историческом журнале»⁵.

В данной статье рассматривается прежде всего организационная сторона деятельности ГКО - его внутреннее устройство, порядок работы, состав, а также положение в системе внешних органов власти и управления периода Великой Отечественной войны. Кроме того, мы сочли необходимым по возможности более подробно остановиться на процессе обра-

зования ГКО. Деятельность ГКО затрагивается только в связи с обозначенными выше проблемами.

ГКО существовал с 30 июня 1941 г. (он был создан совместным постановлением Президиума Верховного Совета СССР, СНК СССР и ЦК ВКП(б)⁶ по 4 сентября 1945 г. (упразднен Указом Президиума Верховного Совета СССР)⁷.

Приведенные сведения типичны для многих справочных изданий по Великой Отечественной войне. Они освещают, однако, лишь чисто формальную сторону возникновения ГКО, и поневоле создается впечатление, что это событие явилось чем-то самим собой разумеющимся, что образование ГКО было заранее запланировано на случай начала войны.

Такое впечатление не согласуется с воспоминаниями одного из крупных государственных деятелей того времени наркома внешней торговли А.И. Микояна. Он вспоминает о растерянности среди высшего руководства страны в первые дни войны и о подготовке решения об образовании ГКО⁸.

Хотя идея о создании в случае войны органа, обладающего всей полнотой власти, высказывалась и раньше⁹, лишь 30 июня 1941 г. на заседании в Кремле высшего руководства страны она «дозрела» окончательно. Совещение проходило без участия Сталина, который в шоковом состоянии находился на даче. В заседании участвовали Молотов, Берия, Маленков, Ворошилов, позднее к ним присоединились Вознесенский и Микоян. В тот же день они предложили эту идею Сталину и попросили его возглавить ГКО (уже тогда было определено это название). После согласия Сталина стал обсуждаться вопрос о составе ГКО. Берия предложил включить в него Сталина, Молотова, Маленкова, Ворошилова, Берию. Это вызвало возражения Вознесенского, желавшего, чтобы в состав ГКО, кроме него самого входил также и Микоян. Сталин не возражал против включения в ГКО всех семерых, но Берия настаивал на своем предложении, мотивируя это тем, что кому-то нужно работать в Госплане (председателем которого являлся Вознесенский) и Совнарком (одним из заместителей его председателя был Микоян). Вознесенского не поддержали. В конце концов в ГКО были включены пять человек, названных Берией, а Вознесенский и Микоян назначены «особо уполномоченными» ГКО, первый - по производству ору-

жия и боеприпасов, второй - по снабжению армии продовольствием и горючим¹⁰. Кроме них, 3 июля 1941 г. «особо уполномоченным» ГКО по воинским перевозкам стал Каганович¹¹. Смысл должности «особо уполномоченных» ГКО раскрыл Микоян. Он свидетельствовал, что сам попросил назначить его «особо уполномоченным ГКО со всеми правами ГКО в области снабжения фронта продовольствием и горючим»¹².

После определения персонального состава нового органа Маленков от руки написал проект решения об образовании ГКО. В проект были внесены поправки Сталина и Молотова¹³, после чего он был вынесен на рассмотрение Президиума Верховного Совета СССР.

Показательно, что под написанным рукой Г. Маленкова текстом постановления об образовании ГКО стоит фамилия и должность не только Председателя СНК СССР и секретаря ЦК ВКП(б) Сталина, но и Председателя Президиума Верховного Совета СССР Калинина, не привлекавшегося к обсуждению проекта создания ГКО, т. е. то, что Президиум Верховного Совета СССР будет согласен с постановлением, не вызывало сомнений. Таким образом, совместное постановление Президиума Верховного Совета СССР, СНК СССР и ЦК ВКП(б) фактически лишь оформило образование этого органа. Реально же ГКО был учрежден узким кругом партийно-государственных деятелей. Возникновение ГКО не было запланировано заранее, а произошло под влиянием обстоятельств.

Итак, сначала в состав ГКО входили: И.В. Сталин - председатель, В.М. Молотов - заместитель председателя, Г.М. Маленков, К.Е. Ворошилов, Л.П. Берия (впоследствии он стал еще одним заместителем председателя)¹⁴ - всего пять членов. В феврале 1942 г. в ГКО были введены А.И. Микоян, Н.А. Вознесенский, Л.М. Каганович, а в ноябре 1944 г. - Н.А. Булганин, сменивший в ГКО К.Е. Ворошилова¹⁵. Названные лица и до образования ГКО совмещали по несколько должностей в государственном и партийном аппарате, обладая, таким образом, огромной властью¹⁶.

Новый орган имел чрезвычайный характер и пользовался неограниченной властью. На это указывает содержание по-

становления от 30 июня 1941 г.: ГКО создан «ввиду создавшегося чрезвычайного положения», и все учреждения и все граждане обязывались «беспрекословно» ему подчиняться. Постановление определяло также его основную задачу - мобилизацию сил государства.

ГКО в целом действовал по типу учреждения, основанного на принципе единоначалия. Какого-либо документа, определявшего работу, издано не было¹⁷, во всяком случае, о нем нигде не упоминается. Сферы деятельности были распределены между членами ГКО¹⁸, а общее руководство осуществлял Председатель. Молотов заведовал производством танков, Маленков - всеми делами авиации¹⁹, Микоян - снабжением армии продовольствием, вещами и горючим²⁰, Каганович занимался проблемами транспорта²¹. Ворошилов отвечал за формирование новых воинских частей, Вознесенский - за производство черных и цветных металлов, нефти, химикатов, боеприпасов²² (до февраля 1942 г.), Берия - за внутреннюю безопасность государства и борьбу с дезертирством²³; с февраля 1942 г. также и за производство боеприпасов²⁴.

Заседания ГКО были нерегулярные, часто в неполном составе²⁵ и с неопределенной заранее повесткой дня, что во многом объясняется непредсказуемостью хода событий того времени. По сведениям А.М. Беликова, протоколы заседаний не велись²⁶.

Картину работы ГКО в какой-то мере можно представить по описанию А.В. Хрулева. Он пишет: «В кабинет председателя ГКО всегда свободно входили члены ГКО, которые докладывали подготовленные проекты постановлений каждый по своему кругу деятельности. Сюда непрерывно являлись военные руководители, наркомы и другие ответственные лица не только по вызову, но и по своей инициативе, если у них возникал крупный и неотложный вопрос. Заседаний ГКО в обычном понимании, т. е. с определенной повесткой дня, секретарями и протоколами, не было. Процедура согласования с Госпланом, наркоматами и ведомствами вопросов снабжения армии была упрощена до предела»²⁷.

Работа Хрулева дает возможность установить примерную процедуру принятия решений. Он описывает, например, принятие такого важного решения, как организация тыла

Красной Армии в военное время. Хрулеву позвонил Микоян и сообщил, что Сталин поручает ему (Хрулеву) разработку проекта «решения Государственного Комитета Оборона по организации тыла Красной Армии на военное время». Хрулев привлек необходимых специалистов, и в конце июля 1941 г. задание было выполнено. На заседании ГКО, «прочитав документ, Верховный Главнокомандующий молча протянул его Жукову. Тот быстро ознакомился с проектом и заявил: “Я не согласен...” Бросив выразительный взгляд на Жукова, Верховный Главнокомандующий взял проект обратно и тут же подписал его»²⁸. Но решения принимались не только единолично Сталиным, но и совещательным порядком. Г.К. Жуков вспоминает, что «очень часто на заседаниях ГКО вспыхивали острые споры, при этом мнения высказывались определенно и резко. Если к единому мнению не приходили, тут же создавалась комиссия из представителей крайних сторон, которой и поручалось доложить согласованные предложения на следующем заседании»²⁹.

Свидетельство Жукова дополняет описание А.М. Василевским того, как вообще проходили заседания какого-либо высшего органа с участием И. Сталина. Последний «неторопливо, чуть сутулясь, прохаживается, внимательно слушает выступающих, иногда задает вопросы, подает реплики. А когда кончится обсуждение, четко подведет итог. Его заключения... как правило, ложились в основу постановлений ЦК партии или ГКО, а также директив и приказов Верховного Командования. Но бывало, что кто-то по указанию Сталина прямо на заседании готовит проект. Сталин подойдет, прочитает написанное, иногда внесет поправки, а если проект не удовлетворяет, сам продиктует новый вариант»³⁰.

Приведенные свидетельства трех видных государственных деятелей позволяют в общих чертах описать процедуру принятия решений Государственным Комитетом Оборона. ГКО или отдельные его члены поручали компетентным лицам разработку какого-либо проекта. Те, в свою очередь, привлекали специалистов, вырабатывался проект решения, который подавался на рассмотрение ГКО или лично Сталину. Члены ГКО обсуждали его, высказывали свое мнение, спорили, создавали согласительные комиссии, однако мнение Сталина

было решающим. Следовательно, ГКО выполнял совещательную функцию при его Председателе.

Согласно воспоминаниям Микояна, члены и уполномоченные ГКО обладали правами этого всемогущего органа в пределах своей компетенции. Но это, по-видимому, не означает, что они могли делать все, что хотели, что не было регламентировано ГКО. Повторим предложение из цитированного выше отрывка статьи А.В. Хрулева: «В кабинет Председателя ГКО всегда свободно входили члены ГКО, которые докладывали подготовленные проекты постановлений - каждый по своему кругу деятельности». Видимо, для решения вопросов более важных, принципиальных, щекотливых члены ГКО должны были получать санкцию председателя ГКО или органа в целом. Например, 17 ноября 1941 г. ГКО решил НКВД СССР расстрелять всех заключенных, приговоренных к высшей мере наказания и содержащихся в тюрьмах в ожидании утверждения приговоров, а также предоставил Особому совещанию НКВД СССР право выносить любые меры наказания вплоть до расстрела. Решения Особого совещания считались окончательными.

6 сентября 1941 г. нарком внутренних дел Л.П. Берия представил в ГКО список из 170 заключенных, якобы ведущих в тюрьме пораженческую агитацию и готовящих побег. В тот же день ГКО постановил применить к ним высшую меру наказания³¹.

Таким образом, ГКО отчасти напоминает кабинет министров, выполняющий также управленческие и совещательные функции.

При ГКО действовал ряд учреждений. Состав их был непостоянным: на протяжении Великой Отечественной войны они создавались и упразднялись. Перечислим названия и даты создания некоторых наиболее важных и известных среди них: 1) Совет по эвакуации под председательством Л.М. Кагановича - 26.06.1941³²; 2) Управление по эвакуации, возглавляемое зампредом СНК К. Памфиловым - 26.09.1941³³; 3) Транспортный комитет, который возглавил Сталин (можно предположить, что чисто формально, желая придать авторитет этому учреждению - 14.02.1942³⁴; 4) Оперативное бюро, контролировавшее выполнение государственного плана и содействовав-

шее этому по многим отраслям промышленности, в первую очередь оборонным - 8.12.1942³⁵; 5) Трофейный комитет, которым руководил К.Е. Ворошилов - 05.04.1943; 6) Совет по радиолокации, возглавлявшийся адмиралом А. Бергом и инженером А. Шохиним - 04.07.1943³⁶ и другие.

Члены ГКО имели официальных помощников, ответственных за определенные участки работы³⁷.

Некоторые авторы считают, что местных органов прямого подчинения ГКО не создавал³⁸; другие называют таковыми местные комитеты обороны³⁹, созданные постановлением ГКО от 22 октября 1941 г. «О городских комитетах обороны». В источниках мы не нашли подтверждения последнему мнению. Постановление от 22 октября 1941 г. поручало создание городских комитетов обороны местным партийным органам⁴⁰, т. е. ГКО как бы рассматривал их в рамках существующей системы местного партийного и государственного аппарата, а не как коллегии, стоящие над этим аппаратом. Состав городских комитетов обороны, определенный тем же постановлением, соответствовал тому, чтобы ГКО воздействовал на них не напрямую, а через партийный и советский аппарат. В них входили: председатель - секретарь обкома или горкома партии, заместитель председателя - председатель исполкома облсовета или горсовета, старшие военачальники, представитель НКВД⁴¹.

Городские комитеты обороны брали на себя те функции местных военных советов фронтов, армий, которыми эти военные власти обладали согласно Указу Президиума Верховного Совета СССР от 22 июня 1941 г., а именно: 1) привлечение граждан к трудовой повинности; 2) объявление автогужевой и трудовой повинностей для военных надобностей; 3) изъятие у учреждений, организаций, граждан нужного для обороны имущества; 4) регулирование времени работы учреждений и предприятий, организация собраний, шествий и т. п.; 5) запрет на въезд и выезд; 6) выселение в административном порядке из пределов местностей, объявленных на военном положении, лиц, признанных социально опасными; 7) регулирование торговли, нормы отпуска товаров. Комитеты имели также право «издавать обязательные для всего населения постановления», устанавливая за их невыполнение наказания

в виде лишения свободы на срок до 6 месяцев или штрафа до 3 000 рублей⁴².

Следует сказать и об уполномоченных ГКО. Их компетенция, задачи были различными; функционировали они с помощью местного аппарата. Уполномоченные могли действовать на определенной территории, в военно-промышленных наркоматах, на важнейших предприятиях и стройках⁴³, направляться на места с конкретным заданием⁴⁴.

Деятельность ГКО охватывала необычайно широкий круг вопросов, что соответствовало неограниченной компетенции этого учреждения. ГКО решал организационные, экономические, политические, кадровые, военные и другие вопросы. Но поскольку ГКО был органом, созданным в интересах мобилизации сил государства на оборону, то его деятельность имела преимущественно организационно-экономическую направленность. По данным Беликова, за время своего существования ГКО принял 9 971 постановление, из которых примерно две трети касались проблем военной экономики и организации военного производства⁴⁵.

Оценивая положение ГКО в системе органов государственной власти и управления, следует учитывать, что Председатель ГКО, органа, юридически обладавшего высшей государственной властью, совмещал также руководство вооруженными силами страны (Верховный Главнокомандующий), правительством (Председатель СНК СССР) и правящей партией (секретарь ЦК ВКП(б)). Таким образом, Сталин и официально и фактически сосредоточил в своих руках абсолютную власть. Именно он держал все нити государственного управления. Все органы - и ЦК ВКП(б), и ГКО, и СНК, и Ставка были одинаково бесправны и равноправны перед вождем. Поэтому вопрос о юридическом статусе ГКО, на наш взгляд, не столь существен. Важно, что возглавлял его Сталин и что ГКО выполнял важнейшую в тот период функцию - мобилизацию сил государства на оборону.

К примеру, так быстро принятое на заседании ГКО в конце июля 1941 г.⁴⁶ решение об организации тыла Красной Армии в военное время (как проходило это заседание мы описывали выше) серьезно ограничивало компетенцию Генерального штаба, ставшего вскоре после этого рабочим органом

Ставки ВГК⁴⁷. До этого решения, принятого Сталиным, Генштаб руководил, кроме всего прочего, и снабжением армии⁴⁸. Теперь эта функция передавалась самостоятельной службе - Главному управлению тыла Красной Армии⁴⁹. С тем же успехом Сталин мог провести это решение не через ГКО, а через СНК или Ставку.

Таким образом, ГКО лишь формально стоял над остальными органами власти и управления СССР. Фактически же он был первым среди равных, вписывался в систему партийного, государственного и советского аппарата, а не возвышался над ним.

Особенно наглядно такое равноправие учреждений проявлялось во время совместных заседаний Политбюро ЦК ВКП(б), Оргбюро и Секретариата ЦК партии, которых, по сведениям Г.К. Жукова, за время войны было более 200⁵⁰. Принятые на таких заседаниях решения оформлялись, в зависимости от содержания, как постановления ЦК ВКП(б), ГКО или директивы Ставки ВГК⁵¹, хотя фактически таковыми не являлись.

Г.К. Жуков вспоминает: «ГКО и Ставка представляли собой 2 чрезвычайных органа. Но так как И.В. Сталин возглавлял и Комитет, и Ставку, то формальность обычно не соблюдалась. На совещания в ГКО часто приглашались члены Ставки, и, наоборот, в Ставке при решении важных вопросов присутствовали члены ГКО»⁵². По сведениям Беликова, почти все текущие вопросы военного производства, так же, как и проблемы развития военного хозяйства в целом, ГКО решал с участием представителей соответствующих хозяйственных органов и Госплана СССР⁵³.

А.М. Василевский считал, что «будет безусловно правильным, говоря о докладах начальника Генерального штаба или его заместителя на рабочих заседаниях Ставки, говорить о них, как о докладах Ставке, Политбюро, ЦК партии и ГКО»⁵⁴.

Следовательно, ГКО не просто вписывался в партийно-государственный аппарат - он растворялся в нем, являясь удобной формой, аппаратом личной власти Сталина, поскольку порядок управления был авторитарным.

ГКО был весьма неопределенным и изменчивым аппаратом управления. Как уже упоминалось, заседания часто про-

водились в неполном составе, в них участвовали и не члены ГКО; регламентированного и определенного порядка работы и принятия решений не было. Состав членов ГКО был более или менее постоянным, а участвовавшие в его заседаниях не члены ГКО обладали лишь правом совещательного голоса. Однако фактически вся разница между членами и не членами ГКО, принимавшими участие в его работе, нивелировалась и сводилась на нет влиянием и харизмой Сталина. Мысль, высказанная не членом ГКО и получившая одобрение Сталина, автоматически становилась решением ГКО. Так, инициатива в создании упомянутого выше Транспортного комитета принадлежала начальнику Центрального управления военных сообщений Красной Армии И. Ковалеву. Он подал идею Сталину, и тот на заседании ГКО 14 февраля 1942 г. предложил создать Транспортный комитет при ГКО. Предложение было принято единогласно⁵⁵.

Итак, ГКО более всего являлся совещательным органом при Сталине. Управленческие же функции ГКО, по нашему мнению, фиктивны; реально они находились в руках у отдельных его членов. Члены ГКО, за исключением Сталина, могли воздействовать на деятельность Комитета только через его Председателя, который узурпировал неограниченные полномочия ГКО как коллегиального органа управления. Кроме совещательной, ГКО выполнял также (хотя и косвенно) харизматическую роль, символизируя единство руководства страны.

Однако это не означает, что создание ГКО не имело особого смысла. Наоборот, учитывая трудное для СССР начало войны, совещательный по сути характер ГКО являлся, с нашей точки зрения, не недостатком, а достоинством этого учреждения. Создание ГКО четко определило круг наиболее близких советников Сталина. Комитет состоял из лиц, особенно хорошо «сработавшихся» с вождем, что не могло не иметь положительного значения. Члены ГКО могли даже спорить с ним⁵⁶.

Компетентность членов ГКО, оперативность его деятельности и обуславливались тем обстоятельством, что каждый входивший в его состав совмещал должности в партийном и государственном аппарате. К примеру, Сталин, возглавляя и

ГКО, и Совнарком, мог дать указание оформить принятое на заседании Комитета решение как их совместное постановление.

На наш взгляд, важность деятельности ГКО состояла и в том, что его организация не была регламентирована, а определялась интересами дела. Это проявлялось в присутствии на заседаниях ГКО лиц, не входивших в его состав. Как уже отмечалось выше, влияние последних на принятие решений могло быть весьма значительным. По мнению Жукова, участие членов Ставки во многих заседаниях ГКО «приносило большую пользу: не терялось время на изучение вопросов для проведения их в жизнь и люди, входившие в состав этих двух государственных органов, всегда были в курсе событий»⁵⁷. Он считал, что присутствие на заседаниях ГКО наркомов, которым предстояло принять участие в обеспечении боевых операций, «позволяло, когда появилась возможность, сосредоточить огромные материальные силы на важнейших направлениях, проводить единую линию в области стратегического руководства, и, подкрепляя ее организованным тылом, увязывать боевую деятельность войск с усилиями всей страны»⁵⁸.

Имея в виду общее количество принятых ГКО постановлений, можно подсчитать, что в среднем за день обретало силу шесть решений, что свидетельствует о его достаточно интенсивной деятельности.

Под руководством ГКО страна сумела быстро перестроить промышленное производство на выпуск военной продукции. В 1942 г. СССР произвел ее больше, чем Германия⁵⁹. Такие результаты были бы невозможны без четкого и оперативного исполнения постановлений ГКО, направленных на организацию обороны страны.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Печенкин А.А. Государственный Комитет Обороны в 1941 году // Отечественная история. 1994. №4-5; Хрулев А.В. Становление стратегического тыла в Великой Отечественной войне // Военно-историч. ж-л. 1961. №6; Беликов А.М. Государственный Комитет Обороны и проблемы создания слаженной военной экономики // Советский тыл в Великой Отечественной войне. Кн.1. М., 1974.
- ² Гутин М.Л. О деятельности местных комитетов обороны в годы Великой Отечественной войны // Вопросы истории КПСС. 1970. №7; Усиков Р. Городские комитеты обороны Крыма, Поволжья и Северного Кавказа за годы Великой Отечественной войны // Военно-историч. ж-л. 1971. №2.
- ³ Кнышевский П.Н. Государственный Комитет Обороны: Методы мобилизации трудовых ресурсов // Вопросы истории. 1994. №2.
- ⁴ Комаров Н.Я. PRODOC-U. Государственный Комитет Обороны постановляет...: Документы. Воспоминания. Комментарии. М., 1990.
- ⁵ Известия ЦК КПСС. 1990. №7, 9-12; 1991. №1, 2, 8; Военно-историч. ж-л. 1992. №2, 3, 4-5.
- ⁶ Правда. 1941. 1 июля.
- ⁷ Сборник законов СССР и Указов Президиума Верховного Совета СССР 1938-1975: В 4 т. Т.1. С.209.
- ⁸ Политическое образование. 1988. №9. С.74-76.
- ⁹ Фрунзе М.В. Собр. соч.: В 3 т. М.; Л., 1926. Т.2. С.122.
- ¹⁰ Политическое образование. 1988. №9. С.76.
- ¹¹ Печенкин А.А. Указ. соч. С.130.
- ¹² Политическое образование. 1988. №9. С.76.
- ¹³ Известия ЦК КПСС. 1990. №6. С.198.
- ¹⁴ Кнышевский П.Н. Указ. соч. С.53.
- ¹⁵ Печенкин А.А. Указ. соч. С.130, 141.
- ¹⁶ Сталин Иосиф Виссарионович - член Политбюро и секретарь ЦК ВКП(б), с 6 мая 1941 г. - Председатель СНК СССР, с 30 июня - Председатель ГКО. 10 июля возглавил Ставку Верховного Командования, с 19 июля - нарком обороны СССР, с 8 августа - Верховный Главнокомандующий.
Молотов Вячеслав Михайлович - член Политбюро ЦК ВКП(б), заместитель Председателя СНК СССР и нарком иностранных дел, одновременно с 30 июня 1941 г. - заместитель Председателя ГКО. С 23 июня 1941 г. по 17 февраля 1945 г. - член Ставки.
Ворошилов Климент Ефремович - член Политбюро ЦК ВКП(б), с мая 1940 г. заместитель Председателя СНК СССР, Председатель Комитета Обороны при СНК. С 23 июня 1941 г. по 17 февраля 1945 г. - член Ставки, с 30 июня 1941 г. по 21 ноября 1944 г. - член ГКО. Маршал Советского Союза.
Берия Лаврентий Павлович - кандидат в члены Политбюро ЦК ВКП(б), нарком внутренних дел СССР, генеральный комиссар государственной безопасности, заместитель Председателя ГКО.

Маленков Георгий Максимилианович - кандидат в члены Политбюро и секретарь ЦК ВКП(б). С 30 июня 1941 г. - член ГКО, с мая 1944 г. - заместитель Председателя СНК СССР.

Микоян Анастас Иванович член Политбюро ЦК ВКП(б), заместитель Председателя СНК СССР, нарком внешней торговли. С 3 июля 1941 г. уполномоченный ГКО, с февраля 1942 г. - член ГКО.

Вознесенский Николай Алексеевич - кандидат в члены Политбюро ЦК ВКП(б), первый заместитель Председателя СНК СССР, Председатель Госплана СССР. С 3 июля 1941 г. - уполномоченный ГКО, с февраля 1942 г. - член ГКО.

Каганович Лазарь Моисеевич - член Политбюро ЦК ВКП(б), заместитель Председателя СНК СССР. С 1935 г. по март 1942 г. и с марта 1943 г. по декабрь 1944 г. - нарком путей сообщений СССР, с 24 июня по 16 июля 1941 г. - Председатель Совета по эвакуации, с 3 июля 1941 г. - уполномоченный ГКО, с февраля 1942 г. - член ГКО.

Булганин Николай Александрович - заместитель Председателя СНК СССР. С ноября 1944 г. - генерал армии, заместитель наркома обороны и член ГКО, с 17 февраля 1945 г. - член Ставки ВГК.

17 Печенкин А.А. Указ. соч. С.130.

18 Хрулев А.В. Указ. соч. С.66.

19 Политическое образование. 1988. №9. С.76.

20 Хрулев А.В. Указ. соч. С.66.

21 Комаров Н.Я. Указ. соч. С.6.

22 Печенкин А.А. Указ. соч. С.130.

23 Политическое образование. 1988. №9. С.76.

24 Печенкин А.А. Указ. соч. С.130.

25 Хрулев А.В. Указ. соч. С.66.

26 Беликов А.М. Указ. соч. С.74.

27 Хрулев А.В. Указ. соч. С.66. Хрулев Андрей Васильевич - главный интендант РККА. С авг. 1941 г. - заместитель наркома обороны СССР, начальник Главного управления тыла Красной Армии, в 1942-1943 гг. - нарком путей сообщений СССР, генерал армии.

28 Хрулев А.В. Указ. соч. С.68-69.

29 Жуков Г.К. Воспоминания и размышления: В 2 т. 10-е изд., доп. по рукописи автора. М., 1990. Т.2. С.71. Жуков Георгий Константинович - Маршал Советского Союза (1943). С января по 30 июля 1941 г. - начальник Генштаба, заместитель наркома обороны СССР. С 23 июня 1941 г. - член Ставки. С августа 1942 г. - первый заместитель наркома обороны СССР и заместитель Верховного Главнокомандующего.

30 Василевский А.М. Дело всей жизни. М., 1984. С.445. Василевский Александр Михайлович - Маршал Советского Союза (1943). С августа 1941 г. - заместитель начальника Генштаба. С мая 1942 г. - начальник Генштаба, одновременно с октября 1942 г. - заместитель наркома обороны СССР. С 17 февраля 1945 г. - член Ставки ВГК.

31 Печенкин А.А. Указ. соч. С.139.

32 Известия ЦК КПСС. 1990. №6. С.201.

33 Печенкин А.А. Указ. соч. С.132.

34 Комаров Н.Я. Указ. соч. С.150.

35 Беликов А.М. Указ. соч. С.77.

36 Комаров Н.Я. Указ. соч. С.236, 276.

37 Печенкин А.А. Указ. соч. С.131.

38 Беликов А.М. Указ. соч. С.76;

39 Печенкин А.А. Указ. соч. С.131.

39 Сеницын А.М. Чрезвычайные органы Советского государства // Вопр. истории. 1955. №2. С.35. Якуба О.М. Чрезвычайные

- органы Советского социалистического государства // Учен. зап. Свердловского юридич. ин-та. Т.1. С.28.
- 40 Комаров Н.Я. Указ. соч. С.98.
41 Там же. С.97.
42 Правда. 1941. 23 июня.
43 Жуков Г.К. Указ. соч. Т.2. С.71.
44 Комаров Н.Я. Указ. соч. С.9.
45 Беликов А.М. Указ. соч. С.76.
46 Хрулев А.В. Указ. соч. С.68.
47 Коржихина Т.П. Советское государство и его учреждения. М., 1994. С.318.
48 Хрулев А.В. Указ. соч. С.64-65.
49 Коржихина Т.П. Указ. соч. С.319.
- 50 Жуков Г.К. Указ. соч. Т.2. С.78-79.
51 Василевский А.М. Указ. соч. С.443.
52 Жуков Г.К. Указ. соч. Т.2. С.101.
53 Беликов А.М. Указ. соч. С.72.
54 Василевский А.М. Указ. соч. С.442.
55 Комаров Н.Я. Указ. соч. С.151.
56 Жуков Г.К. Указ. соч. Т.2. С.112.
57 Там же. С.101.
58 Там же. С.71.
59 История СССР. Эпоха социализма: Учебник для ист. ф-тов вузов / Под ред. Ю.С. Кукушкина. М., 1985. С.29

Н

екоторые вопросы организации и деятельности высших органов управления Вооруженными Силами СССР в период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.)

Великая Отечественная война была и остается одной из ярчайших и трагических страниц нашей истории. Неугасающий интерес к ней обусловлен новыми политическими реалиями, сложившимися в последнее время и в нашей стране и в странах Западной Европы. Все чаще стали звучать голоса и мнения, принижающие роль СССР в победе над фашизмом в 1945 г. В связи с этим исследователи вновь обращаются к различным аспектам истории Великой Отечественной войны, в том числе к вопросам организации управления войсками. Главенствующим органом, осуществляющим управление, как известно, являлась Ставка Верховного Главнокомандования (далее СВГК) и Генеральный штаб (далее ГШ).

Если историография ВОВ в целом достаточно разнообразна, то исследований, посвященных СВГК и ГШ, почти нет. В основном это статьи обзорного и биографического характера, написанные военными историками.

Среди обзорных статей можно выделить работы В. Куликова, Н. Ломова и В. Голубовича¹, в которых задачи и общие направления деятельности СВГК и ГШ описываются без анализа текущих преобразований, структуры, режима и организации работы этих органов. А между тем от четкости и слаженности взаимодействия структурных подразделений зави-

сит, как известно, эффективность и успех деятельности учреждения в целом.

Статьи биографического характера посвящены виднейшим военачальникам, занимавшим в годы войны высокие посты в вооруженных силах - Г.К. Жукову, Б.М. Шапошникову, А.М. Василевскому, А.И. Антонову, С.М. Штеменко². Поскольку основная задача этих работ - освещение жизни и деятельности известных людей, то в них также не уделяется должного внимания организационному устройству и деятельности СВГК и ГШ.

В 1991 г. В. Данилов издал брошюру «Ставка ВГК. 1941-1945 гг.», в которой на основе архивных материалов и исследований прошлых лет рассматривается вопрос организации Ставки и ее деятельность. Однако в работе имеется ряд фактических неточностей³.

Слабая изученность роли высших органов управления войсками определяется сравнительной узостью источниковой базы и ее односторонностью, обусловленной ограниченным доступом к фондам по истории Великой Отечественной войны. Большинство организационно-распорядительных документов Ставки и ГШ до сих пор не доступны гражданским историкам. С другой стороны, нельзя не отметить множества мемуаров (И.Х. Баграмяна, А.М. Василевского, Г.К. Жукова, М.В. Захарова, С.М. Штеменко, К.К. Рокоссовского). Они дают известное представление о структуре и деятельности СВГК и ГШ, об организации работы и происходивших преобразованиях, а также содержат оценку этих преобразований как со стороны работников ГШ, так и боевых офицеров. Тем не менее нельзя не учитывать субъективности мемуаристов, что позволяет говорить об односторонности источниковой базы.

Данная статья имеет целью выявить некоторые «белые пятна» в освещении проблемы организации и деятельности высших органов военного управления в годы ВОВ.

Органы управления армией были созданы уже в первые месяцы советской власти. После ряда преобразований в 1921 г. был образован Штаб РККА для оперативного, стратегического и организационного управления войсками⁴.

В 1935 г. постановлением СНК СССР Штаб РККА был преобразован в ГШ РККА и подчинен Наркомату обороны

СССР. На штаб была возложена разработка всех вопросов оперативно-стратегического вождения войск на сухопутных, морских театрах и в воздухе; через него главнокомандующий подготавливал, ставил и контролировал исполнение оперативно-стратегических задач. На ГШ возлагались также основные организационные вопросы, касавшиеся состава, численности, структуры вооруженных сил и др.

Кадры для ГШ готовились в организованной в 1936 г. Академии ГШ. Многие мемуаристы подчеркивают негативное отношение боевых офицеров к штабной службе. Так, например, С.М. Штеменко, получив известие о зачислении в Академию, не хотел покидать армию. «Как оказалось, среди отобранных в академию настроения, подобные нашим, были не таким уж исключительным явлением. На мандатной комиссии несколько человек заявили самоотвод, опасаясь, что после учебы им не придется уже командовать»⁵. Об этом же пишет в своих воспоминаниях и И.Х. Баграмян⁶.

До войны ГШ пережил несколько реорганизаций, однако к июню 1941 г. он еще не представлял собой слаженный, четко работающий механизм, способный быстро перестроиться на работу в условиях военного времени: не были отработаны методы взаимодействия между уже существовавшими и впервые созданными структурными подразделениями. К 1941 г. в ГШ было восемь управлений и четыре отдела, которые ведали оперативными, организационными, мобилизационными, разведывательными и другими вопросами.

До войны предполагалось, что в случае нападения на СССР военное управление будет осуществлять созданный в 1938 г. Военный совет в составе восьми человек во главе с наркомом обороны. Создание Ставки не планировалось. Однако 23 июня 1941 г. она была создана. В ее обязанности входило: руководство вооруженными силами в период войны, разработка мероприятий по развитию планов кампании, постановка стратегических и оперативных задач фронтов, материально-техническое обеспечение войск, управление партизанским движением.

Первоначально Ставку возглавил нарком обороны С.К. Тимошенко. Г.К. Жуков негативно оценивал это назначение: «Ведь при существовавшем порядке так или иначе без И.В. Сталина

нарком С.К. Тимошенко самостоятельно не мог принимать принципиальных решений. Получалось два главнокомандующих: нарком С.К. Тимошенко - юридический, в соответствии с постановлением, и И.В. Сталин - фактический. Это осложняло работу по управлению войсками и неизбежно приводило к излишней трате времени на выработку решений и отдачу распоряжений⁸. С 10 июля председателем Ставки Верховного Командования (с 8 августа СВГК) стал И.В. Сталин. Под его руководством находились также ГКО и ЦК ВКП(б), которым формально была подотчетна деятельность СВГК. При Ставке был создан институт советников. Наряду с управлениями наркоматов обороны и ВМФ, Генштаб стал рабочим органом Ставки, хотя официального документа на этот счет не имелось. Все члены Ставки одновременно занимали и другие посты, поэтому работа Ставки была организована следующим образом: Сталин вызывал к себе тех, кто в это время находился в Москве. Для консультации также приглашались не члены Ставки, специалисты по тем или иным вопросам.

Первые дни войны показали, что существующая структура ГШ не соответствует требованиям текущего момента. Начались попытки приспособить аппарат к военным условиям и поиски оптимальной организации. Преобразования, начавшиеся в ГШ в начале войны, продолжались до 1944 г. Причем если структурные изменения 1944 г. были вызваны увеличением методических и военно-теоретических работ, а также расширением международных связей ГШ, что свидетельствовало о стабилизации его деятельности, то в течение 1941-1943 гг. ГШ пытался приспособиться к условиям военного времени. Исходя из того, что большинство преобразований, проведенных в 1941-1943 гг. оказались недолговечными, следует сделать вывод о том, что эти преобразования не были удачны. Кроме того, вновь созданным структурам приходилось «притираться», приспособливаться к уже существующим, необходимы были компетентные кадры... Все это вело к потере времени. ГШ «лихорадило», вплоть до конца 1942 г. отсутствовал четкий режим работы.

Наибольшее число преобразований выпало на долю организационного управления Генштаба. В начале войны (28 июля) организационные функции были у ГШ изъяты и создано

Главное управление формирования и укомплектования войск (Главупраформ). В ГШ остался оргучетный отдел при оперативном управлении, в основном ведавший статистикой, учетом и дислокацией войск. Однако оперативно-стратегическое управление войсками без организационного было невозможно, и в апреле 1942 г. организационное управление ГШ было восстановлено. Одновременно был сохранен и Главупраформ, что привело к параллелизму в деятельности этих органов. Главупраформ был ликвидирован лишь в мае 1943 г.⁹

В начале войны были созданы главные командования (по направлениям) по примеру Верховного Главного Командования. Но своего места в системе управления ГШ они не нашли. У главкомов не было квалифицированных штабов, резервов, они не имели права принятия принципиальных решений, которые обязательно должны были утверждаться СВГК. От них почти сразу же отказались, но впоследствии были попытки восстановить некоторые из них: 1 февраля - 5 мая 1942 г. - Западного направления; 24 декабря 1941 г. - 23 июня 1942 г. - Юго-Западного; 26 апреля - 20 мая 1942 г. - Северо-Кавказского. К середине лета 1942 г. осталось лишь главное командование войсками Дальнего Востока¹⁰.

Отметим, что прижилась система управления войсками по направлениям, каждое из которых соответствовало одному фронту. Данная система заменила систему отделов (5 отделов), которая предполагала ведение стратегическими направлениями.

Генштабисты считали, что институт представителей Ставки на фронтах был удавшимся нововведением. Он оформился к 1942 г. и просуществовал до 1944 г. Функции его не были оговорены какими-либо документами, этим предопределялась вероятность конфликта между представителем Ставки, пытавшимся взять на себя управление фронтом, и командующим фронтом, который, в отличие от первого, нес ответственность за исход боевых операций¹¹.

Кроме того, существовал корпус офицеров Генштаба, исполнявших роль наблюдателей и советников. Он сложился уже в первые месяцы войны и подчинялся оперативному управлению, однако документально оформился лишь в феврале 1942 г.

Новые структурные подразделения в составе Генштаба были созданы в 1944 г.: в марте - управление по использованию опыта войны (на базе одноименного отдела), а в сентябре - управление внешних сношений (на базе отдела внешних сношений).

Накануне Великой Отечественной войны Генштаб оказался в сложном положении в отношении кадрового состава (за пять предвоенных лет сменилось четыре начальника ГШ), а также из-за давления «сверху» (например, ГШ возражал против советско-финляндской войны).

Накануне войны в ГШ создавались мобилизационные планы. Сведений о планах превентивного удара СССР по фашистской Германии, наличие которых пытается доказать В. Суворов¹², в опубликованных источниках нет. Зато все мемуаристы пишут о том, что ГШ первоначально предугадал планы наступления противника, однако не смог противостоять мнению Сталина о том, что основной удар будет нанесен не на Западном (Белоруссия), а на Юго-Западном (Украина) направлении. Поэтому Генштаб естественно был вынужден пересмотреть мобилизационный план, который был принят в феврале 1941 г.

Первые дни войны внесли полную неразбериху в работу ГШ, главным образом из-за отсутствия связи. По воспоминаниям, ГШ не имел представления о действительном положении на западных границах. Г.К. Жуков так описывает эти дни: «В штабы округов из различных источников начали поступать самые противоречивые сведения, зачастую провокационного характера.

Генеральный штаб, в свою очередь, не мог добиться от штабов округов и войск правдивых сведений»¹³.

В добавок в первый месяц войны по Генштабу были смещены и вновь назначены 393 человека, в том числе и начальник ГШ (вместо Г.К. Жукова на эту должность вернулся Б.М. Шапошников), а 18 августа вновь перемещены 449 человек¹⁴.

Несмотря на то что директивы Ставки подписывались Верховным Главнокомандующим и начальником ГШ, лишь с осени 1942 г. согласование с ГШ становится обязательным для принятия решения Ставкой. Взаимодействие

СВГК и ГШ особенно хорошо видно на примере планирования военных операций, которое являлось центральным в работе ГШ.

Как правило, предварительные наброски стратегического решения и плана его осуществления выработывались в СВГК. Затем план передавался в ГШ, где дорабатывался и детализировался. В зависимости от сроков операции, ее масштабы и тому подобного, план мог разрабатываться как с использованием стратегических разработок фронтов, так и без них. Представители Ставки на фронтах прежде, чем отправиться на место назначения, получали необходимую информацию в ГШ, а по возвращении оттуда копия доклада Верховному Главнокомандующему посылалась в ГШ.

Четкий режим работы установился в основном с приходом на пост заместителя начальника ГШ А.И. Антонова. Рабочий день длился с 9.00 до 3.00. Трижды в день обстановка докладывалась Сталину: два раза - по телефону и один раз вечером (между 21.00 и 3.00) - лично. На доклад в Ставку ездили начальник Генштаба и его заместитель.

Одной из сторон деятельности Ставки была разработка военно-теоретических вопросов, встававших в ходе войны. Раньше этим занимался военно-исторический отдел. В 1944 г. в ГШ было образовано управление по использованию опыта войны. Не совсем ясно его происхождение: в исследовательской литературе говорится, что отдел, преобразованный позже в управление, был сформирован на базе отделения оперативной подготовки. Если же рассматривать его функции, то видно, что это преобразованный военно-исторический отдел. Возглавил его генерал-майор П.П. Вечный. В течение войны отдел (управление) издавал сборники статей с различными военно-теоретическими изысканиями специалистов ГШ, анализом накопленного опыта, описанием различных наиболее типичных и наиболее ярких боевых операций. За деятельностью управления наблюдал лично Сталин, на одобрение которого посылался каждый сборник.

На отдел (управление) внешних сношений возлагались все внешне-политические задачи, координация действий советских военных представительств в союзных державах, подготовка материалов к международным конференциям и т. д.

Анализируя имеющиеся источники и литературу по истории СВГК и ГШ в период Великой Отечественной войны, можно сделать следующие выводы.

Полноценное изучение организации и деятельности этих органов затруднено, с одной стороны, ограничением доступа к большинству архивных источников, отразивших деятельность СВГК и ГШ, и видовым однообразием и субъективностью опубликованных источников - с другой.

Начало войны характеризовалось крайней нестабильностью как в кадровом составе ГШ, организации его работы, так и в структуре управления вооруженными силами страны из-за частых реорганизаций. Это вело к потере времени и ухудшению качества оперативно-стратегической и организационной работы. Нестабильность всего аппарата управления, сохранявшаяся до конца 1942 - начала 1943 г., во многом была вызвана личными качествами Сталина, влияние которого на все стороны работы Генштаба было чрезвычайно велико и который в течение долгого времени не придавал должного значения роли Генштаба в управлении войсками.

К концу 1942 - началу 1943 г. в органах управления вооруженных сил была достигнута централизация, необходимая для управления армией в военное время, выработаны способы и формы взаимодействия СВГК и ГШ в руководстве войсками. В основном к этому времени определилась структура, стабилизировался кадровый состав, что позволило с конца 1942 г. проводить научно-исследовательскую и методическую работу в области военного искусства.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Куликов В. Стратегическое руководство Вооруженными Силами // Военно-историч. ж-л, 1975. №6; Ломов Н., Голубович В. Об организации и методах работы Генерального штаба // Военно-историч. ж-л. 1981. №2.
- 2 Иванов С. Генерал армии С.М. Штеменко // Военно-историч.

ж-л. 1977. №2; Киршин Ю. Василевский // Коммунист Вооруженных Сил. 1990. №2; Курочкин П. Выдающийся советский полководец // Военно-историч. ж-л. 1975. №9; Раманичев Н. Шапошников // Коммунист Вооруженных Сил. 1990. №16; Штеменко С.М. На чальник Ге-

- нерального штаба Алексей Антонов // Радуга. 1970. №9.
- ³ Ср.: *Давыдов В.Д.* Ставка ВГК. 1941-1945 гг. М., 1991. С.25-26; *Захаров М.В.* Генеральный штаб в предвоенные годы. М., 1989. С.253.
- ⁴ Цит. по: Большая Советская Энциклопедия. М., 1971. Т.6. С.224.
- ⁵ *Штеменко С.* Генеральный штаб в годы войны. М., 1989. С.5.
- ⁶ *Баграмян И.Х.* Записки начальника оперативного отдела // Военно-историч. ж-л. 1967. №1. С.49.
- ⁷ Ср.; *Захаров М.В.* Указ. соч. С.49; История второй мировой войны. 1939-1945. М., 1974. Т.3. С.417; *Ломов Н., Голубович В.* Указ. соч. С.12.
- ⁸ *Жуков Г.К.* Воспоминания и размышления. М., 1971. С.239.
- ⁹ По другим сведениям из ГШ были изъяты три управления: организационное, мобилизационное и укомплектования войск. См.: *Захаров М.В.* Указ. соч. С.253-255.
- ¹⁰ *Василевский А.М.* Дело всей жизни: В 2 т. М., 1988. Т.2. С. 217.
- ¹¹ *Рокоссовский К.К.* Солдатский долг // Военно-историч. ж-л. 1992. №3. С.28.
- ¹² *Суворов В.* Ледокол. День «М». М., 1994.
- ¹³ *Жуков Г.К.* Указ. соч. С.237.
- ¹⁴ *Штеменко С.М.* Указ. соч. С. 23.

М

осквичи в октябре 1941 года

В данной статье затрагиваются некоторые аспекты жизни московского общества в один из самых тяжелых периодов Великой Отечественной войны - осенью, а точнее в октябре 1941 года. В это время часть соединений Западного, Резервного и Брянского фронтов неожиданно оказалась в окружении, на подступах к Москве не было сплошной линии обороны, не существовало резервов, способных закрыть образовавшиеся бреши в линии фронта. Противник имел преимущество в численности войск и техническом оснащении, владел стратегической инициативой, находился у самого сердца России.

История Московской битвы в целом хорошо описана и изучена историками. Однако вопросам культуры и быта москвичей того периода, проблеме так называемого человеческого фактора, деятельности населения столицы по обороне родного города уделялось незначительное внимание. На первом плане обычно находились исследования, посвященные боевым операциям¹. В данной статье мы в известной мере попытаемся восполнить указанный пробел.

«В московских кинотеатрах состоялась премьера художественного фильма «Дело Артамоновых» («Вечерняя Москва», 1941 г., 9 и 10 октября); «Начало работу жюри выставки «Великая Отечественная война» («Советское искусство», 1941 г., 2 октября); «В концертном зале им. П.И. Чайковского состоялся концерт мастеров искусств... В помещении театра им.

Ленсовета на Большой Ордынке состоялся большой концерт артистов оперетты и эстрады» («Московский большевик», 1941 г., 26 октября). Это короткие сообщения из газет октября 41-го. Не перестаешь удивляться, насколько сильным бывает у людей стремление к прекрасному, даже тогда, когда обстоятельства, казалось бы, заставляют думать о самом мрачном, горьком и ужасном. Вот как вспоминает события октября 1941 г. Александр Исбах, москвич-фронтовик, случайно оказавшийся тогда в Москве: «...Вечером нас пригласили в Большой театр. На балет “Лебединое озеро”. Это показалось нам каким-то чудом... Нерушимо высились колонны Большого театра. Огромные щиты извне прикрывали стены от осколков. Фашисты давно уже хвалились, что театр разбит их бомбами. А театр был жив и в нем по-прежнему звучала музыка Чайковского, которую нельзя разбить никакими бомбами и минами... Спектакль начинался по-прежнему ровно в семь тридцать. В театре раздевались, как и в обычные мирные дни... Это был один из самых больших, самых чудесных, незабываемых дней в моей жизни»².

И хотя сам театр получил повреждения после налета немецкой авиации - осколки бомбы, упавшей у подъезда «Большого» пробили портик здания, - никто из артистов не пострадал. До 14 октября, когда было эвакуировано 1 120 артистов театра³, члены труппы, обслуживающий персонал, совместно с артистами и работниками других московских театральных коллективов трудились на строительстве противотанковых укреплений в районе Ленино. Председатель Моссовета В.П. Пронин описывал: «Конец октября. Скверная осенняя погода. Мелкий холодный дождик... Подходим к противотанковому рву. На его дне в непролазной грязи видим с полсотни мокрых фигур... работники Большого и других московских театров. Усталые, мокрые лица. У всех один вопрос: что на фронте?.. Предлагаем: не прислать ли сюда взамен театральных работников какой-нибудь другой коллектив? Обиделись: «Что мы, дезертиры что ли? На фронте-то еще тяжелее. Все перетерпим, все выдержим, лишь бы отстояли наши Москву...»⁴.

И только уже после эвакуации в глубокий тыл, с ноября 1941 г., артисты театра выступали с шефскими концертами в госпиталях и воинских частях в составе эстрадных бригад.

Концерты в подшефном госпитале устраивались каждую неделю, и об этих выступлениях не раз писали московские газеты⁵. В этих концертах блистали многие знаменитости из «Большого» - И.С. Козловский, В.В. Барсова, О.В. Лепешинская, М.Д. Михайлова, М.О. Рейзен и другие. Выступали с концертами и артисты Малого театра - А.А. Яблочкина, П.М. Садовский, В.Н. Пашенная, Е.Н. Гоголева, И.В. Ильинский. За год - до ноября 1942 г. - артисты Большого театра выступили с 553 концертами⁶.

Немногие знают, что в середине октября единственным профессиональным театральным коллективом в столице на некоторое время стал Музыкальный академический театр им. К.С. Станиславского и В.И. Немировича-Данченко. Режиссер И.М. Туманов, народные артисты Н.Ф. Кемарская, М.Л. Мельтцер, Г.М. Бушев и другие обратились к заместителю председателя СНК СССР А.Н. Косыгину с просьбой оставить театр в осажденной Москве для обслуживания воинских частей и оставшегося населения. Ответ был положительный, и спектакли возобновились. И это при массовой эвакуации учреждений и населения из Москвы! 19 октября состоялась премьера оперы композитора Р. Планкетта «Корневильские колокола». Актриса театра Т. Янко писала: «...А у театрального подъезда нашего театра в несколько минут образовалась толпа москвичей... Одни говорили, что все театры эвакуированы и что здесь что-то не так... Другие утверждали, что это старое объявление, третьи бежали в кассу, а там - чудо: продают билеты!.. И билетик в руках измотавшегося от военных невзгод человека превращался в синоним счастья и уверенности... Спектакли в прифронтовой Москве пользовались огромной популярностью. Большая часть зрителей были бойцы, некоторые из них сидели в зале в белых маскировочных халатах, с оружием в руках и после спектакля отправлялись на ближние участки фронта. И так на Пушкинской улице, 17 (театр находится там и ныне. - Ю. С.) было каждый день»⁷.

Приведем краткий репертуар московских театров на день их эвакуации - 14 октября. Государственный театр имени Е. Вахтангова - «Фельдмаршал Кутузов», «Много шума из ничего»; Московский государственный театр им. Ленинского

комсомола - «Командиры ведут корабли»; Московский театр им. Ленсовета - «Дворянское гнездо», «Шут Балакирев»⁸.

Кстати, как видно из вышесказанного, давал спектакли и разрушенный прямым попаданием фугасной бомбы в июле 1941 г. театр им. Вахтангова. Была разрушена вся кладка, внутренние перекрытия. Но уже в 1941 г. кладка была восстановлена и установлены переплеты здания. Эту работу в столь короткий срок выполнили строители Управления городского жилищного строительства, всю войну восстанавливавшие разрушенные здания⁹.

В период войны артисты работали не только в театрах, фронтовых концертных бригадах и на строительстве укреплений. В самые тяжелые для Москвы дни октября 1941 г. по радио выступали певцы А. Нежданова, Н. Обухова, Е. Степанова, С. Лемешев, Н. Рождественская, виолончелисты Г. Козолупова и Ф. Лузанов, квартет им. Бетховена, исполнительницы народных песен О. Ковалева и И. Яунзем. Не прерывалась в Москве и музыкальная жизнь. Например, 5 октября в Концертном зале им. П.И. Чайковского открылся 21-й сезон Московской государственной филармонии¹⁰. В ноябре в обновленном составе возобновил работу Большой симфонический оркестр радио под руководством Н. Голованова и А. Ковалева, оркестр русских народных инструментов Н. Осипова¹¹.

В октябре в городе действовало 38 кинотеатров¹². В них демонстрировались как художественные («Маскарад», «Вратарь», «Антон Иванович сердится»), так и документальные фильмы («Прибытие в СССР английской и американской делегаций на совещание трех держав»), а также учебные фильмы («Самозарядная винтовка образца 1940 года», «Станковый пулемет Максима», «Индивидуальный санхимпакет», «Береги противогаз» и др.). И хотя все основные киностудии были эвакуированы («Мосфильм» - в Алма-Ату, «Союзмультфильм» - в Самарканд, «Мостехфильм» - в Новосибирск, «Союздетфильм» - в Сталинабад), в столице оставались многие сотрудники Центральной студии кинохроники. Киножурналы из присылаемых с фронта материалов готовились мгновенно. После монтажа очередной номер киножурнала или киновыпуска сразу попадал на экраны московских кинотеатров. В дни фашистского наступления на столицу выходил

киножурнал «На защиту родной Москвы». Управление кинофикации направило на строительство оборонительных сооружений кинопередвижки, чтобы в перерывах работы люди могли посмотреть кинофильмы. Случались в то время в столице и кинопремьеры¹³.

В Москве продолжали свою деятельность (в той или иной форме) все крупнейшие музеи. Государственный Исторический музей (ГИМ) в 1941 г. организовал 38 выставок-передвижек на заводах, в Доме Союзов, в Центральном доме пионеров, который, кстати, свернул свою деятельность, и работа Дома пионеров была законсервирована именно в октябре¹⁴, ЦПКиО. 69 передвижных выставок было подготовлено Государственным музеем Революции. Передвижные выставки организовывали и Государственный литературный музей, и Государственный музей Л.Н. Толстого¹⁵. 19 сентября, незадолго до начала немецкого наступления на Москву, в здании ГИМ открылась стационарная выставка «Великая Отечественная война советского народа против германского фашизма», организованная ГИМ совместно с Музеем Революции и Политехническим музеем. Широкая организация передвижных выставок объясняется приказом Наркомпроса от 13 сентября 1941 г., в котором говорилось: «Обязать директоров музеев перестроить экспозиции и массовую работу во время войны, обратив особое внимание на усиление массовой работы вне стен музея (выставки-передвижки, доклады)»¹⁶.

Конечно, посетителей в музеях было значительно меньше, чем в мирное время. В октябре в ГИМ ежедневно приходило 40-50 человек (чуть больше их было в самом начале войны - 60-70 человек), а за весь сентябрь музей посетило 5 117 человек. 16 октября - в один из самых напряженных дней для города - в музей пришли 70 человек, 17-го - 28. В декабре музей ежедневно посещало 20-40 человек, а в самом конце года - свыше 800 человек. В подавляющем большинстве посетители музея - солдаты и офицеры, отправлявшиеся на фронт¹⁷.

Уже 20 октября - после принятия известного постановления Государственного Комитета Обороны о введении осадного положения в городе - сотрудники Исторического музея приняли решение организовать выставку «Оборона Москвы». К 1 мая 1942 г. она была готова. Затем она была расширена,

и на ее базе к ноябрю 1942 г. была подготовлена выставка «Разгром немецко-фашистских войск под Москвой»¹⁸. В Государственном музее изобразительных искусств им. А.С. Пушкина важным культурным событием стало открытие 11 сентября выставки графики «Героическое прошлое русского народа». Выставка работала до 14 октября. В это утро рядом с музеем взорвалась огромная авиационная бомба. Взрывной волной страшной силы были выбиты почти все стекла из крыши здания, разбиты стеклянные перекрытия и плафоны. А когда наступила пора дождей, Греческий и Итальянский дворик залила вода¹⁹.

Продолжала свою работу и Государственная Третьяковская галерея, хотя ее основные фонды - 18 430 экспонатов - были эвакуированы в Новосибирск и Пермь. Галерея также пострадала от налетов вражеской авиации: прямым попаданием фугасной бомбы были разрушены основной корпус «Третьяковки» и подсобные помещения. Но работники галереи героически трудились. Например, Г.В. Жидков читал курс лекций по вопросам изобразительного искусства в Доме ученых. Когда наши войска оставили Новгород, он прочитал две лекции об искусстве древнего русского города. Лекторий при «Третьяковке» был тогда, пожалуй, в Москве единственным²⁰.

Активно посещались и библиотеки. Большинство из них продолжали работать. Хотя, естественно, число читателей сократилось, и значительно. Например, в ГПБ им. В.И. Ленина - в 6 раз, с 426 053 человек в первом полугодии 1941 г. до 69 784 человек - во втором. Что же читали во время осады Москвы? Книги и очерки о героях войны, историческую литературу, книги по военному делу, международным отношениям и дипломатии. Работники библиотек становились агитаторами, лекторами, докладчиками на станциях метро, на заводах и фабриках, на призывных пунктах²⁰.

Почти все высшие учебные заведения перестали работать с середины октября, и многие из них были эвакуированы. В результате почти прекратилась работа такого крупнейшего образовательного центра, каким была Москва. В 1940/41 уч. г. в столице насчитывалось 87 вузов, 116 средних специальных учебных заведений, которые выпустили 16,5 и 9,1 тыс. специ-

алистов. В 1940/41 уч. г. общее число учащихся составило 617,3 тыс. человек, в том числе 142,4 тыс. - в вузах, 40,2 тыс. - в средних специальных учебных заведениях²¹. Почти вся эта масса людей, в первую очередь 7 365 профессоров и преподавателей высших учебных заведений, подлежала эвакуации в самый короткий срок. Вот как описывал сорок лет спустя эти события академик Н.М. Дружинин: «23 октября я вернулся домой после ночного дежурства и нашел на своем столе записку подписанную секретарем сектора Академии Наук. Содержание ее было следующее: "Сегодня в два часа дня эвакуируется большой коллектив из Академии Наук..." Необходимо помнить, что все железнодорожные пути были загружены в то время эшелонами с оружием, продуктами и войсками... Это была не первая эвакуация из столицы. Сначала из Москвы вывезли матерей с детьми... Вторая эвакуация была намечена и частично проведена в середине октября, когда противник ожесточенно рвался к столице и находился на самом ее пороге. Отразив опасный натиск врага, правительство приняло решение эвакуировать максимальное число мирных жителей. Теперь - в условиях третьей эвакуации - массовый выезд проходил более спокойно и организованно»²².

16 октября началась эвакуация Московского государственного университета. Первые же организованные группы профессоров и студентов выехали из столицы 14 октября²³. 16-го поступило указание об уничтожении всего партийного архива и партийного хозяйства. 16, 17 и 18-го октября коммунисты, комсомольцы и часть беспартийных уходили из столицы: пешком, небольшими группами, уезжали на поездах и автотранспорте. Ценности МГУ (драгметаллы) были отправлены автомашиной в Горький. На собрании парторганизации МГУ 18 октября из 200 членов присутствовали лишь 37²⁴.

С середины октября прекратил свою работу и Московский государственный историко-архивный институт. Этот перерыв в работе института продолжался лишь до 27 ноября. Отчет кабинета всеобщей истории кафедры истории народов СССР за 1941/42 уч. г. дает нам некоторое представление о работе всего института в тот период. «В первом семестре до 16 октября кабинет работал в более или менее нормальных

условиях. Перерыв в работе института вывел работу из нормальной колеи. Пришлось приводить материалы в порядок, производить переучет». После возвращения к работе в институте была развернута выставка «Фашизм и антифашистское движение в странах мира», которая долго готовилась, но развернуть которую удалось лишь в феврале 1942 г.²⁵

Деятельность кафедры истории и организации архивов и архивного дела в СССР, как и всего коллектива МГИАИ, была подчинена задачам, связанным с обороной страны. В частности, были намечены следующие научно-исследовательские темы: 1) Документы по истории Отечественной войны 1812 г.; 2) Документы по истории партизанского движения 1812 г.; 3) Документы государственных архивов о великих полководцах Суворове и Кутузове; 4) Документы о Семилетней войне. Кроме того, планировалось собрать материалы об отношении фашистов к архивам на оккупированных территориях²⁶.

27 октября был эвакуирован Московский медицинский институт. До самого последнего момента его студенты и преподаватели были организаторами сдачи крови для военных госпиталей. Институт был переведен в Уфу, где его работа продолжилась на базе Башкирского мединститута²⁷.

Однако часть учебных заведений оставалась в Москве и продолжила свою работу сразу после того, как напряженность на фронте спала. Среди них было, в частности, Музыкальное училище при Московской консерватории им. П.И. Чайковского. Летом 1942 г. его студенты дали отчетные концерты, в программе которых были произведения Чайковского, Грига, Баха, русских и западных композиторов²⁸.

Осенью 1941 г. изменился численный состав Москвы. Если перед войной в столице насчитывалось 4 215 800 человек, то в сентябре - 4 236 200 человек. Это увеличение произошло за счет беженцев из захваченных фашистами западных областей СССР. Значительно уменьшилось население Москвы с октября 1941 г. По данным Московского карточного бюро, в этом месяце в столице проживало 3 148 000 человек, в ноябре - 2 476 700, а в декабре - 2 243 900 человек²⁹.

Определенный интерес вызывают сведения ЗАГСа Московского городского Совета депутатов трудящихся о количестве рожденных детей, зарегистрированных браков и разво-

дов, а также смертности на протяжении всего 1941 г. Так, в январе, сентябре, октябре и ноябре 1941 г. в Москве родилось 8 781, 4 429, 4 604 и 3 779 детей соответственно. Смертность значительно понизилась в связи с массовой эвакуацией, составив 5 063, 3 394, 3 819 и 3 919 человек соответственно вышеуказанным месяцам. За январь, сентябрь, октябрь и ноябрь 1941 г. в столице было зарегистрировано 4 782, 2 256, 2 354 и 110 браков. И, что самое интересное, даже в такое сложное время люди разводились. Если в январе было зарегистрировано 890 разводов, то в сентябре - 225, октябре - 208, ноябре - 107 разводов³⁰.

Итак, в напряженные для всей страны, и особенно для Москвы, дни в столице происходили события, многие из которых на первый взгляд казались далекими от войны. Однако мы понимаем, какое сильное желание победы над врагом двигало москвичами в этот страшный октябрь 1941 г., чтобы ставить спектакли, снимать кинохронику и подготавливать киножурналы, организовывать выставки, посещать музеи, да и просто жить, отдавая все силы победе над ненавистным врагом, войска которого находились в 30-40 км от сердца России.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Анфилов В.А. Незабываемый сорок первый. М., 1989; Самсонов А.М. Москва, 1941 год: от трагедии поражений - к великой победе. М., 1991; Битва за Москву. М., 1985.
- 2 Москва за нами. М., 1966. С.123-124.
- 3 Меметов В.С. Защищая Москву. М., 1978. С.110-111.
- 4 Битва за Москву. М., 1985. С.398.
- 5 Московский большевик. 1941, октябрь.
- 6 Боевой отряд сражающейся партии. М., 1985. С.147.
- 7 Центральный муниципальный архив г.Москвы. Ф.2007. Оп.2. Д.28. Л.14; Московская пролетарская. М., 1978. С.124. Далее: ЦМAM.
- 8 Московский большевик. 1941. 14 окт.
- 9 ЦМAM. Ф.831. Оп.1. Д.25. Л.9.
- 10 Правда. 1941. 7 окт.
- 11 Максакова Л.В. В рядах воюющего народа. М., 1965. С.264; Она же. Культура Советской России в годы Великой Отечественной войны. М., 1977. С.120.
- 12 Жуков Ю. Красная площадь, 1941 // Правда. 1966. 5 ноября.

- ¹³ *Моргунов В.В., Юров С.Ю.* Москва осенью 1941 года глазами очевидца. М., 1991. С.7.
- ¹⁴ ЦМAM. Ф.959. Оп.1. Д.1. Л.2.
- ¹⁵ *Максакова Л.В.* Указ. соч. С.146.
- ¹⁶ Там же. С.145.
- ¹⁷ *Гильман С.* Музейная работа в дни войны // Московские художники в дни Великой Отечественной войны. М., 1981. С.484.
- ¹⁸ Там же. С.474.
- ¹⁹ Там же. С.482.
- ²⁰ *Максакова Л.В.* В рядах воюющего народа. С.168, 171.
- ²¹ См.: Боевой отряд сражающейся партии. М., 1985. С.10; Москва. Годы предвоенные. М., 1975. С.110, 112, 164; Метов В.С. Указ. соч. С.38.
- ²² *Дружинин Н.М.* Эвакуация из Москвы в 1941-1943 гг.: Восп. // История СССР. 1981. №5. С.110-111.
- ²³ Московский университет в Великой Отечественной войне. М., 1985. С.35.
- ²⁴ Центральный архив общественных движений г.Москвы. Ф.69. Оп.3. Д.10. Л.13. Далее: ЦА-ОДМ
- ²⁵ ЦМAM. Ф.535. Оп.1. Д.149. Л.3, 4, 8.
- ²⁶ Там же. Д.158. Л.3-4.
- ²⁷ ЦМAM. Ф.726. Оп.1. Д.65. Л.4.
- ²⁸ ЦМAM. Ф.823. Оп.1. Д.325. Л.1-7.
- ²⁹ *Матвеев О.К.* Численность населения Москвы в годы Великой Отечественной войны (по материалам ЦГАОРСС г. Москвы) // Отечественная история. 1992. №3. С.155.
- ³⁰ ЦМAM. Ф.2511. Оп.1. Д.1. Л.2.

Участие 5-й армии в Ржевско-Вяземской операции (январь–апрель 1942 г.)

Ржевско-Вяземская операция почти не исследовалась отечественной историографией. Произошло это по целому ряду причин, среди которых не последнюю роль сыграли большие, часто неоправданные потери, которые понесли наши войска во время этой операции. К тому же в течение всех послевоенных десятилетий было не принято исследование неудачных боевых действий советских войск, в данном случае - более чем годовое топтание Красной Армии в 150 км от столицы. Так незаслуженно были преданы забвению тысячи погибших бойцов и командиров Красной Армии, воевавших в составе Западного и Калининского фронтов в 1942 - начале 1943 г., которые до конца выполнили свой воинский долг, не дав противнику, его группе армий «Центр» до марта 1943 г. реально угрожавшей Москве, улучшить свои позиции, держа войска противника в постоянном напряжении.

Правда, в 1970 г. вышел труд Н.И. Крылова, Н.И. Алексеева, И.Г. Драгана «Навстречу победе. Боевой путь 5-й армии», в котором, как это видно из названия, затрагивается история боевого пути 5-й армии, от момента ее создания в октябре 1941 г. под Москвой до конца Великой Отечественной войны. В отдельной главе описывается участие 5-й армии в Ржевско-Вяземской операции. Эта небольшая глава является единственным опубликованным исследованием участия

войск 5-й армии в тяжелых боях восточнее г. Гжатска (ныне Гагарин) Смоленской области.

Можно выделить три основных этапа этих боев.

1-й - с 25 января по 20 апреля 1942 г. - безуспешные попытки прорвать оборону противника сначала на левом, а затем на правом крыле фронта наступления армии.

2-й - с 20 апреля 1942 г. по 21 февраля 1943 г. - активная оборона занимаемых рубежей, бои местного значения, а также участие в Погорело-Городищенской наступательной операции в августе 1942 г.

3-й - с 22 февраля по 12 марта 1943 г. - прорыв Гжатского оборонительного рубежа противника, освобождение Гжатска (6 марта) и Вязьмы (12 марта). Завершение Ржевско-Вяземской операции.

Малоизученная Ржевско-Вяземская операция была продолжением известного декабрьского контрнаступления советских войск под Москвой, после которого без какой-либо паузы было развернуто общее наступление Красной Армии на важнейших стратегических направлениях от Балтийского до Азовского моря с целью захватить стратегическую инициативу на всем советско-германском фронте. Одним из таких важных направлений было центральное. Поэтому Ставка Верховного Главнокомандования приняла решение о проведении Ржевско-Вяземской операции для окружения, расчленения и разгрома группы армий «Центр». Наступающие войска должны были нанести ряд ударов по сходящимся направлениям: в направлении Сычевка-Вязьма из района северо-западнее Ржева (силами правого крыла Калининского фронта) и в направлении Юхнов-Вязьма из района Калуги (силами левого крыла Западного фронта). Остальным войскам ставилась задача наступать на Сычевку и Гжатск. В конечном счете следовало достичь общей цели - окружить и уничтожить группу армий «Центр»¹.

Войска 5-й армии под командованием генерал-лейтенанта Л.А. Говорова наступали на центральном участке Западного фронта, вдоль Минского шоссе. В ходе январского наступления 1942 г. ими были освобождены крупные населенные пункты - Тучково, Дорохово, Веря, Можайск и вся Московская область к западу от Москвы в полосе наступления на Гжатск. К исходу дня 24 января войска 5-й армии вышли на рубеж де-

рѣвень Савинки, Долгое, Батюшков, Ивники, Новоселки, проходящий в 20 км восточнее Гжатска. Однако прошло более года, прежде чем были пройдены эти километры. Немецкое командование, придавая огромное значение этому участку фронта, в ноябре-декабре 1941 г. возвело восточнее Гжатска силами своих инженерных частей, военнопленных красноармейцев и местных жителей мощный оборонительный рубеж, названный «линия фюрера». Название говорило само за себя - просто так отдавать этот рубеж противник не собирался. В случае потери Гжатска немцы автоматически лишались прикрываемой Гжатском Вязьмы и удобного плацдарма для нового наступления на Москву. Вязьма являлась также важнейшим узлом железных и шоссейных дорог, связывавших всю группу армий «Центр». Через Вязьму эта группа армий была также связана с основной базой снабжения, находившейся в Смоленске.

К середине января 1942 г. Гжатский оборонительный рубеж противника был полностью построен. По данным нашей разведки, он имел три линии обороны, причем последняя линия проходила в 2-3 км от Гжатска. Инженерно-оборонительные сооружения состояли из узлов сопротивления, включавших по несколько опорных пунктов, имевших ряд ДЗОТов и землянок, приспособленных к обороне и оснащенных большим количеством пулеметно-минометных средств². Промежутки между опорными пунктами и узлами сопротивления прикрывались огнем пулеметов и минометов густой плотности, вся местность была заранее пристреляна. Промежутки были загорожены проволокой, обычно выгнутой в сторону обороны противника для заманивания наступавших на этот простреливаемый с флангов и густо нашпигованный минами участок. На танкоопасных направлениях противник сооружал снежные валы высотой до 1,5 м и шириной 4-7 м. В валах имелись амбразуры для стрельбы. Вал являлся не только противотанковым препятствием, но и окопом или ходом сообщения для ведения огня. Эти валы зачастую обливались водой, вследствие чего они представляли из себя ледяные горки³.

Система инженерных сооружений сочеталась с хорошей организацией огня, как пулеметного, так и минометного и артиллерийского. Опорные пункты и узлы сопротивления создавались противником в лесных деревнях, которых было

много в ту пору в этом районе. В полосе наступления 5-й армии, доходившей до 70 км, их было больше двух десятков. Немцы превратили их в мощные опорные пункты. Избы разбирались на бревна для укреплений, зачастую ДЗОТы сооружались на месте домов. Это были наиболее укрепленные огневые точки с перекрытием от двух до четырех накатов. Строились также землянки глубиной до 1,7 м с перекрытием от двух до шести накатов бревен. В таких ДЗОТах имелось до трех амбразур, печка и нары для отдыха личного состава. Существовали и снежные ДЗОТы, выкопанные в снегу (зима 1941/42 гг. была очень снежной, толщина снежного покрова на открытых местах доходила до 1 м), и имевшие перекрытие в один накат бревен и одну амбразуру⁴.

В момент подхода частей 5-й армии к Гжатскому оборонительному рубежу противника, на вяземском направлении у последнего сложилась неблагоприятная обстановка. Западнее Вязьмы действовал 11-й кавалерийский корпус и немного южнее - 8-я воздушно-десантная бригада полковника Онуфриева. Эти соединения сковали движение противника по дороге Вязьма-Смоленск. В это же время с юга на Вязьму наступали войска 33-й армии генерал-лейтенанта М.Г. Ефремова и 1-го гвардейского кавалерийского корпуса генерала Белова. Ставка приказала 33-й армии во взаимодействии с 1-м гв. кавалерийским корпусом, авиадесантом и 11-м кавалерийским корпусом Калининского фронта сломить сопротивление врага и овладеть Вязьмой⁵. В такой обстановке сильный удар со стороны войск 5-й армии мог бы стать решающим. Однако части 5-й армии, находившиеся в непрерывных боях с октября 1941 г., были истощены, понесли большие потери в личном составе и материальной части и были не в состоянии прорвать оборону противника и развивать дальше свое наступление. Отрицательную роль сыграло ошибочное мнение, что противник слаб, деморализован в результате отступления и не выдержит удара. На самом же деле все было по-другому: из Западной Европы на этот участок фронта были спешно переброшены более десятка полнокровных дивизий вермахта. Наша разведка установила это только в процессе наступления.

План действий войск 5-й армии по прорыву Гжатского рубежа противника, разработанный штабом армии, состоял в

следующем: северным крылом армия сковывает противника на фронте от северной границы наступления армии до Минской магистрали (24 км), а главный удар наносится южнее магистрали, т. е. южным крылом армии. Сковывающая группа (северное крыло) состояла из 36-й стрелковой бригады, 354-й стрелковой дивизии (переданных из 16-й армии и ослабленных в предыдущих тяжелых боях), а также из 19-й стрелковой дивизии и 43-й стрелковой бригады. Ударная группа (южное крыло) строилась в два эшелона. Первый эшелон состоял из 82-й мотострелковой дивизии, 108, 144 и 32-й стрелковых дивизий на фронте 8-10 км, на остальном фронте в 10 км с юга операцию обеспечивал 2-й отдельный кавалерийский полк. Во второй эшелон входили 50-я стрелковая дивизия, 60-я стрелковая бригада и 20-я танковая бригада⁶. Операция должна была проводиться в три этапа, и уже на втором этапе, 28-29 января, оборона противника должна была быть прорвана. В действительности все произошло по-другому.

К исходу дня 25 января 1942 г. части левого крыла армии подошли к узлам сопротивления противника Крутицы, Сорокино (южн.), Подъелки, Ощепково, Васильки, Жихарево, Максимково, однако взять их с хода не смогли. На следующий день атаки на опорные пункты были продолжены, и к 13.30 26 января части 108-й стрелковой дивизии взяли Сорокино, но далее развить успех не смогли⁷. Не было достигнуто успеха на этом участке вплоть до конца Ржевско-Вяземской операции. Не лучше обстояли дела и южнее, в полосе наступления 50-й стрелковой дивизии, введенной в прорыв на участке Ощепково, Иваники, Егорье⁸. Особенно ожесточенные бои развернулись за опорные пункты Ощепково, высоту 251,2 юго-западнее Ощепково. Наши войска несли большие потери от огня противника. Для захвата ДЗОТов были созданы блокировочные группы, в задачу которых входило скрытное выдвижение к огневым точкам противника и уничтожение их гранатами. Но все попытки этих групп выполнить поставленную задачу были безуспешными - противник открывал шквальный огонь при появлении в зоне обстрела хотя бы одного человека. Один только 2-й стрелковый полк 50-й стрелковой дивизии в течение дня 3 февраля во время атаки Ощепково потерял 30 человек убитыми и ранеными⁹. В этот

же день два других полка из состава 50-й стрелковой дивизии, ворвавшись на опушку леса южнее Ощепково и потеряв при этом соответственно 20 и 14 человек, завязли в тяжелом лесном бою.

32-я стрелковая дивизия непрерывно атаковала укрепленную немцами высоту 263,1 юго-восточнее деревни Васильки, но противник, укрепившийся на западных и юго-западных склонах высоты, яростно сопротивлялся, непрерывно контратаковал, в результате чего дивизия успеха в продвижении вперед не имела. Лишь к 6 февраля наметился прорыв обороны противника ударной группой 5-й армии. В 24.00 6 февраля части 32-й и 50-й стрелковых дивизий овладели, наконец, деревней Васильки¹⁰. С утра 7 февраля эти дивизии вместе с 43-й стрелковой бригадой снова перешли в наступление в направлении деревень Сергеевское, Язово, Ворганово, стремясь расширить прорыв и развить наступление в глубь обороны противника, но снова встретили ожесточенное сопротивление. Немцы применили новую тактику - они оставляли в нашем тылу действующие огневые точки, активно просачивались в наши тылы мелкими группами автоматчиков. Вот выдержки из боевого донесения 50-й стрелковой дивизии за 11 февраля 1942 г.: «49 сп, ведя бой с небольшими группами автоматчиков, вышел к западной опушке леса восточнее Язово. Встретил со стороны Язово-Ворганово минометный огонь. По показанию местных жителей (живущих в шалашах в лесу), в Язово около 2 рот противника и 6 пушек. 359 сп продвигается левее дороги Васильки-Язово и к 11.00 подошел к дому лесника. Встретил сильный пулеметный огонь, до 80 автоматчиков, 2 минометные батареи. Противник пытается окружить 359 сп, обходя его с юга и с севера. По дороге Васильки-Язово курсируют 2 танка»¹¹.

12 февраля противник с боем оставил отдельные домики в 800 м южнее и юго-восточнее Сергеевское и отступил в направлении Сергеевское-Марьино. Было отбито пять контратак немцев силой до 300 человек каждая. Части 43-й и 20-й бригад в этот день понесли потери: убитых 21, раненых 54 человека. Были захвачены трофеи: 1 станковый пулемет, 4 ручных пулемета, две 37-мм пушки, два 80-мм миномета, 4 автомата, 1 парабеллум, уничтожено до роты солдат и офицеров противника¹².

Противник, не желая мириться с прорывом наших войск, постоянно переходил в контратаки, особенно в районе Васильки. В течение дня 7 февраля немцы группами по 100-200 человек шесть раз переходили в контратаку, но безуспешно¹³. 16 февраля Васильки были подвергнуты сильному артобстрелу, дважды налету бомбардировщиков, после чего последовала атака немцев с опушки леса севернее Васильки в составе свыше 200 человек пехоты (1 батальон) при поддержке 8 средних танков. Атака была отбита, на поле боя осталось 2 подбитых танка и до 80 трупов противника¹⁴. Немцы пытались отрезать прорвавшиеся части 5-й армии, контратакуя образовавшийся выступ с севера, из района Подъяелки, Ощепково, и с юга, из района Жихарево. Все контратаки были отбиты. Такое положение сохранялось до конца февраля, когда немцы значительно уплотнили свою группировку на южном фланге с целью локализовать прорыв наших войск в районе Васильки¹⁵.

28 февраля, достигнув трехкратного превосходства в живой силе, при поддержке танков противник предпринял сильную контратаку и занял Васильки. Все последовавшие за этим попытки наших войск отбить этот опорный пункт не увенчались успехом. Такие же безуспешные бои шли и в районе высоты 263,1, где действовала 32-я стрелковая дивизия. Даже помощь последней со стороны других дивизий не изменила ситуацию. В ходе этих боев, 18 февраля, погиб командир 32-й стрелковой дивизии полковник В.И. Полосухин. Спротивление противника день ото дня возрастало, а наступательные возможности советских войск с каждым днем уменьшались. Если раньше артподготовка противника продолжалась 1-1/2 часа, то 22 февраля она продолжалась 2 часа 17 мин.¹⁶ Ресурсы наших войск практически были исчерпаны. Большинство пополнения, прибывшего в 5-ю армию, не умели даже владеть стрелковым оружием, а времени на обучение не было¹⁷.

Ввиду сложившейся обстановки штаб 5-й армии передал на рассмотрение военному совету Западного фронта два варианта плана последующих действий. Первый заключался в том, что одновременно с ударом на южном фланге наносился параллельный удар на северном. Это привело бы к рассредоточению сил противника, но в то же время и к распылению

своих сил. В итоге был принят второй вариант - переход на направлении существующего прорыва к обороне и организация прорыва на северном участке¹⁸. В конце февраля - начале марта была произведена перегруппировка, на северный участок были переброшены части 50, 108, 32-й стрелковых дивизий и 20-й танковой бригады. В 5-ю армию были переданы некоторые части из состава 20-й армии, в том числе 1-я гвардейская танковая бригада М.Е. Катукова. В результате в первый же день наступления войска 5-й армии заняли крупные опорные пункты противника Груздево и Чурилово. В основном этот успех был достигнут благодаря применению танков. Танки 20-й танковой бригады, ворвавшись в Чурилово, вместе с десантом и следовавшей за ними пехотой подавили ДЗОТы и овладели деревней. Но артиллерия, которая до начала атаки вела интенсивный огонь по противнику, неожиданно прекратила огневую поддержку пехоты. Предусмотренный по плану перенос огня с Чурилово на Кострово и лес западнее Чурилово, где находилась немецкая артиллерия, не был осуществлен, на требования командира 20-й танковой бригады усилить огонь по опушке леса западнее Чурилово и Кострово следовал ответ артиллеристов, что запас снарядов лимитирован. В результате ворвавшиеся в Чурилово танки оказались под сильным огнем противотанковой артиллерии противника. Были подбиты 1 танк КВ и 2 танка Т-34, сожжены 2 танка КВ и 3 танка Т-34¹⁹.

Груздево было занято 4 марта частями 331-й стрелковой дивизии и 1-й гвардейской танковой бригады. Однако они не сумели организовать оборону деревни, и от сильного артиллерийского огня дивизия понесла в Груздево большие потери. Штаб дивизии приказал отвести войска на прежние позиции, деревня была оставлена²⁰. В течение марта наши войска занимали опорный пункт Груздево еще два раза, но удержать его не смогли.

14 марта был занят еще один узел сопротивления противника - деревня Долгиново. И здесь успех был достигнут благодаря танкам. Когда танки 20-й танковой бригады ворвались в деревню и противник стал отступать, пехота, поддерживавшая атаку, не вошла в деревню, а залегла на ее восточной окраине. Дошло до того, что командиры машин покида-

ли танки и пытались поднять пехоту в атаку, но безрезультатно. Долгинево пришлось оставить, а атаку затем повторить с самого начала. Во второй раз атака увенчалась успехом, Долгинево было занято, и там была организована оборона. Все контратаки на Долгинево были отбиты с большими потерями для противника.

На других участках прорыва наступление наших войск было безрезультатным. Войска несли большие потери, были ослаблены, не хватало боевой техники. Например, 36-я стрелковая бригада за период боев с 8 по 21 марта потеряла убитыми и ранеными 797 человек, были выведены из строя и потеряны на поле боя 222 винтовки, 4 ручных пулемета, 2 станковых пулемета, четыре 45-мм противотанковых пушки, три 76-мм орудия, один 82-мм миномет и один 107-мм миномет²¹.

Наступательные действия велись блокировочными группами, организованными по примеру боев в финскую кампанию. Но эти блокировочные группы не были в достаточной мере оснащены боевой техникой. Отсутствие танков, аэросаней, бронещитов, недостаточное количество станковых пулеметов (6-8 на дивизию, часть которых временно выходила из строя и проходила ремонт) - все это затрудняло действия блокировочных групп. Противник же успел сделать перегруппировку, сменить потрепанные части свежими и широко применял новую тактику: укрываясь в блиндажах и ДЗОТах от артиллерийского, минометного и пулеметного огня, пехота к моменту атаки покидала укрытия и действиями из многочисленных снежных траншей и окопов обеспечивала быструю маневренность огневых средств и живой силы²².

Попытки прорвать оборону противника не прекращались до 20 апреля, пока окончательно не иссякли наступательные возможности войск. Из-за начавшейся весенней распутицы резко ухудшилось снабжение армии продовольствием и боеприпасами. Дороги были в таком состоянии, что даже на лошадях было невозможно проехать, не говоря об автомашинах. Ставка Верховного Главнокомандования приказала перейти к обороне. Войска 5-й армии закрепились на рубеже деревень Белавки, Сорокино (сев.), Долгинево, Губино, Дятятино, Ивники, Некрасово, Ощепково, Васильки, Новоселки, Слащево. 9-й армейский корпус противника в составе че-

тырех пехотных дивизий и одна пехотная дивизия 7-го армейского корпуса занимали укрепленную полосу с передним краем по линии Курмень, Груздево, Сорокино (сев.), Ощепково, Максимково. Еще одна пехотная дивизия противника находилась в районе Гжатска²³. Тяжело заболевший командующий 5-й армией генерал-лейтенант Л.А. Говоров по настоянию Военного совета фронта был эвакуирован в Москву в госпиталь. С 25 апреля в командование армией вступил генерал-лейтенант И.И. Федюнинский.

Основной причиной неудач 5-й армии зимой-весной 1942 г., крайне низких результатов ее наступательных действий является то, что войска 5-й армии еще до начала Ржевско-Вяземской операции были основательно истощены в предыдущих боях в Подмосковье и не могли служить той ударной силой, которая была бы способна сыграть решающую роль в разгроме группировки противника и овладении Вязьмой. Эту задачу она смогла выполнить только год спустя. Ее слабость определялась уже не только малочисленностью людского состава частей и соединений, но и слабым вооружением²⁴. Кроме того, наши войска изрядно измотали себя в бесперспективном наступлении. Это была грубейшая ошибка Ставки Верховного Главнокомандования и Генерального штаба. В значительной степени она относилась к командующим Западным и Калининским фронтами, не сумевшими убедить Ставку в несостоятельности наступательной затеи, которая оказалась выгодной только врагу, перешедшему к обороне и готовившему по директиве Гитлера свои войска к решительным действиям в летнюю кампанию 1942 г.²⁵ Это мнение высказал в своих мемуарах К.К. Рокоссовский, командовавший тогда 16-й армией Западного фронта, наступавшей южнее 5-й армии.

Пополнение, приходившее в войска, было необученным, большая часть его никогда не служила в армии. После ускоренного курса подготовки такое пополнение сразу бросали в бой, что приводило к огромным потерям. К тому же бойцы часто не знали своих командиров, а командиры - бойцов из-за большой текучести кадров на передовой линии наступления 5-й армии.

Ржевско-Вяземская операция завершилась в марте 1943 г. с освобождением Ржева и Вязьмы. Таким образом, в отечественной историографии эта операция разделена на два этапа:

с 25 января по 20 апреля 1942 г. и с 22 февраля по 12 марта 1943 г. Однако многочисленные частные наступательные операции, предпринятые частями 5-й армии и другими соединениями Западного и Калининского фронтов летом-осенью 1942 г. в большинстве своем не имеют никаких официальных названий, хотя цели в основном были те же, что и в проводившейся в этих же местах Ржевско-Вяземской операции. Исходя из этого, уместно выделить в отдельный этап Ржевско-Вяземской операции бои, проходившие на Западном и Калининском фронтах летом-осенью 1942 г.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Самсонов А.М. Москва, 1941 год: от трагедии поражений - к великой победе. М., 1991. С.194.
- 2 Центральный архив Министерства обороны РФ. Ф.326. Оп.5049. Д.101. Л.56. Далее: ЦАМО.
- 3 Там же. Л.39.
- 4 Там же. Оп.5047. Д.115. Л.176.
- 5 Самсонов А.М. Указ. соч. С.199.
- 6 ЦАМО РФ. Ф.326. Оп.5047. Д.7. Л.64.
- 7 Там же. Д.191. Л.178-179.
- 8 Там же. Д.71. Л.85.
- 9 Там же. Д.191. Л.275.
- 10 Там же. Д.71. Л.126.
- 11 Там же. Д.151. Л.232.
- 12 Там же. Л.286.
- 13 Там же. Л.229.
- 14 Там же. Л.303.
- 15 Там же. Оп.5049. Д.81. Л.92.
- 16 Там же. Оп.5047. Д.152. Л.158.
- 17 Там же. Л.159.
- 18 Там же. Д.70. Л.90.
- 19 Там же. Д.151. Л.303.
- 20 Там же. Д.95. Л.74.
- 21 Там же. Л.77.
- 22 Там же. Л.83.
- 23 Федюнинский И.И. Поднятые по тревоге. М., 1964. С.114.
- 24 Военно-историч. ж-л. 1990. №3. С.48.
- 25 Там же. С.48-49.

Боевой путь гвардейской подводной лодки «Л-3»

О вкладе Краснознаменного Балтийского флота в разгром немецко-фашистских войск под Ленинградом и в Прибалтике написано немало. Но исследований, посвященных боевому пути отдельных кораблей, особенно подводных, почти нет.

Каждая лодка отличается от других, прежде всего экипажем, неповторимым, всегда отличным от других, хотя комплектовались экипажи разных лодок из, казалось бы, схожих и по возрасту, и по социальному положению, и по образованию молодых людей. А офицеры обучались в одних и тех же военно-морских училищах. Командир каждой подлодки - тоже неповторимый и по характеру, и по темпераменту, почерку стрелка, арсеналу средств управления людьми как в обычных, так и в экстремальных ситуациях боевого похода. Отличались и условия плавания; не было двух одинаковых торпедных атак или минных постановок.

О гвардейской подводной лодке (далее ПЛ) Краснознаменного Балтийского флота Л-3 («Фрунзевец») известно немало. О ее подвигах написаны воспоминания подводников, служивших на ней: командира Л-3 капитана 1-го ранга П.Д. Грищенко «Мои друзья-подводники» (Л., 1966), «Соль службы» (Л., 1979), «На минном заградителе Л-3» (М., 1981), командира БЧ-5 инженер-капитана 3-го ранга М.А. Крастелева, гидроакустика старшины 2-й статьи Д.П. Ганина, а также члена оперативной группы писателей при Политуправлении КБФ в

1941-1943 гг. капитана 3-го ранга А.И. Зонина. Название лодки встречается на страницах мемуаров командира ПЛ «Лембит» капитана 3-го ранга А.М. Матиясевича, командующего флотом в годы войны адмирала В.Ф. Трибуца, начальника Главного морского штаба адмирала И.С. Исакова. Но специального исследования с привлечением неопубликованных архивных материалов, хранящихся в Центральном военно-морском архиве (ЦВМА), которое бы охватывало период от начала до окончания Великой Отечественной войны и в котором отразился бы повседневный героический труд экипажа Л-3, его вклад в победу, нет, хотя заслуги «Фрунзевца» перед Родиной очевидны.

Л-3 прошла всю войну, которая началась для экипажа в 1.00 22 июня 1941 г. и закончилась 25 апреля 1945 г., когда ПЛ благополучно вернулась из своего последнего, седьмого, боевого похода. Л-3 участвовала во всех военных кампаниях КБФ: в прорыве блокады Ленинграда, в освобождении Финского залива и Прибалтики, в разгроме приморских группировок немецко-фашистских войск в Восточной Пруссии. За время войны она потопила рекордное не только для КБФ, но и для других флотов количество боевых кораблей и транспортов противника - 28. Всего же за период войны балтийские подводники потопили 124 судна и 20 боевых кораблей¹. Таким образом, вклад Л-3 составил приблизительно 1/5 от общего числа указанных потерь противника.

Количество потопленных кораблей является главным показателем результативности ПЛ. Много это или мало, 28 пущенных на дно неприятельских кораблей и судов?

Чтобы представить масштабы причиненного врагу ущерба, нелишне вспомнить, во что обходилась ему потеря каждого корабля. Потеря транспорта водоизмещением 10 тыс. т означала, например, что фронт не получил несколько тысяч солдат и офицеров с оружием и боеприпасами, или 80-90 тяжелых танков, или 250 броневедомостей, или 5-6 тыс. т других грузов, например, 2-месячный паек для 4-5 дивизий. Топлива, потерянного при потоплении танкера такого же водоизмещения, хватило бы противнику для заправки 1 000 бомбардировщиков Ю-88 или нескольких тысяч средних танков². Если помножить эти цифры на количество потопленных Л-3 кораблей и транспортов, то можно получить представление о нанесенном врагу ущербе.

Но не только прямое, непосредственное нанесение ущерба врагу потоплением его кораблей и судов венчало боевые действия Л-3. Она внесла свою лепту в достижение общей победы, выполняя и другие задачи, порой не менее сложные: участвовала в защите наших морских сообщений, вела разведку, осуществляла мероприятия по навигационно-гидрографическому обеспечению.

Великая Отечественная война вновь подтвердила важное значение для противоборствующих сторон рубежа, проходящего через устья Финского, Рижского и Ботнического заливов, а также Балтийской проливной зоны. Удержание опорных пунктов в устьях заливов давало возможность использовать их для обеспечения выхода собственных сил или блокады сил противника.

Балтийскому морю немецко-фашистское командование придавало исключительное значение. В ходе развернувшегося наступления 30 июля 1941 г. Гитлер в очередной раз подчеркнул, что «задача овладения Финским заливом является первостепенной»³. По морским коммуникациям на Балтике в Германию из Швеции, Северной Норвегии и Финляндии ввозились железная руда, целлюлоза, никель, кобальт, медь, лесоматериалы и другие виды стратегического сырья. Швеция, заключившая с Германией договор о транзите морских и сухопутных перевозок, удовлетворяла на 75 % потребность германской военной промышленности в руде. Коммуникация в Финляндию в значительной мере определяла не только боеспособность ее вооруженных сил, но и само участие Финляндии в войне на стороне Германии. По морю проходили ближайшие пути снабжения группы армии «Север», вооруженных сил Германии в Северной Норвегии и Финляндии.

Краснознаменный Балтийский флот угрожал жизненно важным германским коммуникациям. Для обеспечения безопасности своего судоходства гитлеровцы еще до нападения на СССР начали минировать ряд районов Балтийского морского театра военных действий, соорудив минные заграждения «Вартбург», «Корбета» и «Апольда», а также сосредоточили в портах Финляндии достаточное количество противолодочных сил. В 1941 г. каждая вторая советская ПЛ гибла при форсировании мощных минных полей.

В 1942 г. немцы продолжали интенсивно минировать Финский залив, создав две минно-артиллерийские противолодочные позиции, - Гогланскую и Нарген-Порккалаудскую. К весне в заливе насчитывалось около 13 тыс. мин, к лету их число увеличилось до 21 тыс. В 1943 г. появились новые минные заграждения, перекрывшие залив в самой его узкой части, - у о. Нарген. Хорошо поставленная оборона немцев привела к тому, что командование КБФ во избежание увеличения потерь (после гибели на минах лодок Щ-406, Щ-408, С-9, С-12) временно прекратило форсирование противолодочного рубежа. В общей сложности в 1943 г. ПЛ совершили 10 выходов в Финский залив (в 1942 г. - 36 выходов). После выхода Финляндии из войны ситуация в Балтийском море коренным образом изменилась. Советские ПЛ стали базироваться на финские порты и базы и использовать шхерные фарватеры северного побережья Финского залива для обхода противолодочных позиций⁴.

Подводная лодка Л-3 за время войны совершила семь боевых походов в тыл врага. Каждый боевой поход - это преодоление мощного противолодочного рубежа, маневрирование среди противолодочных дозоров (состоящих из надводных кораблей, ПЛ, самолетов) и противолодочных сетей, которыми в узких местах было перегорожено устье Финского залива. Выход в открытое море представлял собой сложнейшую задачу. В среднем для прорыва в Балтику необходимо было форсировать 50 линий минных заграждений, столько же - при возвращении в базу. За семь походов Л-3 преодолела несколько сотен минных рубежей, иногда форсируя их вслепую из-за повреждений, и, тем не менее, осталась в строю. Этот факт говорит о высоком мастерстве судовождения командира и экипажа.

По своему техническому решению Л-3 относилась к типу минных заградителей. Минный заградитель - это подлодка определенной конструкции, предназначенная для скрытой постановки мин. Скрытность является основным тактическим свойством минного заградителя, позволяющим незаметно для противника проникать в контролируемые им районы, длительно там находиться и делать минные постановки.

Эффективность применения минного оружия Л-3 была высока. Вот одно из свидетельств мастерства и профессионализма

ее экипажа, относящиеся ко второму боевому походу 1941 г. в район главной базы немецкого флота - Пиллау. Командующий флотом адмирал В.Ф. Трибуц, считавший командира Л-3 П.Д. Грищенко виртуозом минных постановок, вспоминал: «В середине июля 1941 г. Л-3 вышла из Таллина с заданием разведать фарватеры и самостоятельно решить, где выгоднее ставить мины. ПЛ проследовала к Данцигской бухте. Здесь наблюдатели зафиксировали несколько направлений, на которых появлялись дымовые суда. Надо было определить, какое направление чаще всего используется противником. Грищенко, за внешней флегматичностью которого скрывались огромная выдержка и терпение, как нельзя лучше подходил для такого дела. Он довольно долго выбирал точку постановки минной банки. Но зато поставил ее исключительно удачно. Не прошло и трех часов, как на банке подорвался вражеский транспорт. Гитлеровцы были введены в заблуждение: они предположили атаку торпедами с ПЛ. Так ставил мины Грищенко»⁵.

Кроме мин Л-3 применяла торпеды, что требовало не меньшего мастерства, и особенно при уходе от ответной атаки вражеских сторожевых катеров. Преследование подлодки подчас длилось часами, на нее сбрасывалось до сорока бомб, а за каждой - смерть.

Говоря о корабле, невольно отождествляешь корабль и экипаж. Но, конечно же, одерживает победы и завоевывает награды не корабль, а люди.

Личный состав Л-3, состоявший из 47 краснофлотцев, старшин и мичманов и 7 офицеров⁶, был одним из лучших на Балтике. Адмирал И.С. Исаков писал: «Причинами боевых успехов Л-3 были мужество командира, отвага и спаянность экипажа». Экипаж одним из первых на КБФ в марте 1943 г. за мужество, героизм, сплоченность в работе был удостоен гвардейского звания (на КБФ его носили лишь три подводные лодки). Личный состав Л-3 всегда был верен клятве, которую дал 23 марта 1943 г. на церемонии присвоения гвардейского звания. Вот эта клятва: «Любимая Родина, слушай нас: Клянемся тебе жестоко мстить фашистским мерзавцам за кровь и страдания, за горе и слезы наших отцов, матерей и детей. Клянемся стойчиво, без усталости, ночью и днем искать и топить корабли врага, истреблять их до полной нашей победы. Клянемся высо-

ко держать гвардейское звание, свято хранить и умножать военные традиции балтийцев». За годы войны члены экипажа были награждены 423 орденами и медалями (15 - Орденами Ленина)⁷, т. е. примерно по восемь на одного моряка. Вряд ли можно найти другую ПЛ с подобным показателем.

Многое на корабле зависит от его командира. Командиром Л-3 в 1940 г. был назначен капитан 2-го ранга Петр Денисович Грищенко. Как отмечал впоследствии контр-адмирал В.К. Коновалов, Грищенко для того времени (имеются в виду предвоенные и первые военные годы) был необычным командиром ПЛ: трудно было найти другого командира ПЛ с таким послужным списком.

В 1933 г. П.Д. Грищенко окончил военно-морское училище им. М.В. Фрунзе. Полгода служил на эсминце «Карл Либкнехт», потом был переведен на прославившуюся в годы гражданской войны ПЛ «Пантера» под командованием Л.М. Рейснера. В ноябре 1930 г. в строй морских сил РККА вступил первенец советского подводного кораблестроения - ПЛ «Декабрист» (Д-1). К концу 1931 г. вступила в строй еще одна ПЛ «Народоволец» (Д-2). В 1933 г. Грищенко служил старшим помощником командира на Д-1, а в 1934 г. был назначен старпомом на Д-2 (командир Д-2 Б.А. Секунов был одним из наиболее опытных советских подводников - еще до Великой Отечественной войны он, как и Л.М. Рейснер, был награжден Орденом Ленина).

В конце 1935 г. Грищенко по рекомендации Секунова поступил на годовичные курсы командно-начальствующего состава при Учебном отряде подводного плавания им. С.М. Кирова, в 1936 г. был назначен командиром ПЛ Д-5 на Черноморский флот. А уже через год он - слушатель Военно-морской академии. В 1940 г. П.Д. Грищенко как выпускнику академии, уже прошедшему командирскую школу, предложили более высокую должность в Главном морском штабе, от которой он категорически отказался. За строптивость, проявленную при этом, он был наказан: отсидел пять суток ареста на гауптвахте. Однако, потратив два месяца на доказательство правоты, добился своего и был назначен командиром на Л-3⁸.

П.Д. Грищенко всегда отстаивал высокий профессионализм и знания и решительно отметал некомпетентность. Вместо

принципа «погибнем за победу» он исповедовал другой - «нанесем врагу максимальный ущерб, а сами останемся невредимыми, чтобы завтра снова бить врага». Взаимопонимание командира и экипажа было залогом многочисленных побед Л-3. Первая книга, которую написал Петр Денисович, называется «Мои друзья - подводники». Более удачного определения взаимоотношений командира и экипажа не придумаешь.

Одновременно с П.Д. Грищенко на Л-3 пришел и старпом старший лейтенант Владимир Константинович Коновалов. В 1936 г. он окончил Военно-морское училище им. М.В. Фрунзе. Всего несколько месяцев прослужил на «малютке» и был переведен в авиацию. В июне 1938 г. был назначен штурманом на ПЛ Д-4 и прослужил на ней год. После окончания командных классов Учебного отряда подводного плавания им. С.М. Кирова был назначен на Л-3. Школа, которую Коновалов прошел под началом Грищенко, позволила ему в 1943 г. стать командиром Л-3. Впоследствии В.К. Коновалов стал контр-адмиралом. Указом Президиума Верховного Совета от 8 июля 1945 г. ему было присвоено звание Героя Советского Союза.

Первого же командира Л-3 П.Д. Грищенко официальное признание обошло стороной. Впервые к званию Героя Грищенко был представлен еще в 1942 г., но награды не дождался. Вторая попытка была предпринята в 1959 г. В 1968 г. один из научно-исследовательских институтов, где работал Грищенко, вновь представил его к званию Героя. В 1985 г. за достойное признание заслуг Грищенко вновь начали бороться - на этот раз совет ветеранов ДКБФ. Еще раз несправедливость по отношению к Грищенко пытались исправить в 1990 г., когда к 45-летию Победы по ходатайству Военного Совета ВМФ кандидатура Грищенко была включена в проект Указа Президента о присвоении званий Героев Советского Союза. Увы! Этого не произошло и в дни празднования 50-летия Победы.

Даже в мирное время труд моряка-подводника крайне опасен. Что же говорить о той поре, когда каждый метр Финского залива приносил встречу с миной, противолодочной сетью, глубинной или авиационной бомбой, вражеским эсминцем или кораблем-«охотником». И в этой нелегкой обстановке Л-3 добилась поразительных результатов в потоплении вражеских транспортов.

В 1941 г. для минных постановок на Балтике использовались только Л-3, «Лембит», «Калев». В общей сложности они поставили 90 мин, в том числе Л-3 за два боевых похода (22 июня-5 июля, 15-31 июля) - 40.

На минах, поставленных Л-3, гитлеровцы потеряли: 8 октября 1941 г. - моторное судно «Гюнтер» (252 брт); 26 ноября 1941 г. - транспорт «Эреган» (1 142 брт); 28 ноября 1941 г. - транспорт «Хенни» (764 брт); в ноябре 1941 г. - транспорт «Поллукс» (518 брт); танкер (408 брт); тральщик.

Всего, Л-3 потопила 5 транспортов общим тоннажем 3 084 брт⁹, что составило 20 % от общего числа потопленных минными заградителями судов.

В ходе операции, длившейся с июня по ноябрь 1942 г., бригада подводных лодок вывела из строя 51 немецкое транспортное судно общим тоннажем 144 363 брт (47 из них - 124 530 брт - потоплены; 4 - 19 833 брт - повреждены). Из них на счет Л-3 отнесены:

а) подорвавшиеся на минах транспорт «Гинденбург» (7 880 брт); транспорт «Вольфрам» (8 648 брт); транспорт «Грундзее» (866 брт); транспорт «Остланд» (2 152 брт); транспорт «Марне Фердинанд» (1 757 брт); транспорт «Тристан» (1 765 брт); транспорт «Диршау» (762 брт); танкер «Уно» (408 брт); шхуна «Фледервейн» (102 брт); ПЛ «У-416»;

б) потопленные в первом боевом походе торпедами 18 августа - транспорт (15 000 т); 26 августа - два транспорта по 8 000 т, один транспорт поврежден; 1 сентября эсминец типа «Фальке», транспорт (10 000 брт), один транспорт поврежден.

Общий итог двух боевых походов 1942 г.: 15 потопленных и два поврежденных корабля противника общим тоннажем около 65 340 брт¹⁰, что составило около 47 % от общего числа потерь противника. Минное оружие в 1942 г. применяла только Л-3. В среднем ей требовалось 4 мины на каждый подорвавшийся транспорт (вместо 7 мин в 1941 г.). Подобной высокой эффективности применения минного оружия ПЛ во вторую мировую войну не имел ни один из флотов воюющих стран.

В кампанию 1942 г. Л-3 совершила два выхода в море: 12 августа-9 сентября и 28 октября-18 ноября. В 1943 г. Л-3 в море не выходила.

В 1944 г. противник понес следующие потери от минно-торпедного оружия Л-3: октябрь 1944 г. - транспорты «Эндла» и «Липпеа»; ноябрь 1944 г. - миноносец Т-34, транспорт «Шпрееуфер»; декабрь 1944 г. - СКР «ВС-53».

Итого: пять боевых кораблей и транспортов противника подорвались на минах, выставленных Л-3 в боевом походе со 2 октября по 16 ноября¹¹.

Л-3 уничтожила в 1945 г.: транспорт «Гойя» (5 230 брт); тяжелую плавучую батарею «Роберт Мюллер»; ледокол «Поллюкс» (5 408 брт); транспорт «Генри Лютцов» (4 206 брт); тральщик М-3138; СКР «ВС-112»; транспорт «Альберт Лео Шлатер» (1 750 брт).

Итого: семь кораблей общим тоннажем 16 995 брт¹².

Приведенный выше список содержит наименования 35 потопленных и поврежденных военных кораблей и транспортов противника - поистине рекордный результат. Завершающим победным торпедным ударом по транспорту «Гойя» 17 апреля 1945 г. экипаж прославленной лодки поставил точку в «своей» войне.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Дмитриев В.И., Чемесов О.Г. В глубинах Балтики. М., 1988.

² Матиясевич А.М. По морским дорогам. Л., 1987. С.136.

³ Дмитриев В.И., Чемесов О.Г. Указ. соч. С.39.

⁴ Там же. С.64, 92, 101.

⁵ Краснознаменный Балтийский флот в битве за Ленинград. 1941-1945. М., 1973. С.154.

⁶ Центральный военно-морской архив. Ф.1192. Оп.025681. Д.23. Л.272-274. Далее: ЦВМА.

⁷ Там же. Л.275.

⁸ Костев Г.Г. Герой Балтики. М., 1991. С.19-23.

⁹ Дмитриев В.И., Чемесов О.Г. Указ. соч. С.58.

¹⁰ Там же. С.89-90.

¹¹ Там же. С.119.

¹² Там же. С.154.

С

Советская периодическая печать в годы Великой Отечественной войны

Великая Отечественная война 1941-1945 гг. была не только войной между государствами, но и войной идеологий. Начальник генерального штаба сухопутных войск Германии генерал-полковник Гальдер так определял в своих дневниках цели войны Германии против Советского Союза: «Война двух мировоззрений. Уничтожающий приговор большевизму как антисоциальному сборищу преступников. Коммунизм - страшная опасность для будущего. Мы должны отказаться от идеи солдатского товарищества. Коммунист не был и никогда не будет товарищем. Речь идет о борьбе на уничтожение»¹. Поэтому печать была элементом пропагандистской машины воюющих государств.

С первых дней войны на основе директив Главного управления политической пропаганды РККА от 22 и 23 июня 1941 г. «Об организации партийно-политической работы на флоте в условиях войны» и «О работе армейской, окружной и дивизионной печати в связи с призывом в армию» началась структурная перестройка советской печати в соответствии с требованиями военного времени.

Возросло количество газет, издававшихся в армии и на флоте. Их насчитывалось 1 357 при разовом тираже в 6 млн. 256 тыс. экз.² При этом центральных газет стало вдвое меньше: из 39 осталось 18³. Республиканские, краевые и област-

ные газеты стали выходить пять раз в неделю на двух полосах. Районные были переведены на еженедельный выпуск на двух полосах. Подавляющая часть многотиражных газет вообще закрывалась. Так, в Москве и Московской области прекратил выпуск 181 фабрично-заводская газета⁴.

Фашистские войска в первые месяцы войны оккупировали значительную часть территории СССР. Несмотря на мобилизацию в армию и эвакуацию в тыл многих советских людей, на оккупированной территории оставалось свыше 60 млн граждан, или примерно 33% всего предвоенного населения страны⁵.

Согласно приказу Народного комиссара обороны СССР от 30 июля 1941 г. «О газетах для населения оккупированных советских областей» стали выходить газеты «За Советскую Белоруссию», «За Советскую Украину» и др. На захваченных территориях создавались подпольные типографии, которые печатали листовки, воззвания, газеты. Так, если в 1941 г. в оккупированной зоне Ленинградской области выходили лишь пять подпольных газет, а в Московской области две, то в ходе войны количество подпольных и партизанских газет росло. Всего в годы Великой Отечественной войны на оккупированной советской территории издавалось 385 партизанских и подпольных газет⁶.

Отражая изменения в общественном сознании, в годы Великой Отечественной войны изменился характер газетных публикаций. В отличие от периодики второй половины 1930-х годов, в которой большое место занимали разоблачительные материалы о «врагах народа» в партии, в государственных органах, о вредителях в промышленности, в сельском хозяйстве, в культуре, в прессе военного времени основными темами публикаций стали: разъяснение справедливого характера войны, пропаганда ратных и трудовых подвигов советских людей, патриотических починов тружеников тыла в помощь фронту.

В газетах и журналах приводились многочисленные примеры народного патриотизма. Выделяются материалы, посвященные изучению и распространению ценных починов, многочисленных форм трудового соперничества.

В годы войны в обществе возрос интерес к героической русской истории. Толчком к развитию темы боевых традиций

России послужила речь И.В. Сталина на параде войск в Москве 7 ноября 1941 г. Обращаясь к воинам Красной Армии, он подчеркнул: «Война, которую вы ведете, есть война освободительная, война справедливая. Пусть вдохновляет вас в этой войне мужественный образ наших великих предков - Александра Невского, Дмитрия Донского, Кузьмы Минина, Дмитрия Пожарского, Александра Суворова, Михаила Кутузова!»⁷. В течение всей войны газеты активно публикуют материалы о героическом прошлом Российского государства, об «освободителях земли Русской».

В докладе, посвященном 24-й годовщине Октябрьской революции, Сталин разъяснял: «Партия гитлеровцев есть партия империалистов, причем наиболее хищнических и разбойничьих империалистов среди всех империалистов мира»⁸, подчеркивая тем самым классовый характер Великой Отечественной войны.

Газетные материалы, если они не носили директивного характера, освещали общечеловеческие ценности. Типичными для газет военного времени были обращения следующего содержания: «Слушай, товарищ, слушай, сын Родины, слушай, боец. Днем и ночью скрежещут гусеницы танков, не смолкает гул взрывов, гудят самолеты. Днем и ночью идет великая битва, в которой свирепый враг все поставил на карту. Дело идет о жизни и смерти. Но великий народ не может умереть... Во имя любви матери, ласки жены, улыбки ребенка, во имя солнца, сияющего над твоей головой... во имя всего того, чему имя Родина, будь смел, до конца, до победы!»⁹

С возникновением пролетарского государства формировалась новая общественная мораль, в основу которой был положен классовый подход. Экстремальные условия военного времени изменяли общественное сознание, выстраивали новую шкалу моральных ценностей. На первое место среди качеств, характеризующих героев войны, выходят мужество, стойкость, смелость, готовность к самопожертвованию. Именно сильные личности, способные принимать смелые и самостоятельные решения, становятся героями наиболее ярких газетных очерков.

В периодике военных лет регулярно появляются материалы о защитниках Москвы, Сталинграда и других районов страны, о тружениках заводов и фабрик, инициаторах пере-

довых починов. В газете «Московский большевик» рубрика «Москвичи в боях за родину» в течение 1942-1944 гг. появилась более 70 раз, а материалы об опыте применения поточных методов труда - более 40 раз.

Особенностью работы редакций газет в те годы являлась и более тесная связь с читателем. Только в редакцию газеты «Правда» в 1941-1945 гг. поступило более 400 тыс. писем¹⁰, часть из которых была опубликована. Значительное место на страницах газет отводилось корреспонденциям, письмам с фронта. Со страниц не сходили рубрики «Письмо из действующей армии», «Письмо с фронта» («Вечерняя Москва»), «Письма патриотов» («Коммунист», г. Воскресенск), «Письмо из Красной Армии» («Волоколамский колхозник»).

Возобновляются такие массовые формы работы редакций, как выездные редакции. Пример показала «Правда»: на различных предприятиях страны было проведено более 30 выездных заседаний редакций «Правды». В них участвовало большое число художников и литераторов: Б. Ефимов, Ю. Ганф, В. Дени, Кукрыниксы, Д. Бедный, С. Кирсанов, Г. Рыклин, А. Жаров, А. Безыменский и другие.

Вместе с тем газеты и журналы были органами партийных комитетов и находились под жестким идеологическим контролем коммунистической партии. ВКП(б) рассматривала периодическую печать как «центр политической работы в массах». В многочисленных решениях партийных комитетов по идеологической работе подчеркивалось: «Газеты должны быть боевыми органами партии в политическом воспитании масс и мобилизации трудящихся на защиту социалистической Родины»¹¹.

Теоретической основой для работы всей периодики страны служили выступления и статьи руководителей партии и страны, и прежде всего Сталина. «Сталинские выступления должны стать основой для всей большевистской печати», подчеркивала «Правда»¹².

В годы войны тираж произведений Сталина составил 39 млн экз. В 1943 г. его книга «О великой Отечественной войне Советского Союза» вышла в Москве, Ленинграде и 15 областных издательствах общим тиражом в 7 млн экз., в то время как тираж литературы о подпольной и партизанской борьбе за весь

период войны составил лишь 1 млн экз., литература о бойцах Красной Армии, героическом труде в тылу - 2 млн экз.¹³

При остром дефиците бумаги, сокращении газетных площадей значительное место отводилось публикации директивных статей из центральных газет. В закрытом обзоре материалов газеты Смоленского обкома ВКП(б) «Рабочий путь» за сентябрь 1944 г., подготовленном организационно-инструкторским отделом ЦК ВКП(б), отмечалось: «Большая часть статей и заметок в газете походит на циркуляр, адресуемый не к рядовому исполнителю, а к руководителям районов, предприятий и учреждений... В 12 номерах газеты из 192 колонок 104 заняты материалами, полученными редакцией сверху»¹⁴.

Решением ЦК ВКП(б) от 9 августа 1941 г. право иметь постоянных военных корреспондентов на фронте было предоставлено лишь газетам «Правда», «Известия», «Красная Звезда», «Красный флот», «Комсомольская правда», «Сталинский сокол», а также Совинформбюро, ТАСС и Всесоюзному радиокомитету. Остальные газеты вынуждены были публиковать на своих страницах главным образом сообщения военных корреспондентов ТАСС, Совинформбюро. Часто одна и та же корреспонденция появлялась сразу в нескольких газетах. Это наносило ущерб газетной оригинальности, сковывало творческую инициативу журналистов.

Немалое место на страницах газет отводилось пропаганде ошибочных теорий победы над врагом «малой кровью», на чужой территории. Газеты и журналы были наполнены идеологическими штампами, тенденциозно, а зачастую и искаженно, освещали события. Великий русский ученый В.И. Вернадский, находясь в эвакуации, в своих дневниках отмечал, что по сводкам Совинформбюро невозможно представить, что происходит на фронте.

В освещении боевых действий для советских газет были характерны два подхода. Если сообщалось о поражениях Красной Армии, то газеты ограничивались кратким упоминанием об «упорных и продолжительных боях». Если же речь шла о победах советской стороны, газеты наполнялись парадной шумихой, а материалы содержали завышенные цифры потерь противника в живой силе и технике. Доминантой подобных публикаций было отождествление успехов Красной

Армии с именем «вождя всех народов», «символом исторических побед народов Союза ССР».

Идейный и художественный уровень издаваемых газет и журналов во многом зависел от общеобразовательной и профессиональной подготовки журналистских кадров. В годы войны он был невысоким. Так, на 1 января 1941 г. из 163 ответственных редакторов областных, краевых и республиканских газет лишь 43 человека имели высшее, 52 - среднее и 93 - незаконченное среднее и начальное образование¹⁵. Из 73 редакторов подмосковных газет в 1943 г. высшее образование имели только шесть человек. В сентябре 1943 г. были открыты Центральные газетные курсы для подготовки редакторов республиканских, областных, городских и районных газет.

Однако это не могло в корне улучшить положение с кадрами. За весь период войны от Москвы и Московской области, например, на курсы были направлены лишь 15 человек¹⁶. Вследствие этого литературный уровень ряда публикаций и целых газет, особенно низовых, был крайне низким, статьи содержали множество стилистических и даже орфографических ошибок. В то же время идеологические отделы партийных комитетов строго следили за верностью политического курса газет. Это достигалось путем утверждения планов редакций, передовых статей и других «ударных» материалов на заседаниях парткомов, проведения совещаний с редакциями и рабселькоровским активом, организаций выставок, смотров лучших газет, подготовки открытых и закрытых обзоров газетных материалов, организации кабинетов печати и т. п.

Партийные организации на фронте и в тылу строго следовали требованию о том, что «все органы печати должны редактироваться надежными коммунистами, доказавшими свою преданность делу пролетарской революции»¹⁷. Редакции газет возглавляли только коммунисты. Кандидатуры главных редакторов и ответственных секретарей обсуждались и утверждались на заседаниях партийных комитетов. Тем самым обеспечивался жесткий контроль за идейным содержанием каждой газеты.

Тем не менее периодика военных лет была интересна читателю. В архивах редакций газет, партийных комитетов нередко письма с просьбами прислать лишние экземпляры любимейшей газеты. В годы Великой Отечественной войны

в характере газетных материалов произошли такие изменения, которые не могли не привлечь внимание читателей. Будучи приводным ремнем от партии к массам, периодическая печать обладала и обратной связью с читателем, отражая изменившуюся социально-психологическую обстановку в стране.

Опыт периодической печати военного времени имеет непреходящее значение. Являясь летописью великих событий, пресса отразила величие духа и силу национального самосознания народа, творца величайшей за всю историю человечества Победы.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Война Германии против Советского Союза 1941-1945: Документальная экспозиция. Берлин, 1992. С.42.
- ² Попов Н.П., Горохов Н.А. Советская военная печать в годы Великой Отечественной войны. М., 1985. С.15.
- ³ Там же. С.418.
- ⁴ Москва и Московская область в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. М., 1986. С.29.
- ⁵ Загорулько М.М., Юденков А.Ф. Крах плана «Ольденбург». М., 1980. С.86.
- ⁶ Партизанские и подпольные газеты в годы Великой Отечественной войны 1941-1944: Указатель / Сост. И.Я. Левин. М., 1976. С.15.
- ⁷ Сталин И.В. О Великой Отечественной войне Советского Союза. М., 1950. С.40.
- ⁸ Там же. С.49.
- ⁹ Красноармейская правда. 1941. 14 окт.
- ¹⁰ Кононыхин Н.М. Партийная и советская печать в период Великой Отечественной войны. М., 1960. С.80.
- ¹¹ Центральный государственный архив общественных движений. Ф.4. Оп.39. Ед. хр. 71. Л.14.
- ¹² Правда. 1942. 5 мая.
- ¹³ ГАРФ. Ф.Р-4851. Оп.1. Д.238. Л., 131, 288.
- ¹⁴ РЦХИДНИ. Ф.17. Оп.88. Ед. хр. 602. Л.5.
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ Подсчет произведен автором.
- ¹⁷ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.41. С.205.

С

советские граждане в рядах вермахта

К вопросу о численности

Проблема использования советских граждан в составе германских вооруженных сил представляет на сегодняшний день одну из наиболее сложных в истории второй мировой войны. Лишь в самые последние годы у отечественных историков появилась возможность вплотную подойти к ее исследованию, о чем свидетельствуют многочисленные публикации на страницах периодической печати¹. Не ограничиваясь ознакомлением широкой аудитории с фактической стороной проблемы, некоторые авторы пытаются оппонировать работы зарубежных историков. Одним из аспектов, приковавших к себе особое внимание, наряду с морально-нравственной стороной такого явления, как коллаборационизм, его политической сущностью, является вопрос о численности наших соотечественников, принимавших участие в войне на стороне врага.

Так, Л.Е. Решин и М.А. Гареев оспаривают утвердившуюся в западной историографии цифру в 1 млн советских граждан, состоявших в рядах германского вермахта в период 1941-1945 гг. При этом указанные авторы ссылаются на справку американской комиссии генерала Вуда о результатах анализа документов германского управления по делам военнопленных, где число завербованных в вермахт военнопленных красноармейцев определялось в 100 тыс. человек². Учитывая тот факт, что антисоветские формирования пополнялись и за счет местного на-

селения оккупированных территорий, наши историки называют общую цифру в 150-200 тыс. человек, включая в это число части власовской Русской Освободительной Армии (РОА), кавказские и туркестанские батальоны, украинские и прибалтийские формирования войск СС, а также вспомогательные части сухопутных войск и Люфтваффе³.

Эти спекулятивные подсчеты не основаны на данных документальных источников и содержат серьезные ошибки. По существу, мы имеем дело с намеренным занижением численности советских граждан, сражавшихся на стороне Германии, с целью обосновать старые идеологические догмы. Вместе с тем цифра в 1 млн человек является слишком абстрактной и нуждается в детальной расшифровке.

В нормативных документах германского командования по использованию «местных вспомогательных сил на Востоке» эти контингенты в соответствии с их назначением четко разделялись. Выделялись следующие категории: *боевые части восточных войск* (туркестанские, кавказские и татарские батальоны, казачьи части, восточные батальоны и роты); *вспомогательная полиция* в тыловых районах действующей армии; *добровольцы* вспомогательной службы в составе немецких частей и соединений. Помимо этого, на территории рейхскомиссариатов «Остланд» и «Украина», находившихся под контролем германской гражданской администрации, несли службу местные силы самообороны и вспомогательные части немецкой полиции (батальоны «шума»). Рассмотрим в отдельности каждую из перечисленных категорий.

Формирование туркестанских и кавказских боевых частей началось зимой 1941-1942 гг., когда с санкции Гитлера были образованы туркестанский, грузинский, армянский и кавказско-магометанский легионы с центрами формирования в Польше и на Украине. К осени 1943 г., по данным немецкого историка Й. Хоффманна, было сформировано 79 полевых батальонов и 3 батальона особого назначения, в том числе 26 туркестанских, 15 азербайджанских, 13 грузинских, 12 армянских, 9 северокавказских и 7 волжскотатарских. Каждый такой батальон насчитывал от 800 до 1 000 человек личного состава, не считая примерно 40 немецких офицеров и солдат. Сюда же следует отнести 8 (впоследствии 10) крымскотатар-

ских батальонов (до 10 тыс. человек) и «калмыцкий кавалерийский корпус» (5 тыс. человек). Наряду с боевыми частями восточных легионов существовало 11 кадровых батальонов, служивших базой для формирования маршевых пополнений, а также 15 запасных, строительных и транспортных батальонов и 202 отдельные роты (111 туркестанских, 30 грузинских, 22 армянских, 21 азербайджанская, 15 татарских и 3 северокавказских)⁴. Таким образом, выходит, что общая численность солдат тюркских и кавказских народностей достигала 150 тысяч. Частично из них были сформированы 162-я (тюркская) пехотная дивизия вермахта, восточно-туркестанское и кавказское соединение войск СС.

Первые казачьи части в составе германской армии были созданы в конце 1941 г. для антипартизанской борьбы, однако уже летом и осенью следующего года они участвовали в боевых действиях на фронте. Многие казачьи части создавались усилиями местных командных инстанций или самих казаков, в связи с чем главное командование сухопутных войск располагало весьма приблизительными данными об их численности. Так, к апрелю 1943 г. на Восточном фронте находилось около 20 казачьих полков (батальонов), численностью от 400 до 1 000 человек каждый, а также большое количество отдельных сотен, всего 20-25 тыс. казаков⁵. Некоторые из этих полков послужили основой для создания казачьей кавалерийской дивизии генерала фон Паннвица, в которую было направлено также 11 358 молодых казаков⁶. Сформированная к концу 1943 г. дивизия насчитывала 18 555 солдат и офицеров, в том числе 4 049 немцев, которыми были укомплектованы штабы, технические и специальные подразделения⁷. 9 656 казаков были направлены в части особого назначения - конвойные сотни, охранные команды, полицейские батальоны⁸. Еще 13 400 казаков вошли в состав вооруженных формирований Казачьего стана, объединявшего беженцев с Дона, Кубани и Терека⁹. Общая же численность казаков, сражавшихся на стороне германской армии, - 55-60 тыс.¹⁰

В отличие от объединений туркестанцев, кавказцев и казаков части, созданные из лиц славянского происхождения, - так называемые восточные батальоны и роты - не имели единого центра формирования и возникали хаотично, по инициа-

тиве командования отдельных армий, корпусов и дивизий, нуждавшихся в формированиях подобного рода для обеспечения охраны тыловых районов и борьбы с партизанами. По этой причине точные данные о численности этих частей отсутствуют. Если принять за основу справку немецкого генерального штаба, представленную Гитлеру 8 июня 1943 г., в которой названы 78 батальонов, 1 полк и 122 отдельные роты¹¹, то, учитывая, что каждый батальон насчитывал от 500 до 1 000, а рота - от 100 до 200 человек, мы можем говорить о 80 тыс. солдат и офицеров в составе этих формирований.

Что касается вспомогательной полиции тыловых районов, известной как «оди» (охрана порядка) или «живи» (вспомогательные охранные части), то численность мелких команд, занятых на охране путей сообщения, лагерей военнопленных и других объектов, по данным упомянутой выше справки, составляла 60 тыс. человек¹². К этой же категории можно отнести и бригаду Каминского, созданную на территории автономного округа Локоть (Орловская обл.) и представлявшую собой крупнейшее из восточных формирований на советско-германском фронте. Летом 1943 г. это соединение включало в себя 5 стрелковых полков, гвардейский батальон и бронедивизион, общей численностью 12 тыс. человек¹³. После неудачной попытки создать на ее основе дивизию войск СС немецкое командование передало остатки бригады Каминского на формирование 1-й дивизии РОА.

Создание крупных формирований под русским командованием и политического органа в лице Комитета освобождения народов России (КОНР) было предпринято в конце 1944 г. для сплочения всех антисоветских сил и наиболее эффективного использования людских ресурсов, включая военнопленных, восточных рабочих и солдат добровольческих формирований. Однако окончание войны не позволило генералу А.А. Власову объединить все эти силы под своим началом. Вместе с переданными в распоряжение Власова восточными батальонами и пополнением из лагерей военнопленных, вооруженные силы КОНР насчитывали до 50 тыс. солдат и офицеров в составе двух пехотных дивизий (в немецкой номенклатуре - 600-й и 650-й), учебно-запасной бригады, нескольких частей обслуживания и авиаполка¹⁴. Как главнокомандующему, Власову

номинально подчинялись казачьи войска и белоэмигрантский Русский корпус, действовавший в Югославии.

Пожалуй, самую представительную категорию «местных вспомогательных сил на Востоке» составляли добровольцы вспомогательной службы, или «хиви» (от нем. «хильфсвиллиге» - добровольные помощники), завербованные командованием немецких частей и соединений, стремившимся таким образом покрыть недостаток в живой силе. Первоначально «хиви» служили лишь в рабочих командах, обозах и на санитарной службе, но со временем их стали использовать в боевых подразделениях наравне с немецкими солдатами. Штаты пехотной дивизии 1943 г. предусматривали 2 005 должностей для «хиви»¹⁵, однако в действительности их было еще больше - до 25-30 % от общей численности некоторых дивизий. Так, лишь в составе 6-й армии Паулюса, окруженной в Сталинграде, было 51 780 чел. русского вспомогательного персонала¹⁶. Судить же об общей численности «хиви» в вермахте довольно трудно, поскольку командование многих дивизий старалось не предоставлять высшим штабам точных сведений на сей счет. По всей вероятности, эта численность колебалась от 200 тыс. весной 1942 г. до 500 тыс. весной 1943 г.¹⁷ Последние данные по численности «хиви» содержит справка, представленная в Штаб Верховного командования (ОКВ) союзному командованию 20 мая 1945 г. Приведенные в ней цифры говорят о 600 тыс. русских добровольцев в сухопутных войсках вермахта, 15 тыс. - в военно-морском флоте и от 50 до 60 тыс. - в Люфтваффе¹⁸. Некоторое увеличение численности по сравнению с 1943 г. связано с пополнением за счет военнопленных и части личного состава других восточных формирований, таких, как вспомогательная полиция.

Объединив приведенные выше данные, получим следующую картину:

туркестанские и кавказские легионы	150 тыс. чел.
казачьи части	55-60
восточные батальоны и роты	80
вспомогательная полиция («оди» и др.)	70
добровольцы вспомогательной службы	500-675
Всего	855-1 035

Полученные результаты являются очень приблизительными, поскольку не учитывают боевых и небоевых потерь, организационных перемещений личного состава и других изменений, проследить которые не представляется возможным ввиду отсутствия необходимых данных. В то же время они дают примерное представление о численности советских граждан, состоявших в рядах германских вооруженных сил. Что же касается цифры в 100 тыс. военнопленных красноармейцев, на которую ссылаются наши историки, то, по всей видимости, речь здесь идет о числе завербованных по линии ОКВ, т. е. централизованно. Однако, как уже известно, большинство подобного рода формирований, а также прием добровольцев на службу в немецкие части осуществлялись по инициативе полевых командиров вермахта и поэтому это далеко не всегда находило отражение в документах главного командования.

Для того чтобы установить общую численность представителей народов Советского Союза, принимавших участие в войне на стороне Германии, необходимо учесть и тех, кто состоял в многочисленных полицейских и охранных формированиях и частях СС, подчиненных рейхсфюреру СС и начальнику германской полиции Гиммлеру. По данным начальника полиции порядка Далуге, численность украинских, белорусских, литовских, латвийских и эстонских отрядов самообороны и полиции выросла в течение 1942 г. с 33 до 330 тыс. человек¹⁹. По характеру выполняемых задач эти силы подразделялись на индивидуальную службу в городах (29 217 человек), индивидуальную службу в сельской местности (223 737 человек) и батальоны защиты («шума»), причем последние нередко использовались также и на фронте. Осенью 1942 г. гитлеровцы приступили к формированию прибалтийских, а летом следующего года украинского легиона СС. В состав сформированных к 1944 г. двух латвийских (15-й и 19-й), эстонской (20-й) и украинской дивизий войск СС были переданы некоторые из полицейских частей, основной же контингент составила набранная по мобилизации молодежь. Общая численность этих трех легионов достигала 50 тыс. человек. Попытка создания легионов СС в Белоруссии и Литве закончилась провалом, однако некоторое число граждан из этих республик было призвано в вермахт в качестве вспомогательного

персонала. В то же время около 17 тыс. юношей и девушек из Литвы, Латвии и Эстонии были мобилизованы во вспомогательные службы германских ВВС, ВМС и ПВО²⁰. Таким образом, к 855-1 035 тыс. человек можно прибавить примерно 400 тыс., завербованных в полицию, войска СС и другие формирования из западных регионов СССР. Общая же цифра, принимая во внимание погрешность подобных подсчетов, будет колебаться в пределах 1,3-1,5 млн.

Полученные цифры соотносятся с максимальной численностью германского вермахта, войск СС и полиции осенью 1943 г. как 1:6,5, что говорит о той важной роли, которую играли людские ресурсы оккупированных советских территорий для вооруженных сил «третьего рейха». При этом следует помнить, что нацистская Германия вела войну не столько против большевистской идеологии, сколько за полное уничтожение российской государственности и приобретение на Востоке «жизненного пространства для германской нации». В таких условиях использование на стороне вермахта антисоветских формирований не могло иметь серьезного политического значения даже тогда, когда гитлеровское руководство решилось на создание русского политического центра с собственными вооруженными силами. Военно-экономическое и морально-политическое превосходство, достигнутое в ходе войны Советским Союзом, предопределило крах всех подобных начинаний.

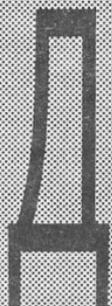
ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Гареев М.А.* О мифах старых и новых // Военно-историч. ж-л. 1991. №4; *Крикунов В.П.* Под угрозой расстрела или по доброй воле // Военно-историч. ж-л. 1994. №6; *Решин Л.Е.* «Русские пленные добровольно служить не идут...» // Известия. 1990. 27 мая; *Он же.* Воинствующая некомпетентность // Военно-историч. ж-л. 1992. №2;

Он же. »Wlassow-aktion» // Военно-историч. ж-л. 1992. №3; *Он же, Кудряшов С.* Освободители: Власов и власовцы // Родина. 1991. №9. *Решин Л.Е.* «Казачи» со свастикой // Родина. 1993. №2; *Он же.* Надежды маленький оркестрик // Родина. 1993. №4. ² *Решин Л.Е.* »Wlassow-aktion» // Военно-историч. ж-л. 1992. № 3. С.22-23.

- ³ *Гареев М.А.* О мифах старых и новых // Военно-историч. ж-л. 1991. №4. С.49-50. *Решин Л.Е.* «Русские пленные добровольно служить не идут...» // Известия. 1990. 27 мая.
- ⁴ *Hoffmann J.* Die Ostlegionen, 1941-1943. Freiburg. 1976. S.171-172.
- ⁵ ГАРФ. Ф.5761. Оп.1. Д.9. Л.210; РЦХИДНИ. Ф.69. Оп.1. Д.740. Л. 9.
- ⁶ *Ленинов А.К.* Под казачьим знаменем в 1943-1945 гг. // Кубанец. 1992. №2. С.37.
- ⁷ *Хоффманн Й.* История власовской армии. Париж. 1990. С.69.
- ⁸ *Ленинов А.К.* Указ. соч. С.37.
- ⁹ Там же. С.48.
- ¹⁰ Л.Е. Решин определяет численность казаков в составе вермахта и войск СС в 28 тыс. человек, учитывая при этом только корпус фон Паннвица и Казачий стан. См.: Родина. 1993. №2. С.72.
- ¹¹ Данные приводятся по: *Dallin A.* German rule in Russia, 1941-1945, London; New York, 1957. P.581; РЦХИДНИ. Ф.69. Оп.1. Д.862. Л.32.
- ¹² *Dallin A.* Op. cit. P.581.
- ¹³ РЦХИДНИ. Ф.69. Оп.1. Д.710. Л.26.
- ¹⁴ *Хоффманн Й.* Указ. соч. С.61-62.
- ¹⁵ *Мюллер-Гиллебранд Б.* Сухопутная армия Германии, 1933-1945. М., 1976. Т.3. С.177.
- ¹⁶ *Оверманс Р.* Другой лик войны: жизнь и гибель 6-й армии // Сталинград: Событие. Воздействие. Символ. М., 1994. С.463-465.
- ¹⁷ *Dallin A.* Op. cit. P.536.
- ¹⁸ Ibid. P.657-658.
- ¹⁹ Война Германии против Советского Союза 1941-1945. Берлин, 1992. С.102-103.
- ²⁰ *Littlejohn D.* Foreign Legions of the Third Reich. San Jose; Calif., 1987. Vol.4. P.154-157, 197-200, 220-222.

Деятельность Совета по делам Русской православной церкви при СНК СССР в 1943–1945 гг.

В предвоенные годы сложилось кризисное положение с обеспечением верующих достаточным количеством церквей и молитвенных домов. Поэтому одной из главных задач Совета по делам Русской православной церкви, созданного постановлением СНК СССР от 14.09.1943 г., в годы войны стало открытие новых церквей. Данные свидетельствуют, что если в 1928 г. РПЦ имела на территории РСФСР (без автономных республик) 29 584 церкви¹, то к концу 1943 г. на всей территории СССР оставалось только 10 243 действующих храмов и молитвенных домов². Однако с уничтожением духовенства и культовых зданий потребность населения в религиозной вере не исчезла. По данным переписи 1937 г., из 68,5 млн опрошенных 24,4 млн заявляли о своей приверженности к православию³. К 1943 г. действующие церкви были распределены крайне неравномерно. На Украине имелось 6 072 действующих церквей и молитвенных домов, в РСФСР - 2 297, в Белоруссии - 633, в Молдавии - 617, в Прибалтийских республиках - 343, в остальных республиках - 834. Большинство церквей находилось в районах, подвергшихся немецкой оккупации, где в 1941-1943 гг. открывались новые церкви. Меньше всего действующих церквей было в Центральной России, что являлось следствием той политики, которую государство проводило в 1920-1930-е годы в отношении церкви. Так,

в Горьковской области действовали 23 церкви, в Тамбовской - 16, в Астраханской - 9, от одной до пяти - в Саратовской, Томской, Новосибирской, Читинской, Кемеровской, Курганской областях, в Марийской и Мордовской АССР, в Приморском и Хабаровском краях⁴. На Камчатке вообще не было ни одной церкви⁵.

В каждой области во многих районах полностью отсутствовали действующие храмы. Так, в Ульяновской области имелось 8 действующих церквей, из них 3 - в Ульяновске. В то же время в 22 районах области не было ни одной⁶. В Московской области не было действующих церквей в 23 районах⁷, в Куйбышевской - в 34 районах⁸, в Рязанской - в 43 районах⁹. В кампании по закрытию церквей в 1920-1930-е годы больше всего пострадали села и небольшие города - здесь церкви были закрыты почти полностью. Так, в Ивановской области не имели действующих церквей 10 городов¹⁰. Не было церквей в таких относительно крупных городских центрах, как Елец, Брянск (Орловской области)¹¹, Хвалынский (Саратовской области)¹² и в ряде других мест.

В то же время на территории страны сохранилось множество недействующих церквей. К концу 1943 г. было учтено 16 797 бывших церковных зданий, из которых в свое время было переоборудовано и занято для хозяйственных и культурных целей 13 844 здания, а 2 953 - свободно¹³. Недействующие, но непереоборудованные церкви часто сохраняли свое убранство и утварь, т.е. имелась необходимая материальная база для разрешения назревшего вопроса об увеличении количества действующих церквей.

Одним из первых постановлений, разработанных Советом и утвержденных правительством, было постановление № 1325 «О порядке открытия церквей» от 28 ноября 1943 г., согласно которому только Совету было предоставлено право направлять в правительство документы на регистрацию религиозных обществ и открытие новых церквей (ст. 1 и 2)¹⁴.

Порядок применения данного постановления разъяснялся уполномоченным в инструкции Совета, которая была принята 5 февраля 1944 г. Ходатайство об открытии церкви или молитвенного дома рассматривалось в том случае, когда оно было возбуждено не менее чем двадцатью совершеннолетни-

ми местными жителями. Перечислялись случаи, когда заявление могло быть отклонено. Ходатайства должны были отклоняться, если актом техосмотра устанавливалась непригодность здания (вследствие его ветхости или отсутствия должных строительно-технических, санитарных или противопожарных условий) и невозможность устранения дефектов. Отклонение могло мотивироваться невозможностью освобождения переоборудованного здания, используемого для культурных, оборонных целей, под жилье или под производственные предприятия при условии, если в данной местности нет другого соответствующего помещения для молитвенных собраний¹⁵. Решение всех вопросов, связанных с открытием церквей было сосредоточено в Совете. Совету предоставлялись очень широкие полномочия.

С начала 1944 г. в Совет стали поступать заявления от верующих. Наибольшую активность проявляли верующие в тех местах, где сохранившиеся церковные здания были ничем не заняты и не утратили церковную утварь. Большинство заявлений поступало из Центральной части РСФСР, где церквей было особенно мало. Так, из Горьковской области поступило 350 заявлений, из Ивановской - 600, из Московской - 400, из Рязанской - 300 и т.п. За 1944 г. в местные советские органы власти и в Совет поступило 3 770 заявлений об открытии церквей, в течение I полугодия 1945 г. - около 2 000 заявлений, не считая повторных. Из 5 770 ходатайств было рассмотрено и удовлетворено Советом по представлениям обл(край)исполкомов 7,2 % заявлений, отклонено на местах 66,5 % и находилось на рассмотрении 26,3 %¹⁶. Созданная Советом структура рассмотрения ходатайств сделала уполномоченных и местные советские органы власти своеобразным фильтром. В Совет шли лишь те ходатайства, которые были одобрены на местах. Именно на местах задерживалось значительное количество заявлений, рассмотрение их зависело от местных бюрократов. Местные руководители имели возможность широко толковать свои полномочия. Под различными предложениями местные власти отклоняли ходатайства верующих. Чаще всего отказы мотивировались занятостью церковных зданий под склады, наличием в 10-15 км действующих церквей или же ветхостью церковных зданий и необходимо-

стью капитального ремонта, непосильного для верующих. Причиной отказа могла послужить также близость школ, райисполкомов или райкомов партии¹⁷.

Деятельность Совета большинство руководителей - от областного до районного уровня - рассматривали как временную, проводимую лишь в период войны, после окончания которой ждали начала нового наступления на религию. Ходили различные слухи. Так, уполномоченный по Сталинградской области сообщал в Совет, что председатели райисполкомов, будучи по делам в облсовете, намеренно не заходят к нему, боясь быть наказанными за участие в церковных делах в будущей чистке рядов ВКП(б)¹⁸.

Религия продолжала восприниматься многими партийными и советскими работниками как «мракобесие», с которым надо продолжать решительную борьбу. Председатель облисполкома Кировоградской области УССР Ищенко, отказавшись подписать ответное письмо епископу на его поздравление с годовщиной Красной Армии и поблагодарить за внесенные пожертвования, в ответ на доводы уполномоченного, что подобные письма подписывает сам Сталин, ответил: «Вот пусть т. Сталин подписывает, а я не буду»¹⁹.

В постановлении ЦК партии от 27 сентября 1944 г. «Об организации научно-просветительской пропаганды» отсутствовало определение задач научно-атеистической работы. И это после долгих лет «решительной борьбы за полное преодоление религиозных предрассудков» вызвало у многих идеологических работников недоумение и растерянность.

Однако новый союзный закон о религиозных культах не был выработан, хотя Совет по делам РПЦ много раз выступал с подобным предложением. Постановления и распоряжения правительства принимались по каждому конкретному вопросу, касающемуся взаимоотношений с церковью. Зачастую они противоречили формально действующему закону РСФСР 1929 г. «О религиозных объединениях», что значительно осложняло работу Совета. Уполномоченные постоянно жаловались в Совет на пренебрежительное отношение к ним и их работе со стороны местных властей. Из-за чрезмерной медлительности и несвоевременности ответов райисполкомов на весьма длительное время затягивалось рассмот-

рение заявлений верующих, ходатайствовавших об открытии церкви. Так, заявление верующих сел Полдомасово, Арское и Вышка Ишеевского района Ульяновской области было направлено 1.07.1944 г. председателю райисполкома для проверки и представления справки. Несмотря на неоднократные письменные и устные (по телефону) напоминания уполномоченного, требуемые справки не были представлены и к началу апреля 1945 г.²⁰ Часто райисполкомы не предоставляли необходимых данных, вследствие чего уполномоченным приходилось повторно запрашивать дополнительные сведения и справки²¹. Ряд церквей, открытых по решению Совета и распоряжению СНК СССР, на местах подолгу не открывался²².

Одним из мощных рычагов воздействия Совета на местных руководителей было обращение в высшие органы власти, как в республиканские, так и в союзные. Так, например, был разрешен конфликт, возникший вокруг вновь открытой церкви в г. Пржевальске (Киргизия). Решение о ее открытии было принято Советом и одобрено СНК, но местные власти не хотели отдавать верующим церковное здание, соседствовавшее с обкомом КП(б). Общине предложили занять склад на городской окраине, совершенно непригодный для богослужений. Потребовалось несколько телеграфных распоряжений из СНК Киргизии, куда обратился уполномоченный Совета²³.

Противоречия между Советом и местной властью вызвало использование бывших церковных зданий. В период уборочных работ церкви нередко использовались для ссыпки зерна. Это противоречило постановлениям правительства, но местные власти и Заготзерно упорствовали, ссылаясь на постановление № 355, подписанное Микояном, и не хотели освобождать здания. Совет обратился в правительство с проектом нового постановления, которое было принято СНК. Согласно этому постановлению, в церковных зданиях разрешалось открывать лишь учреждения культуры и запрещалось переоборудовать их под склады, использовать в хозяйственных целях²⁴. В инструкции для уполномоченных от 25 августа 1945 г. было четко указано, что «использование бывшего церковного здания под склад, если оно не утратило внешнего вида церкви, не может служить основанием для отклонения ходатайства «местной общины»²⁵.

В то же время сам Совет не имел четких критериев для вынесения решений по ходатайствам верующих. Критике подвергались и те, кто отклонял все заявления об открытии церквей²⁶, и те, кто проявлял непомерный либерализм, как, например, уполномоченный из Астрахани, подготовивший к удовлетворению 30 заявлений из 35 поступивших. Уполномоченному предложено было пересмотреть свои резолюции²⁷.

Сложным для Совета был вопрос о церквях, открытых во время оккупации в общественных зданиях. Как правило, это были бывшие церковные здания, до войны переоборудованные под клубы, школы, столовые и мастерские. Совет поддержал решение правительства о необходимости их изъятия у общин. В связи с этим в освобожденных областях прокатилась волна закрытия церквей. В Сталинской области с 1 января по 1 октября 1944 г. было изъято 29 зданий, в Крыму - 16, в Ворошиловградской области - 11²⁸. Всего на Украине изъяли 587 из 1 124 зданий²⁹. Часто это делалось в грубой форме. Райисполкомы не выносили решений, а изымали здания по письменному, а часто и по устному распоряжению председателя райисполкома или райсовета. Были случаи, когда председатели сельсоветов печатавали церкви и закрывали их по устному указанию руководящих работников района³⁰.

Это вызывало недовольство верующих, порождало многочисленные эксцессы, сопровождалось нарушением законов и постановлений правительства. Совет подготовил проект постановления, принятого 1 декабря 1944 г. СНК СССР. Согласно ему запрещалось административное выселение общин из занимаемых ими помещений без предоставления других зданий. В тех областях, где верующие настойчиво ставили вопрос об открытии церквей, постановлением допускалось расширение сети действующих церквей до 2-3 на район. Разрешалось открывать церкви и в тех областях и краях, в которых количество действующих церквей было значительным, и в тех, где их не было вообще. Ломать недействующие церкви позволялось лишь в исключительных случаях. Не допускалось их переоборудование для целей, не имеющих отношения к религии. Приходские общины получили право ремонта зданий, однако строить новые им не разрешалось³¹. Принятие этого постановления немного разрядило обстановку. Те-

перь общинам при освобождении общественных зданий предоставлялся достаточный срок (не менее трех месяцев) для подыскания и найма нового помещения³². Рассматривал эти вопросы и принимал по ним решения отныне только Совет.

Вновь открытым церквям часто не хватало культовой утвари. Совет занимался и этими вопросами. В 1944 г. Совет обратился в СНК с просьбой о передаче находившихся в составе национализированного, конфискованного и бесхозного имущества предметов религиозного культа с разрешения местных властей (безвозмездно) ближайшим религиозным общинам для использования в церкви или молитвенном доме³³.

Местные власти не раз нарушали закон о свободе вероисповеданий. Так, в Полтавской области председатель сельсовета с. Алексеевки Гребенковского района, вызвал священника в сельсовет и потребовал ключи от церкви. Получив отказ, он запретил проводить службу. Председатель сельсовета с. Медведка Калиновского района Винницкой области во время богослужения выстрелил возле церкви, после чего вошел в церковь, не сняв головного убора, с папиросой и предложил священнику немедленно прекратить службу. Здесь же он выписал священнику повестку о мобилизации на уборочную³⁴. В с. Матюши Белоцерковского района Киевской области председатель сельсовета и директор школы, не предупредив религиозную общину о предполагаемом освобождении здания, сломали замок в молитвенном доме и выбросили из него иконы и всю церковную утварь³⁵.

Совет решительно встал на защиту прав верующих, и так как местные прокуроры бездействовали, председатель Совета Г.Г. Карпов обратился в Прокуратуру СССР. В связи с его обращением зампрокурора СССР Г. Сафонов направил 11 апреля 1945 г. циркулярное письмо «Прокурорам республик, краев, областей и горрайпрокурорам», в котором предписывалось лиц, виновных в нарушении законов о религиозных обществах, привлекать к дисциплинарной ответственности, а в особо злостных случаях - и к судебной ответственности по ст. 109 и 127 УК РСФСР³⁶.

Одной из задач Совета по укреплению сети церквей было обеспечение церкви хотя бы ограниченных прав юридическо-

го лица. Будучи отделенной от государства, она не имела от него никакой материальной поддержки. Отсутствие юридических прав ставило ее в еще более тяжелое положение. С начала войны государство де-факто признало за церковью отдельные права юридического лица, но юридически это не было закреплено, что порождало массу трудностей. Например, разрешение на изготовление культовых предметов (печатание церковно-богослужебных книг, разрешительных молитв, изготовление венчиков, икон, крестиков и т. п.) в каждом отдельном случае по ходатайству патриарха давал только Совет по согласованию с Главлитом³⁷.

В 1945 г. Совет вошел в правительство с предложением предоставить церкви ограниченные права юридического лица. 22 августа СНК СССР вынес постановление по этому вопросу. В соответствии с ним патриархия, епархиальные управления, приходские общины и монастыри получали юридические права на приобретение транспортных средств, производство и продажу церковной утвари и предметов культа, аренду, строительство и покупку в собственность домов для церковных надобностей, ремонт церковных зданий. Совнаркомам республик предписывалось не препятствовать церковным общинам приобретать колокола и звонить в них³⁸.

В своей деятельности по укреплению положения РПЦ Совет стремился расширить ее влияние за счет других конфессий. Особое внимание уделялось при этом областям Западной Украины и Западной Белоруссии, что было связано с общим направлением политики в отношении католицизма и униатства. Власти стремились противопоставить им РПЦ. Для этого использовались различные средства, как административные, так и пропагандистские. В 1944 г. РПЦ получила возможность вести в западных областях миссионерскую работу. В Прибалтике, на Западной Украине и в Западной Белоруссии предполагалось создать братства миссионеров. Они должны были вести устную пропаганду, но только против католицизма. Там должны были издаваться журналы, создаваться благотворительные кассы³⁹. К августу 1945 г. Синод РПЦ подготовил проект типового устава православных духовных братств в Западных епархиях. Проект был рассмотрен Советом и после доработки представлен на рассмотрение

правительства. Целью создания братств являлось укрепление православия и противодействие католическому влиянию.

Такую же политику проводил Совет и в отношении обновленчества, доживавшего в это время последние дни. При активной поддержке местных уполномоченных целые приходы переходили из обновленчества в патриаршую церковь⁴⁰. Так, например, в Рождественском, Преградненском, Благодарненском районах Ставропольского края верующие отказались от обновленческих священников и обратились к благочинному патриаршей церкви, прося назначить к ним священников. Обновленческие приходы Армавира и Майкопа Краснодарского края также перешли в патриаршую церковь⁴¹. В Совет шли доклады уполномоченных о полном прекращении деятельности обновленческой церкви в подведомственных областях⁴². Резкое сокращение приходов, а также избрание митрополита Сергия (Страгородский И.Н.), поддерживавшего в 1922 г. обновленчество, патриархом Московским и всея Руси вызвало среди обновленческого духовенства растерянность. Значительная часть их, не видя перспектив сохранения обновленческого течения, высказали желание перейти в патриаршую церковь⁴³.

Выяснив в патриархии условия, на которых обновленческое духовенство может быть принято в патриаршую церковь, Г.Г. Карпов обратился к Сталину с письмом, посвященным проблеме обновленчества. Карпов полагал, что «исходя из того, что обновленчество сыграло свою положительную роль на известном этапе и последние годы не имеет уже того значения и базы, и принимая во внимание патриотическую позицию сергиевской церкви, (Совет) считает целесообразным не препятствовать распаду обновленческой церкви и переходу обновленческого духовенства и приходов в патриаршую сергиевскую церковь»⁴⁴.

Организация Совета и его работа сыграли большую роль в жизни Русской православной церкви. Был знаменателен уже сам факт открытия церковей. Впервые в советской истории церкви не закрывали и разрушали, а передавали верующим. В случаях нарушения закона о религиозных обществах и грубых оскорблениях религиозных чувств верующих Совет вставал на их защиту, доходя до самых высоких инстанций.

Впервые у верующих появилась возможность защитить свои права с помощью государственной организации. За эти годы Совет помог церкви укрепить свою материальную базу, не только передавая ей церковные здания и утварь, но и добившись для нее права на производство необходимых культовых предметов. Наиболее важным итогом работы Совета по укреплению сети церквей было предоставление церковным органам ограниченных прав юридического лица, которых церковь была лишена в 1918 г.

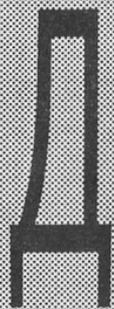
Деятельность Совета в годы войны, однако, не разрешила вопроса об обеспечении верующих достаточным количеством церквей и молитвенных домов. За первые полтора года его работы было открыто всего лишь 414 новых церквей⁴⁵. Из-за системы рассмотрения ходатайств, их строгого отбора на местах, вследствие чего до Совета доходило ничтожно мало заявлений, а также из-за установки руководства Совета на недопущение высокого процента положительных решений по ходатайствам вновь было открыто очень мало храмов.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 ГАРФ. Ф.393. Оп.2. Д.1633. Л.104.
- 2 РЦХИДНИ. Ф.17. Оп.125. Д.313. Л.155.
- 3 *Жиромская В.Б.* «Православный христианин» и «гражданин Российской державы» // Наука и религия. 1993. № 9. С.16.
- 4 РЦХИДНИ. Ф.17. Оп.125. Д.313. Л.155.
- 5 ГАРФ. Ф.6991. Оп.1. Д.6. Л.3.
- 6 Там же. Оп.2. Д.12. Л.7.
- 7 Там же. Л.18.
- 8 Там же. Л.30.
- 9 Там же. Л.24.
- 10 Там же. Л.51.
- 11 Там же. Д.14. Л.61.
- 12 Там же. Оп.1. Л.27. Л.69.
- 13 РЦХИДНИ. Ф.17. Оп.125. Д.313. Л.156.
- 14 ГАРФ. Ф.6991. Оп.1. Д.6. Л.67.
- 15 Там же. Д.6а. Л.4.
- 16 РЦХИДНИ. Ф.17. Оп.125. Д.313. Л.157.
- 17 ГАРФ. Ф.6991. Оп.2. Д.35. Л.21.
- 18 Там же. Оп.1. Д.12. Л.115.
- 19 Там же. Оп.2. Д.35. Л.84.
- 20 Там же. Л.44.
- 21 Там же. Л.45.
- 22 Там же. Д.31. Л.7.
- 23 Там же. Д.35. Л.21.
- 24 Там же. Оп.1. Д.3.
- 25 Там же. Д.28. Л.4.
- 26 Там же. Ф.6991с. Оп.2. Д.14. Л.72.
- 27 Там же. Оп.1. Д.6. Л.34.
- 28 Там же. Д.8. Л.32.
- 29 РЦХИДНИ. Ф.17. Оп.125. Д.313. Л.156.
- 30 ГАРФ. Ф.6991с. Оп.1. Д.8. Л.24.
- 31 Там же. Д.3.
- 32 Там же. Д.28.
- 33 Там же. Оп.2. Д.8. Л.1.

- 34 Там же. Оп.1. Д.10. Л.122.
35 Там же. Л.131.
36 Там же. Д.31. Л.33.
37 Там же. Д.6а. Л.6.
38 Там же. Оп.2. Д.34а. Л.24.
39 Там же. Оп.1. Д.27. Л.73.
40 Там же. Д.35. Л.18.
- 41 Там же. Д.3. Л.8.
42 Там же. Д.35. Л.18, 147; Д.36.
Л.25.
43 Там же. Д.3. Л.7.
44 Там же. Л.8.
45 РЦХИДНИ. Ф.17. Оп.125. Д. 313.
Л.157.

Депортация ингушского народа в 1943–1944 гг.

Массовые депортации целых народов СССР в 1943–1944 гг. явились прямым следствием столкновения пороков национальной политики советского правительства с проблемами военного времени.

Известно, что, не дожидаясь конца войны, сталинское правительство приговорило к поголовному выселению калмыков, чеченцев, ингушей, крымских татар, балкарцев, карачаевцев, турквов, хемшилов, немцев Поволжья и некоторые другие народы. Для полного и объективного изучения этого явления требуется рассмотреть весь комплекс условий, причин депортации и множество дополнительных факторов.

Проследим эту проблему на примере ингушского народа. Причины его депортации (как, впрочем, и чеченского народа) хорошо характеризуют состояние советской национальной политики в предвоенные годы, в которой хватало как преступлений, так и основанных на элементарном невежестве просчетов. Именно в предвоенные годы сформировались действительные причины и внешние поводы конфликта на Северном Кавказе, приведшего в конце концов к депортациям.

В литературе этот вопрос рассматривался в основном в русле исследований сталинских репрессий. При этом внимание обращалось главным образом не на саму депортацию, а на массовое предательство со стороны депортированных, причины которого не изучались.

Проблема депортаций народов СССР неотделима от истории Великой Отечественной войны не только потому, что это произошло во время войны и война ускорила многие процессы (хотя конфликт и без войны был налицо), но и потому, что некоторые специфически военные условия, в частности оккупация, стали одной из важнейших причин усиления конфликта.

В основной массе эмигрантской литературы господствует точка зрения, согласно которой в СССР в предвоенные годы начисто отсутствовало такое понятие, как «дружба народов», и вся страна представляла собой «пороховую бочку» готового каждую минуту взорваться сепаратизма, национализма и национальной и религиозной нетерпимости в любых ее проявлениях¹. Несостоятельна и современная литература (после 1991 г.), изображающая депортацию как акт безумия Сталина, без связи ее с внутренними (конфликт на Северном Кавказе) и внешними (немецкая оккупация) причинами.

К началу 1930-х годов в Чечено-Ингушетии сложилась весьма опасная ситуация, причины которой крылись прежде всего в политике советской власти на Северном Кавказе. Политические, социальные, экономические и идеологические преобразования проводились в регионе крайне непоследовательно и безответственно. Попустительским было отношение к мусульманскому духовенству, влияние которого на массы за годы советской власти не только не ослабело, но и усилилось вследствие репрессий и безалаберно проводимой коллективизации. Несмотря на то что хозяйство Ингушетии в основном было аграрным (промышленные предприятия были только в Чечне)², уклад жизни в республике мало располагал к коллективизации. «Кулацкое движение» было всеобщим, почти инстинктивным, неприятием нового порядка. Хуторско-родовой тейповый строй был неразрывно связан с мусульманством, что значительно осложняло коллективизацию (хотя в равнинах районах Ингушетии земли и скот были общими по древней родовой традиции), а географическое положение хуторов горных районов являлось препятствием для коллективного ведения хозяйства. В созданных же колхозах производительность труда была чрезвычайно низкой: в 1937 г. 17,4 % колхозов не выработали ни одного трудодня, 3 000 хо-

зайств только формально состояли в колхозах. Например, в Ачхой-Мартановском районе в 14 из 23 колхозов председателями были кулаки и торговцы. В горных районах были созданы 158 колхозов, объединивших 33 205 хозяйств, однако индивидуальное землепользование оставалось основным укладом жизни. В республике не было обобществлено и приписано к колхозам 152 413 гектаров пастбищ³.

В докладе о работе НКВД СССР от 5 сентября 1944 г. Л.П. Берия сообщал, что «в начале 30-х годов... в результате подрывной работы в единоличном пользовании оказалась основная масса земельных угодий, до последнего времени практиковалась купля, продажа и аренда земли, созданные колхозы существовали формально, в них было обобществлено не более 17% пахотной земли, до 32% сенокосных угодий и совершенно незначительное количество рабочего скота (около 5%). Часть бедняцко-средняцких хозяйств попала в зависимость от кулаков»⁴.

В республике в предвоенные годы существовало множество отнюдь не антисоветских или сепаратистских, а чисто уголовных банд. Но власти не утруждали себя разбирательством, и порой единичные убийства, ограбления или бандитские налеты, совершенные из-за кровной мести, становились поводом для проведения грандиозных карательных экспедиций. «В марте-апреле 1930 г. был проведен ряд чекистско-войсковых операций при поддержке артиллерии и авиации». В результате этих операций уничтожались и не только бандитские элементы, но и множество ни в чем не повинных людей (что естественно «при поддержке артиллерии и авиации»). Таким образом, недифференцированный подход и принцип коллективной ответственности применялись к населению задолго до депортации.

Вследствие перегибов при осуществлении коллективизации, а особенно после карательных экспедиций чекистов начались массовые выступления протеста, стихийные, но почти всегда руководимые представителями духовенства. Еще в начале 1930 г. в Ингушской автономной области «создалась реальная угроза вовлечения в повстанческую авантюру значительных масс...» В 1932 г. в вооруженном восстании участвовало свыше 3 тыс. человек. Оно охватило все аулы Ножай-

Юртовского района. В конце 1941 г. произошло массовое выступление против советской власти. Все это впоследствии было поставлено в вину ингушскому народу: «на протяжении ряда лет участвовали в вооруженных выступлениях против Советской власти...»⁵. К концу 1930-х годов бандитизм в республике действительно приобрел угрожающие масштабы. Общее количество банд не поддается никакому учету, а тем более численность бандитов-одиночек. В 1930-1940-х годах также имелось множество крупных банд, массовым стало сотрудничество партийных и советских работников республики с бандитскими группировками. В 1943 г. в связи с бандитами и «получении от них материальной помощи» были уличены нарком внутренних дел ЧИАССР Албогачиев и его заместитель Алиев⁶. За сотрудничество с бандитами были осуждены и многие другие активисты и партийно-советские работники, о чем отдел по борьбе с бандитизмом республики регулярно докладывал в НКВД, прилагая справки по каждому району. Такое поведение во многом объясняется не только ненавистью чечено-ингушских коммунистов к советской власти или их патологической склонностью к бандитизму, но и разветвленной и устойчивой системой родовых и просто родственных связей, вообще характерных для южных и восточных, особенно мусульманских, республик.

Особую активность бандгруппировки начали проявлять с приближением фронта к границам республики. К 1942 г. в республике действовало более 240 бандитов-одиночек. Некоторые колхозы самораспустились, было организовано националистическое подполье, которое возглавил Комитет чечено-горской национал-социалистической партии (ЧГНСП), нававший готовить восстание⁷.

Так или иначе, одна из объясняющих депортацию причин была налицо - массовый бандитизм, активизировавшийся при возникновении реальной угрозы оккупации. Эта проблема постепенно усложнялась в мирное время, и война просто ускорила течение всех процессов. С началом войны накопившееся озлобление выплеснулось наружу, хотя в мирных условиях взрыв, может быть, был бы кратковременным. Война лишь стала катализатором, а основной причиной было нежелание и неумение советской власти вникать в национально-

культурные и бытовые особенности каждой нации (этот порок остался и по сей день). Исключительно поверхностное знание местных национальных институтов и обычаев сыграло роковую роль в этом сложном и совершенно непредсказуемом регионе. Не выдержала проверки и «союзно-автономная» форма национально-государственного устройства СССР и РСФСР, ведущая к поощрению национального сепаратизма и неравенства наций в системе государства.

Однако политический и уголовный бандитизм были не единственной причиной депортации. Главным же декларированным поводом стали военные события. Депортация проводилась «в связи с тем, что многие чеченцы и ингуши изменили Родине, переходили на сторону оккупантов, вступали в ряды диверсантов и разведчиков, забрасываемых немцами в тыл Красной Армии...»⁸ Это надолго дискредитировало депортированные народы.

С началом Великой Отечественной войны деятельность бандитских формирований в республике активизировалась и стала организованной, а мобилизация на фронт значительно сократила милицейские, чекистские и красноармейские части, занятые борьбой с бандитизмом. Немало партийных и советских работников вступали в ряды бандитских формирований. Часть из них пошла на сотрудничество с немцами. В августе-сентябре 1942 г. бросили работу и скрылись 80 руководящих работников, в том числе 16 партийных, 8 работников райисполкомов и 14 председателей колхозов⁹. Контакты немцев с бандитами на территории республики начались в августе 1942 г.; десантные группы противника вербовали горцев сначала в качестве проводников, а потом немцы стали активно привлекать их к военным действиям против советских войск¹⁰. Например, диверсионно-десантная группа Ланге, действовавшая в 1942-1943 гг. и состоявшая частично из местных жителей, совершала рейды в тыл Красной Армии и оказывала помощь немецким войскам в борьбе с партизанскими отрядами¹¹.

Германская оккупационная политика на Кавказе, в отличие от политики, проводимой немцами в других регионах СССР (особенно в России и в Белоруссии), провозглашала воссоздание и реставрацию старых обычаев, свободу слова, торговли, ликвидацию колхозов. Немецкая пропаганда вся-

чески упирала на то, что рассматривает народы Кавказа как «дружественные»¹². Диктовалось это, разумеется, не любовью немцев к народам Кавказа, а вполне определенной целью - «расчленением Советского Союза... по этнографическому признаку»¹³. Эта пропаганда сыграла свою роль в дискредитации народов Кавказа не перед властями (они знали цену пропаганды), а перед русскими, которые несли во время оккупации огромные потери и не могли не заметить разницы в отношении к себе.

Осенью 1943 г. после освобождения Кавказа от немецко-фашистских войск в обстановке строгой секретности Сталин принял решение о переселении некоторых народов Кавказа в другие районы страны. Бандитизм, репрессии и обусловленные этими репрессиями измены - все сплелось в такой узел, что уже нельзя было разобраться, что явилось первопричиной конфликта: политика советской власти, национальные особенности горцев, вековой конфликт горцев и русских, политика гитлеровских оккупантов или многое, многое другое.

Сталин разрубил этот узел одним ударом. Все документы, касавшиеся выселения, были подготовлены до конца января 1944 г. Началась грандиозная работа, затронувшая многие области народного хозяйства, вовлекшая в себя тысячи людей и приведшая к огромным денежным затратам. 31 января 1944 г. ГКО принял постановление о выселении чеченцев и ингушей в Казахскую и Киргизскую ССР и о ликвидации Чечено-Ингушской АССР. Операцию, начало которой было назначено на 23 февраля 1944 г., намечалось провести за восемь дней. Необходимые войска и техника были стянуты к месту операции к 22 февраля. Все осуществлялось силами НКВД. В горные районы были также стянуты воинские формирования и курсанты военных училищ. К участию в операции привлекались и местные жители: около 6-7 тыс. дагестанцев, 3 тыс. осетин и сельский актив из русских¹⁴. Было заготовлено 14 200 вагонов и 1 000 платформ. От ориентировочного решения в ноябре 1943 г. до начала операции в марте 1944 прошло всего лишь четыре месяца. И все это в военное время. Операцией руководил лично Берия.

20 февраля 1944 г. Берия и его заместители Кобулов, Серов, Мамулов выехали в Грозный для руководства операцией.

Район операции был прочесан, «очищен от антисоветского элемента» и ночью 23 февраля оцеплен. У населения было изъято множество единиц огнестрельного оружия. Операция началась на рассвете. Мужчины из всех населенных пунктов республики были созваны на сходы, где им было объявлено о выселении. После этого их отправили к местам погрузки, а в населенных пунктах объявили о сборе вещей и погрузке на транспорт. Все проводилось быстро и без шума. Многим семьям даже не дали собрать положенные 500 кг вещей. Люди не могли оказать сопротивления, да к тому же были крайне деморализованы. Немногочисленные попытки сопротивления были тут же пресечены.

До 29 февраля было выселено 478 479 человек. 29 февраля ушли эшелоны с бывшими партийными и советскими работниками и религиозными деятелями. На 29 февраля 1944 г. было выселено и погружено в эшелоны 91 250 человек ингушей¹⁴. По делам 2 016 арестованных «антисоветских элементов» началось следствие. Работники НКВД, партийно-советского аппарата Северной Осетии, Дагестана и Грузии, отличившиеся при проведении операции, были представлены к правительственным наградам. Большинство их фамилий до сих пор засекречено.

К лету 1944 г. на поселение были отправлены все ингуши, до того находившиеся на фронте, в лагерях НКВД и проживавшие в других районах страны, хотя они уж никак не могли состоять в изменнических формированиях, особенно те, кто на фронте с оружием в руках защищал приговорившую их к изгнанию власть. Все чеченцы и ингуши направлялись в распоряжение НКВД Казахской ССР в Алма-Ату. Из Дагестана, Азербайджана, Грузии, Краснодарского края, Ростовской и Астраханской областей было выселено 52 ингуша¹⁵. Всего в Казахстан и Киргизию было переселено 602 193 человека жителей Северного Кавказа, из них чеченцев и ингушей - 496 460 человек¹⁶.

Путь переселенцев продолжался примерно месяц. Вагоны были набиты людьми до отказа и санитарным нормам не отвечали. Отсутствовала вода. При скученности и невозможности отделить больных от здоровых началась эпидемия сыпного тифа¹⁷. Умерших хоронили только в снегу в двух шагах

от вагона, чтобы предупредить побег, или вообще не хоронили, а просто выбрасывали из вагонов на снег¹⁸. То же самое продолжалось и на поселении. Власти Казахстана и Киргизии к прибытию переселенцев были совершенно неготовы, и зачастую спецпереселенцев выгружали прямо в поле. В Акмолинской области даже к июлю 1946 г. было построено только 29 из запланированной тысячи домов, в Талды-Курганской - 23 дома из 1 400. В Джамбульской и Карагандинской областях строительство вообще не начиналось¹⁹.

Спецпереселенцы страдали от голода и болезней. Только в 1945 г. умерло 13 883 чеченца и ингуша²⁰ (в сводках НКВД они проходили вместе). С 1944 по 1948 г. на спецпоселении умерло 144 704 человека²¹. Численность чеченцев и ингушей неуклонно уменьшалась вследствие нечеловеческих условий жизни.

Впервые в истории целые народы были наказаны как государственные преступники, а государство выступило как судья и палач одновременно. Эта акция была обусловлена стечением ряда сложнейших причин и длительным, не всегда благополучным развитием отношений Российского, а потом Советского государства с народами Северного Кавказа. Бандитизм, имевший корни в далеком прошлом, только усиливался безграмотной и в большинстве случаев силовой политикой государства в этом регионе. Особенно это проявилось в условиях войны, в которой решалась судьба не только советского государства, но и каждого живущего в этом государстве народа. Глубинные причины депортаций были забыты, и на поверхности осталось только предательство. Последнее и обусловило ту легкость, с какой была проведена депортация, многолетнюю вражду народов СССР к депортированным, а в наши дни привело к осетино-ингушскому конфликту. Выход из него пока не найден, так как обе стороны чувствуют себя правыми и не собираются уступать «противнику». Ингушам «повезло» меньше всех: их дома и земли оказались «отписанными» Северной Осетии, а возвращение стало проблематичным из-за непродуманного, нескорректированного на местах «возвращения». В течение 50 лет то разгорается, то затухает осетино-ингушский конфликт, приведший ныне к чрезвычайному положению. Во многом происходит это из-за отсут-

ствия базы знаний в теории и практике межнациональных отношений (на аналитической и исторической научной основе), при наличии которой ситуация была бы если не легкоразрешимой, то во всяком случае, управляемой, даже если брать в расчет неумеренные амбиции и безответственность вчерашних и сегодняшних политиков СССР и России.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Национальный вопрос в СССР. Мюнхен, 1975.
- 2 ГАРФ. Ф.Р-1318. Оп.1. Д.211. Л.86.
- 3 *Филькин В.И.* Очерки истории Чечено-Ингушской АССР. 1917-1970. Грозный, 1972. Т.2. С.19.
- 4 Иосиф Сталин - Лаврентию Берия: «Их надо депортировать...»: Сб. док. М., 1992. С.98.
- 5 ГАРФ. Ф.7523. Оп.4. Д.28. Л.51.
- 6 Там же. Ф.9478. Оп.1. Д.55. Л.155.
- 7 Там же. Д.32. Л.236-248.
- 8 Там же. Ф.7523. Оп.4. Д.28. Л.51.
- 9 Иосиф Сталин - Лаврентию Берия... С.101.
- 10 ГАРФ. Ф.9478. Оп.1. Д.55. Л.261-262.
- 11 Там же. Л.193.
- 12 См.: Заметки Отто Брейтигама // Нюрнбергский процесс: Сб. док.: В 3 т. М., 1965. Т.2. С.179-180.
- 13 См.: Зеленая папка Розенберга // Нюрнбергский процесс. Т.2. С.181.
- 14 ГАРФ. Ф.9401. Оп.2. Д.64. Мкфильм. 4.
- 15 Иосиф Сталин - Лаврентию Берия... С.85.
- 16 ГАРФ. Ф.9401. Оп.2. Д.65. Л.311-312.
- 17 См.: Воспоминания Азы Базоркиной // Так это было: национальные репрессии в СССР: в 3 т. М., 1993. Т.2.
- 18 *Боков Х.-Б.Х.* Дорога печали и мужества. Грозный, 1992. С.161.
- 19 Там же. С.165.
- 20 *Вопр. истории.* 1990. №7.
- 21 ГАРФ. Ф.9401. Оп.2. Д.65. Л.313.

Националистическое подполье в Литве и войска НКВД в 1944–1945 гг.

В июле 1944 г. войска 3-го Белорусского и 1-го Прибалтийского фронтов после ожесточенных боев вступили на территорию Литвы. 13 июля в ходе пятидневных боев они освободили Вильнюс, 27 июля - Шауляй, 1 августа - Каунас.

Вслед за частями Красной Армии следовали войска НКВД по охране тыла действующей Красной Армии 1-го Прибалтийского и 3-го Белорусского фронтов. В июле 1944 г. на территории республики дислоцировалось 7 погранполков. В их задачи входила очистка прифронтовой полосы и освобожденной территории от оставших солдат и офицеров германских частей, мародеров, дезертиров, вражеской агентуры, в обилии оставленной немецкой разведкой, антисоветских элементов, немецких пособников и т. д.

Пограничники стали сталкиваться с отдельными вооруженными выступлениями местного населения, направленными против вновь образованных органов советской власти, мелких соединений и частей Красной Армии и войск НКВД. Начались противодействия арестам, убийства активистов, массовое неповиновение приказам власти, отказ от призыва в Красную Армию.

Такие действия населения не были спонтанны и неорганизованны. Существовал центр, направлявший и координировавший эти акты. Им являлись Верховный комитет освобож-

дения Литвы (ВКОЛ) и его ударная сила - Литовская освободительная армия (ЛЛА - Lietuvos Laisves Armia).

Эти организации возникли не на пустом месте. После оккупации территории Прибалтики германскими войсками вышли из подполья политические партии и организации, запрещенные советской властью в 1940 г. после присоединения Литвы к Советскому Союзу. В большинстве своем они надеялись на восстановление независимости республик с помощью Германии. Но когда стало ясно, что это не входит в планы рейха, они объединились, считая, что Германия потерпит поражение от СССР, после чего неизбежно начнется война Советского Союза с Англией и Америкой, в которой СССР потерпит поражение, и тогда с помощью демократических стран Литва сможет восстановить свою независимость.

Летом 1943 г. на этой политической платформе был создан Литовский национальный фронт (ЛНФ) во главе с Верховным комитетом освобождения Литвы, в ведении которого находились уездные комитеты ЛНФ. В этом же году по решению ВКОЛ была создана Литовская освободительная армия (ЛЛА) и начато формирование войсковых групп на местах. В этот период они придерживались тактики невооруженной борьбы, полагая, что освобождение Литвы без помощи извне невозможно. В то же время велась активная пропагандистская работа через печать. В период оккупации выходило около 30 нелегальных газет.

В начале оккупационные власти относились к политическим образованиям довольно нейтрально. Так, в Каунасе было разрешено шествие, посвященное дню независимости Литвы. К лету 1943 г. все политические партии в Литве были запрещены, что и явилось основанием для вторичного ухода партий в подполье.

С населением, номинально входившим в состав ЛЛА, проводилась активная агитационная и пропагандистская работа, направленная на укрепление национального самосознания.

В период наступления советских войск в Литве основной задачей ЛЛА была борьба с отступающими немецкими частями с целью не допускать ограбления государственного имущества республики. ЛЛА стремилась также вооруженным пу-

тем воспрепятствовать захвату польскими подпольными формированиями г. Вильно и Виленской области.

С приходом Красной Армии развернулась деятельность ЛЛА против советской власти. Ее выступления с июля по октябрь 1944 г. были спонтанными и мало организованными, что облегчало борьбу с ней. В результате оперативно-розыскных мероприятий в декабре 1944 - январе 1945 гг. НКВД ликвидировало: 23 бандгруппы; 321 участника; 665 человек, уклонившихся от призыва в Красную Армию¹.

Вооруженные отряды ЛЛА носили название «Ванагай». Общее руководство боевыми действиями осуществлял главный штаб, разделивший территорию Литвы на округа: Вильнюсский, Паневежский, Шауляйский, Ковненский. Округу подчинялись уездные формирования - батальоны или полки. Волостные формирования - роты или батальоны - подчинялись уездным, а деревенские - взводы или роты - волостным. Деревенские подразделения состояли из 2-3 отделений.

В местах дислокации данных формирований организовывались комитеты поддержки «Ванагай». В частности, они обеспечивали хозяйственную базу отрядов и в случае перехода к открытой вооруженной борьбе должны были осуществлять хозяйственную и административную работу.

В приказе №4 от 10.12.1944 г. верховного штаба ЛЛА перед членами ставилась следующая задача: «Объединить все вооруженные силы, действующие в стране, и уже объединенными силами вести активную подпольную борьбу против большевистского террора. При падении оккупационного режима и разгрома Красной Армии перейти в открытую борьбу, мобилизуя для этой цели весь народ». Предусматривалось: объединение всех дезорганизованных партизанских отрядов, принятие ими присяги, установление связи между ними и создание отрядов в тех местах, где их еще нет; организация скрытой активной борьбы против НКВД, шпионов и местных сотрудников администрации. Членам «Ванагай» рекомендовалось без указания штаба не проводить боевых операций против тех частей Красной Армии, которые не имели заданий на ведение борьбы против партизан. Без указания штаба не разрешалось разрушать коммуникаций и военное оборудование, если этого не требовала непосредственная безопасность соответствующего отряда.

В случае падения власти большевиков в Литве и разгрома Красной Армии предполагалось вести борьбу открыто, провести мобилизацию, занять центры и узлы коммуникаций.

В приказе содержалось требование помогать Красной Армии, вступившей на территорию Литвы, но списков личного состава и руководителей не передавать и оружие не сдавать. Подчиняться же только приказам верховного правления «Ванагай».

Для выполнения поставленных задач верховный штаб ЛЛА дал указание в ходе борьбы с советской властью запугать местную администрацию, милицию и отдельных шпионов и держать их в напряжении, чтобы под угрозой смерти они не могли добросовестно выполнять своих обязанностей. Безразборная ликвидация местных работников признавалось ненужной, убирать следовало только самых активных. Верховный штаб определил целью борьбы против НКВД и НКГБ защиту имущества и жизни своего народа².

Следуя этим указаниям, формирования ЛЛА к декабрю 1944 г. активизировали свои действия. Вот некоторые факты, приводимые в одном из отчетных документов НКВД.

«1.12.44 г. банда в количестве 250-300 человек под командованием лейтенанта литовской армии - учителя Калпокас Казис окружила и заняла волостной центр Панемунь, расстреляла 8 активистов, в том числе парторга и председателя волисполкома;

17.12.44 г. в местечке Чадосай Панемунской волости бандиты в количестве 50 человек под командованием Калпокас Казис прошли по местечку строем с песнями, забрали с собой из м. Чадосай сапожника Ластюнас и увели с собой в лес. Сделали обыск в квартире гражданина Мейлус, предупредив его, чтобы он не шел на работу в советские органы.

22.12.44 г. вечером бандиты окружили волостной центр Иодуп, на расстоянии полукилометра от волостного центра вели обстрел из пулеметов и пускали ракеты. Население и актив из местечка бежали.

4.12.44 г. бандгруппа в количестве 3-х человек, вооруженная автоматами, зашла в дом гражданина Сакалас Пятрас в дер. Вижели Скапишской волости и потребовала подводу, получив отказ, бандиты увели хозяина в лес.

14.12.44 г. утром бандиты по дороге между Панделис и Рокишкис задержали гр-на Пимпе Петрас из дер. Бучинишки, обыскали его и вручили повестку, воспрещающую идти в Красную Армию.

15.12.44 г. группа бандитов в количестве 5 человек зашла в дом гр-ки Пейдумажичене Эмилии дер. Скашанты Иодупской волости, поставили всех членов семьи на колени, заставили целовать пол и потребовали, чтобы сын ушел из истребительного отряда, угрожая, что если он не уйдет, то будет пойман и расстрелян, а хозяйство с семьей сожжены.

16.12.44 г. в дом активиста Икамас хут. Чедосай вошли 10 человек бандитов, произвели обыск в квартире, забрали жену и сына, их документы и скрылись»³.

Помимо частей НКВД, явно не справляющихся с партизанами, к борьбе были привлечены отряды местной самообороны. Эти отряды подчинялись органам госбезопасности. Они были сформированы из местных активистов и вооружены в основном трофейным оружием. Указанные отряды участвовали в боевых операциях совместно с оперативными группами войск НКВД. Не отличаясь высокой боеспособностью, они, однако, проявляли неоправданную жестокость по отношению к местному населению.

О подобных случаях свидетельствует письмо председателя исполкома Алитусского уездного совета депутатов трудящихся от 17 января 1945 г., направленное Совету Народных Комиссаров Литовской ССР. В нем, в частности, говорилось: «...ведя борьбу против бандитов, войска сожгли целый ряд усадеб, вместе с имеющимся инвентарем и фуражом. Когда войсковые части сжигают усадьбы врагов во время операции, нет возможности спасти имущество, но зато имеется целый ряд фактов, когда сжигают усадьбы, не проводя операций, и войсковые подразделения конфискуют и забирают для себя часть имущества, особенно скот»⁴.

Применение жестоких репрессивных мер по отношению к населению - взятие заложников, аресты родственников, уничтожение домов, имущества - вынуждали часть населения уходить в лес к партизанам, зачастую целыми семьями, провоцировали повышение их активности. Следствием этого было и уклонение от призыва в Красную Армию, достигшее значи-

тельных масштабов. По данным военного комиссариата Литовской ССР, по состоянию на 1 декабря 1944 г. от призыва уклонились 45 648 человек.

С начала августа 1944 г. на территории республики действовало одно из наиболее боеспособных и полностью укомплектованных соединений НКВД - 4-я стрелковая дивизия под командованием генерал-майора П.М. Ветрова. Дивизия уже имела опыт борьбы с национальными выступлениями: ранее она базировалась на Северном Кавказе, участвовала в выселении крымских татар.

На дивизию сразу же был возложен весь комплекс задач по поддержанию общественного порядка в республике. Постоянные нападения на местные органы власти заставляли личный состав находиться в постоянном напряжении: ежедневно выделялись розыскно-поисковые и чекистско-войсковые группы, прочесывались леса, производились аресты подозреваемых в «бандитизме». Так, за июль-декабрь 1944 г. в ответ на 631 «бандпроявление» были произведены 1 243 чекистско-войсковые операции.

Однако действия дивизии и округа в целом по борьбе с национальными выступлениями были признаны руководством НКВД СССР неудовлетворительными. В декабре 1944 г. в Литву прибыл с инспекционной поездкой заместитель наркома внутренних дел СССР комиссар госбезопасности 2 ранга С.Н. Круглов. С его приездом коренным образом изменилась организация служебной деятельности внутренних и пограничных войск на территории республики. Был организован штаб главного руководства, начальником которого стал начальник внутренних войск НКВД Прибалтийского военного округа генерал-майор Головкин. Вся территория Литовской ССР с целью усиления борьбы с националистическим подпольем разделялась на 9 оперативных секторов. Для организации и проведения совместных операций смежных секторов и контроля за служебно-боевой деятельностью войск были назначены старшие войсковые начальники. Непосредственными начальниками оперсекторов были чины госбезопасности и НКВД.

О деятельности войсковых соединений в Литве свидетельствует докладная записка «Об обстановке в Литовской

ССР и оперативно-боевой деятельности войск НКВД, дислоцированных в Литве» за декабрь 1944 - январь 1945 гг., датированная 8 февраля 1945 г. и направленная заместителю наркома внутренних дел СССР, начальнику внутренних войск НКВД СССР генерал-полковнику Аполлонову. В ней говорилось: «... войсками проведено 841 чекистско-войсковая операция. Разгромлено 285 бандитских групп. В результате:

бандитов убито - 27 923;

захвачено во время боя - 4 177;

бандитов сдалось во время боя - 161;

задержано войсковыми нарядами - 777;

бандитов явилось добровольно - 702;

изъято и арестовано литовских и польских националистов - 2 613;

поймано немецких ставленников и предателей - 74;

поймано немецких агентов и шпионов - 46;

поймано немецких парашютистов - 189;

поймано дезертиров КА - 935;

задержано уклонившихся от призыва - 15 170

Итого: 29 959

Изъято много разного оружия, боеприпасов и нелегальной литературы.

За это время войска понесли потери:

Офицеров убито - 6, ранено - 2.

Сержантов и красноармейцев убито - 36, ранено - 92.

Итого: убито - 42, ранено - 94.

Всего потеряно - 136 человек»⁵.

Необходимо отметить, что кроме указанных выше войсковых соединений и частей для подавления повстанческого движения в Литве с особыми целевыми задачами были использованы не совсем обычные соединения. В частности, это были подразделения отдельного отряда особого назначения (ОООН), непосредственно подчиненного руководству НКВД-НКГБ СССР.

Отдельная мотострелковая бригада особого назначения (ОМСБОН) была сформирована под личным руководством старшего майора госбезопасности П.А. Судоплатова в июле 1941 г. в составе четырех батальонов. Деятельность бригады началась сразу же после ее формирования. Часть бригады в

составе отряда из 500 человек была направлена на выполнение спецзадания по выселению немецкого населения из АССР Немцев Поволжья. Впоследствии бригада выполняла особые, в том числе диверсионные, задания в тылу немецких войск, помогала партизанскому движению.

В октябре 1943 г. бригада была переформирована в отдельный отряд особого назначения с переподчинением его НКГБ.

В июне 1945 г. по указанию наркома Берия из состава ОООН были сформированы 4 оперативных отряда для выполнения спецзадания по «вскрытию и ликвидации контрреволюционных литовских националистических банд»⁶.

Все группы были экипированы в трофейное обмундирование, в том числе в обмундирование власовцев из РОА. Вооружение состояло из советского и трофейного оружия, включая ротные минометы, пулеметы, ручное автоматическое оружие, гранаты. Каждый отряд был снабжен подробной информацией о положении в уезде, в котором им предстояло действовать. Основной целью отрядов было обнаружение и ликвидация формирований националистического подполья, выявление и уничтожение их баз и штабов.

В результате деятельности этих отрядов националистическому движению был нанесен серьезный урон.

Надо отметить, что история борьбы с национальным подпольем на территории Литвы не ограничивается только 1944 - началом 1945 г. Согласно историческому формуляру базовой 4-й стрелковой дивизии ВВ НКВД за 1944-1954 гг. в республике имели место 6 238 «бандпроявлений», было проведено 1 764 операций, состоялось 1 413 боевых столкновений, было убито и захвачено в плен 30 596 «бандитов», за это время части дивизии потеряли убитыми 533 человека и ранеными - 784 человека, захватили 17 968 единиц стрелкового оружия⁷.

Указанное количество «бандпроявлений» является неполным, так как учитывались только данные, собранные из официальных заявлений жителей. Во многих случаях «бандпроявления» не регистрировались, поскольку население, опасаясь террора, не заявляло о нападениях.

Не возникает сомнения в том, что советские войска выступали на территории Прибалтики не только как освободи-

тели от фашизма, но и как сила, выполнявшая карательные функции, принесшие большие страдания литовскому народу. Но не надо идеализировать ЛЛА и ее борьбу, нельзя забыть тот факт, что в этом движении участвовали не только фанатики независимости республики, но и пособники фашистского режима.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ РГВА. Ф.32939. Оп.1. Д.63. Л.179.

² Там же. Ф.38650. Оп.1. Д.160. Л.79-81.

³ Там же. Л.53.

⁴ Там же. 38672. Оп.1. Д.40. Л.17.

⁵ Там же. Ф.38650. Оп.1. Д.160. Л.91.

⁶ Там же. Ф.38693. Оп.1. Д.81. Л.1-2.

⁷ Там же. Ф.39026. Оп.1. Д.110.

Научное
издание

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТ- ВЕННАЯ ВОЙНА В ОЦЕНКЕ МОЛОДЫХ

Сборник статей
студентов,
аспирантов,
молодых
ученых

Редактор
С.М. Пчеляная

Художник
В.В. Сурков

Технический
редактор
Г.П. Каренина

Компьютерная
графика
и верстка
С.Ю. Лапина

Корректоры
Т.М. Козлова,
Ф.И. Грушкова

ЛР № 020219
от 22.09.96.
Подписано в печать 31.01.97.
Формат 84x108^{1/32}
Бумага № 1
Гарнитура Гарамонд.
Усл. печ. л. 8,6.
Уч.-изд. л. 9,4.
Тираж 500 экз.
Заказ № 159

Издательский
центр
Российского
государственного
гуманитарного
университета
125267, Москва,
Миусская пл., 6.
тел. (095) 973-42-00

Малозу-
ченая Ржев-
ско-Вяземская
операция была
продолжением
известного де-
кабрьского
контрнаступле-
ния советских
войск на
сква...

...восточной
дирекции
нужны были
стали пол-
сотнями
объектами
восточные
границы
финляндии
направлялся
воинские
пункты на
линии на
существова-

Деятельность ГКО охватыва-
ла обычно широкий круг
компетенции
решала о
ице

...восточной
дирекции
нужны были
стали пол-
сотнями
объектами
восточные
границы
финляндии
направлялся
воинские
пункты на
линии на
существова-

...восточной
дирекции
нужны были
стали пол-
сотнями
объектами
восточные
границы
финляндии
направлялся
воинские
пункты на
линии на
существова-

Штаб советско-
германском
фронте. Од-
ним из таких
важных напра-
вления было
центральное.
Поэтому Став-
ка Верховного
Главкома
дования при-
няла решение
о проведении
Ржевско-Вя-
земской опера-
ции для окру-
жения, расу-
ления и раз-
грома гер-
манских
«Л...

...восточной
дирекции
нужны были
стали пол-
сотнями
объектами
восточные
границы
финляндии
направлялся
воинские
пункты на
линии на
существова-

...восточной
дирекции
нужны были
стали пол-
сотнями
объектами
восточные
границы
финляндии
направлялся
воинские
пункты на
линии на
существова-

...восточной
дирекции
нужны были
стали пол-
сотнями
объектами
восточные
границы
финляндии
направлялся
воинские
пункты на
линии на
существова-

Начало войны характеризовалось крайней нестабильностью как
в составе ГШ, организации его работы, так и в структуре управления
силами страны. Из-за частых реорганизаций и организованных до-
статочно низкого качества оперативного управления, сохранявшихся до
во многом была вызвана личными качествами С...
сторону, работа Генштаба было чрезвычайно значени-
го времени не придавал должного значения

Началу 1943 г. в органах управления
необходимая для управле-
ния и формы взаимодействия
времени в конце
позволило с конде
работу в обла

Началу 1943 г. в органах управления
необходимая для управле-
ния и формы взаимодействия
времени в конце
позволило с конде
работу в обла